МНОГОЛИКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

МИКРОИСТОРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОШЛОГО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Центр
«История частной жизни и повседневности»

Многоликая повседневность

Микроисторические подходы к изучению прошлого

Материалы конференции
памяти Ю.Л. Бессмертного (1923–2000)

Ответственный редактор
О.И. Тогоева

Москва
2014

УДК 94
ББК 63.3
М 735

Редколлегия:
И.Н. Данилевский, П.Ш. Габдрахманов,
Ю.П. Крылова, О.И. Тогоева

Рецензенты:
доктор исторических наук Ю.Е. Арнаутова
доктор филологических наук Ф.Б. Успенский

Многоликая повседневность. Микроисторические подходы к изучению прошлого. Материалы конференции памяти Ю.Л. Бессмертного (1923–2000) / Отв. ред. О.И. Тогоева. – М., ИВИ РАН, 2014. – 307 с. ISBN 978-5-94067-413-9

В сборнике представлены исследования по истории повседневности в ее самых разнообразных проявлениях и ракурсах; сложных взаимосвязей между различными историческими источниками, трактующими одно и то же событие прошлого, а также проблемы применимости для изучения прошлого методов микроистории, зачинателем которой в отечественной науке стал известный историк-медиевист Юрий Львович Бессмертный, памяти которого посвящено настоящее издание.

ISBN 978-5-94067-413-9

В оформлении обложки использована картина Питера Брейгеля Младшего «Визит в крестьянский дом» (ок. 1597 г.).

© Коллектив авторов, 2014
© Институт всеобщей истории РАН, 2014

Ad memoriam

Этот сборник мы посвящаем памяти Юрия Львовича Бессмертного. Историка-медиевиста, известного ученого, нашего учителя, друга и коллеги. Человека, всю свою жизнь отдавшего *просвещению*: познакомившего нас со школой «Анналов» и организовавшего приезд в Москву самых известных ее представителей; создавшего «Одиссей» и «Казус», отечественную школу исторической демографии и микроистории – нашу новую историческую науку. Человека, который всегда находился в поиске и с которым мы были счастливы работать вместе…

который неизменно улыбался вам при встрече,

который был всегда исключительно элегантно одет,

который передвигался столь стремительно, что за ним нужно было бежать почти вприпрыжку,

с которым всегда было интересно,

который заражал своей неуемной энергией,

который был открыт всему новому,

который вдохновлял,

который был требователен и даже придирчив в работе,

который мог всерьез обсудить любую, даже самую нелепую научную гипотезу,

который знал, как объяснить и научить,

который был добр и снисходителен к ученикам,

который обо всем имел *собственное* мнение,

после встреч с которым появлялись новые силы, смелые идеи и хотелось работать,

который одним из первых начал пользоваться Интернетом и оценил его возможности,

который каждое лето катался на велосипеде,

который очень любил застолье и всегда был душой компании.

После которого осталась невосполнимая пустота…

Мы не забыли Вас, Юрий Львович.

Память сильнее времени.

Ваши ученики и ученики Ваших учеников

СОДЕРЖАНИЕ

Ad memoriam 5

Игорь Данилевский
Повседневные практики древнерусских переписчиков книг и датировка Остромирова Евангелия 6

Павел Габдрахманов
Жители Арселе, Канегем и Рёйселеде до и после «Черной смерти» 33

Владимир Рудаков
«Погибель» или «пленение» Русской земли? Два способа осмысления повседневности русскими книжниками второй половины XIII в. 111

Светлана Лучицкая
«Бедненькие рыцаря святого Лазаря»: из истории повседневной жизни прокаженных в Иерусалимском королевстве 131

Ольга Тогоева
«Продажная» любовь в средневековом обществе: история Джона Райкнера (1394 г.) 166

Юлия Крылова
Греховная повседневность бургундского двора: *peccata linguae* 194

Михаил Бойцов
Сладкая жизнь. Распорядки женской половины Тирольского двора 217

Анна Серегина
Свое/чужое католичество. История английского путешественника в Европе середины XVI века 246

Надежда Назарьева, Павел Уваров
Внесудебное прекращение конфликтов по парижским нотариальным актам первой половины XVI века 266

Ольга Кошелева
«Доезд» и ему «противности» (по материалам судебного делопроизводства петровского времени) 275

*** * ***

Бессмертный Ю.Л.
[Письма в Париж] (*публ. О.И. Тогоевой*) 289

Бессмертный Ю.Л.
К идеям семинара «Западноевропейская аристократия раннего средневековья. Идеалы, культурная практика, людские судьбы» (*публ. Ю.П. Крыловой*) 299

Источники иллюстраций 303

Игорь Данилевский
(НИУ ВШЭ, ИВИ РАН)

Повседневные практики древнерусских переписчиков книг и датировка Остромирова Евангелия

Остромирово Евангелие является древнейшей датированной славянской книгой. Оно написано для родственника («близока») князя Изяслава – новгородского посадника Остромира. Изяслав в это время – после смерти своего отца, Ярослава Мудрого – занял киевский престол, оставаясь в то же время князем новгородским. Судя по приписке, завершающей Евангелие, оно было написано дьяконом Григорием. Евангелие отличается оформлением, поражающим воображение: оно украшено 19 разноцветными заставками в старовизантийском стиле и 524 красивыми буквицами (инициалами), орнаментальный рисунок которых ни разу не повторяется **(Илл. 1a, b, c, d, e)**. Каждый из 28 цветов в заставках и буквицах отделен от другого тонкой золотой линией. Рукопись имеет большой формат (36 х 29 см). Текст написан крупными красивыми буквами (так называемым уставом) в два столбца.

Датировка Остромирова Евангелия ни у кого не вызывает сомнения. Приписка, оставленная дьяконом Григорием, кажется, не оставляет для них места: днем начала создания памятника считается 21 октября 6564 г., днем окончания – 12 мая 6565 г.[1] **(Илл. 2a, b)** Традиционно эти даты переводятся по мар-

[1] «Слава Тебѣ, Господи, Царю небесьный, яко съподоби мя написати Евангелие се. Почахъ же е писати въ лѣто 6564. А оконьчахъ е въ лѣто 6565. Написахъ же евангелие се рабоу Божию нареченоу сущоу въ крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ, близокоу сущоу Изяславоу кънязоу. Изяславоу же кънязоу тогда прѣдрьжащоу обѣ власти: и отьца своего Ярослава, и брата своего Володимира. Самъ же Изяславъ кънязь правляаше столъ отьца своего Ярослава Кыевѣ, а брата своего стол поручи правити близокоу своемоу Остромироу Новѣгородѣ… Азъ Григории дияконъ написахъ Евангелие е. Да иже гознѣе сего напише, то не мози зазьрѣти мьнѣ, грѣшьникоу. Почахъ же писати мѣсяца октября 21, на память Илариона. А оконьчахъ мѣсяца маия въ 12, на память Епифана» (Остромирово Евангелие // РНБ. F. п. I. 5. Л. 294–294

товскому стилю: 21 октября 1056 г. – 12 мая 1057 г. Из этого следует, что переписка всего текста заняла 203 (а за вычетом воскресений, когда монаху не положено было работать, 174) дня[2].

Дело, однако, не так просто, как может показаться на первый взгляд. Кодекс подобного качества, с таким тонким и богатым украшением и тщательной проработкой буквально каждой буквы, вряд ли мог быть создан за столь короткий срок.

Е.Ф. Карский полагал, что в среднем рукописи *in folio* крупным почерком древнерусские книжники переписывали по 1,5 листа в день. Проблема заключается лишь в том, что основанием для таких расчетов и было Остромирово Евангелие. «Впрочем, – отмечал Е.Ф. Карский, – указанные нами числа только приблизительные, так как в праздники писец мог и не писать; равным образом, если ему приходилось разрисовывать заставки или заглавные буквы, то тогда нельзя было написать столько же, как в другие дни»[3]. Такие же темпы работы переписчиков книг дает и Л.В. Черепнин[4]. На несколько иные временные сроки указывает анализ «дневниковых» помет псковского писца Саввы на полях Изборного Октоиха («Псковского Шестоднева» или, как его еще называют, «Шестоднева 1374 г.»): пятеро писцов переписали 117 листов Октоиха примерно за 10 месяцев. Соответственно, «в день переписывалось не более 1–2 страниц». При этом, отмечает Л.В. Столярова, «многие из этих страниц из-за различных дефектов оказывались очень небольшого размера, и, следовательно, чтобы заполнить их текстом, требовалось значительно меньше времени, чем для письма по более или менее неиспорченным листам и страни-

---

об.; ср.: Остромирово Евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М., 2007. С. 294–295).

[2] Ср.: «S҃.Ф҃.ѯД҃.҃ =6564 год, за вычетом 5508 есть 1056 год по Р.Х. и S҃.Ф҃.ѯе= 65465=1057 г. Начато октября 21-го, а окончено 12-го мая, следовательно написано в продолжение 6 месяцев и 3 недель с небольшим: всего 203 дня, то есть по 10 листков в неделю, с небольшим по 100 строк в день» (*Срезневский И.И.* Славяно-русская палеография XI–XIV вв.: Лекции, читанные в Императорском С.-Петербургском университете в 1865–1880 гг. СПб., 1885. С. 107).

[3] *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. [2-е изд.] М., 1979. С. 271.

[4] *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956. С. 149.

цам»[5]. По мнению исследовательницы, «за один присест писцы переписывали довольно незначительные по объему части текста (от 0,5 л. в одиночку до 4,5 л. совместными усилиями [в последнем случае – со ссылкой на Е.Ф. Карского – *И.Д.*])». К тому же, «“ночное бдение” древнерусских книжников следует объяснить прежде всего их работой в свободное от иных обязанностей время». «Вероятно, – добавляет автор, – в XI–XIV вв. книгописание было своеобразным духовным обетом, дополнительной обязанностью специально обученных священников, дьяков (очевидно, имеются в виду диаконы – *И.Д.*), а позднее монахов»[6].

Темп работы в том или ином конкретном случае зависел от размера книги, почерка, которым она была написана, профессиональных навыков писца, организации и условий его работы. Чем больше оказывался формат рукописи, чем крупнее, четче и торжественнее было написание букв, тем больше времени тратил писец на каждый лист текста. Медленнее всего создавались кодексы «в десть» (размером приблизительно в газетный лист), написанные крупным уставом. Более быстрый полуустав позволял переписывать в день 1–1,5 листа книги «в полдесть» или 2,5 листа «в четверть»[7]. Приблизительно с такой

---

[5] *Столярова Л.В.* Из истории книжной культуры русского средневекового города (XI–XVII вв.). М., 1999. С. 118.

[6] *Столярова Л.В., Каштанов С.М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 151. Ср.: «Писец видит в своем деле некий благочестивый подвиг. Значение этого подвига окружило легендами память о знаменитых писцах, вроде как о том ирландском монахе, которому вместо забытой лампады светили сияющие пальцы левой руки, или о грешном иноке-артисте, к загробному суду над которым ангел принес переписанный им фолиант, и красивые буквы священной книги покрывали одна за другой грехи умершего скриптора, пока не осталась одна избыточная буква, силою которой он был возвращен на землю для нового покаяния» (*Добиаш-Рождественская О.А.* История письма в средние века: Руководство к изучению латинской палеографии. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 157).

[7] «Переписка рукописей в XVI в. полууставом осуществлялась из расчета 1 или 1,5 листа в день, если книга была в полдесть (то есть, лист почти в два раза меньше, чем Остромирово Евангелие), и 2,5 листа в день, если рукопись была в 8°» (*Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–

же скоростью переписывались литургические тексты и в Западной Европе[8].

Итак, обычный темп создания рукописей большого формата крупным уставным почерком (а именно таким является Остромирово Евангелие) составлял около 1 листа в день. Между тем, само Евангелие занимает 294 листа[9]. Три из них заняты изображениями евангелистов: Иоанна, Луки и Марка **(Илл. 3a, b, c)**. Еще один (он, видимо, предназначался для образа евангелиста Матфея) остался чистым (Л. 57), но почему не была исполнена эта миниатюра – загадка. Следует также отметить, что имеющиеся в наличии иллюстрации выполнены в разных манерах. Две из них, вероятно, созданы по заказу на стороне (возможно, в Греции) – они расположены на вшитых листах; третья написана на Руси (в Киеве или Новгороде; точное место изготовления ее неизвестно). Сам текст расположен в два столбца прекрасно выполненными кириллическими уставными буквами. Остромирово Евангелие исполнено с таким вкусом и столь

XVII вв. Л., 1977. С. 49–50); ср.: *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 101–103.

[8] Ср.: «Работе по переписке книг монахи могли уделять только часть своего времени, поскольку у них были и другие занятия, предусмотренные монастырским уставом. Много времени занимали обязательные для монахов церковные службы. Поэтому переписка книг длилась очень долго, иногда затягиваясь на годы. Если не считать праздников и воскресений, писец, работающий над литургической книгой, переписывал в среднем 2–3 листа в день, а иногда и меньше [Подсчет сделан М.-Т. д'Альверни на основании помет писцов о сроках работы… К сожалению, данные, которыми располагала д'Альверни, относятся в основном к XV в. В монастырях XII в., где лишь ежедневные церковные службы занимали по восемь и более часов, сроки переписки книг могли быть еще больше. – *прим. В.Л. Романовой*]» (*Романова В.Л.* Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII–XIV вв. М., 1975. С. 49–50). В то же время, как отмечает А.Д. Люблинская, «писцы обычно работали шесть часов; они освобождались как от других работ, так и от посещения некоторых церковных служб» (*Люблинская А.Д.* Латинская палеография. М., 1969. С. 66–67). К сожалению, информации о том, как распределялось время работы писцов в древнерусских монастырях, не сохранилось.

[9] По подсчетам Л.В. Столяровой, для него потребовалось не менее 147 шкур молочных телят (*Столярова Л.В., Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 56, 59).

богато украшено, что по праву считается непревзойденным образцом книгописного искусства. Неясно, впрочем, насколько точно оно повторяло по оформлению болгарский оригинал[10].

Тщательный палеографический анализ позволил Н.М. Каринскому утверждать, что первые 24 листа Евангелия отличаются от остальных особой тщательностью и каллиграфичностью. Их, видимо, писал какой-то иной человек[11]. Следовательно, из расчета могут быть исключены 28 листов. Остается 266 листов, бесспорно написанных почерком дьякона Григория[12].

Возможно при этом, что другой рукой написаны лишь многоцветные заглавия чтений и инициалы, представляющие, по словам Н.Н. Розова, еще одну загадку Остромирова Евангелия[13]. Однако они столь органично включены в текст, что невозможно предположить, будто для них (как было обычно принято делать) переписчиком специально оставлялись пустые места. Трудно также представить, что буквицы и заставки были прорисованы и раскрашены до того, как был написан основной текст. Остается думать, что они писались одновременно – либо художником, сидевшим рядом с писцом и занимавшим его место, когда дело доходило до примыкающих к нему строк, либо это делал сам Григорий по ходу работы над книгой **(Илл. 4a, b, c, d)**. Он-то, следовательно, все 266 листов Евангелия полностью и создавал.

Такая работа (с учетом воскресений) должна была занять не менее 304 дней (если принять за основу темп письма Григория равным 1 листу в день). Не следует также забывать, что переписывалось Евангелие в те месяцы, на которые приходятся

---

[10] Остромирово Евангелие (как и многие другие самые ранние древнерусские книги, например, Изборник 1073 г.) было переписано с болгарского оригинала. Протограф его не сохранился. Принято думать, что он был вывезен из Болгарии в Киев и погиб во время монгольского нашествия (или, возможно, ранее, при разграблении Киева войсками Андрея Боголюбского).

[11] *Каринский Н.М.* Письмо Остромирова евангелия // Сборник Российской Публичной библиотеки. Пг., 1920. Т. 1. Вып. 1. С. 168–192.

[12] Л.В. Столярова выделяет в Остромировом Евангелии четыре почерка. Неясно, впрочем, считает ли она, что это были четыре разных писца (*Столярова Л.В., Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 387).

[13] *Розов Н.Н.* Русская рукописная книга: Этюды и характеристики. Л., 1971. С. 24.

самые продолжительные церковные праздники – рождественский и пасхальный циклы, в которые работать над рукописью диакон не мог. Это должно было замедлить работу, и сроки переписки рукописи сокращались таким образом еще дней на 28. Между тем, Григорию и без того следовало значительно превышать средние темпы письма, чтобы уложиться в срок, получающийся при традиционном переводе даты Остромирова Евангелия: более 1,5 листов в день. Если же принять в расчет праздничные дни, скорость переписки должна была возрасти до 1,8 листа в день. Кроме того, на темпе работы должно было негативно сказаться и время года, когда создавалась рукопись: в октябре–марте продолжительность светового дня – наименьшая. Все эти соображения, при учете чрезвычайно высоких художественных качеств рукописи, заставляют сомневаться в точности принятой в историографии датировки источника.

Ситуация радикально меняется, если предположить, что здесь годы даны не по мартовскому, а по сентябрьскому стилю. Принято считать, что до 1492 г. на Руси использовались только мартовские новогодия (так называемые ультрамартовский и мартовский стили). Эта точка зрения настолько прижилась в специальных работах по древнерусской исторической хронологии, что возможность появления до конца XV в. сентябрьских датировок даже не рассматривается. Между тем, есть множество данных, которые заставляют признать, что сентябрьский стиль был введен на Руси вместе с принятием христианства. Другой вопрос, что существующие методики хронологических исследований (в частности, методика Н.В. Бережкова, считающаяся классической[14]) не позволяют выделить сентябрьские датировки, поскольку они совпадают либо с ультрамартовскими (если дата приходится на сентябрь–февраль), либо с мартовскими (если дата приходится на март–август). Если же Григорий пользовался сентябрьским новогодием, то прямые даты, указанные им в послесловии, дадут не 7 месяцев (как обычно считается), а полуторагодовой период, которого вполне должно было хватить, чтобы выполнить заказ новгородского посадника на столь высоком уровне.

---

[14] Подробнее см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 16.

Использование сентябрьского стиля новгородским диаконом XI в. – как, впрочем, и любым другим служителем церкви – вполне логично. Это тем более вероятно, что месяцеслов в Остромировом Евангелии – так же, как и в других древнейших евангелиях, переписанных на Руси: Архангельском (1092), Мстиславовом (1106 или 1117), Галичском (1144), апракосном Евангелии конца XII – начала XIII в. (ГТГ) и др. – начинает год именно с 1 сентября: «Съборьникъ цьркъвьныи начинаеться отъ мѣсяца септябра до мѣсяца августа, рекомааго зарева. Мѣсяца септября, память святааго Симеона Стлъпьника и святыхъ 40 женъ чрьниць, и святааго Амона, и святааго мученика Италѣ, и покои Иисуса Навгина, *и новоумоу лѣтоу*, и начятъкъ инъдиктоу»[15] **(Илл. 5)**. На сентябрьское новогодие указывает и заглавие на 89-м листе Евангелия: «Суббота 1. Начатъкъ новууму лѣту» **(Илл. 6)**. Речь идет о субботе 17-й недели после Пятидесятницы (Троицы). И.И. Срезневский уточняет: «То есть, начиная от сентября: 17-е воскресенье по пятидесятнице приходится между 13-м сентября и 17-м октября»[16]. Далее в Евангелии следуют субботние и воскресные чтения, отсчитывающиеся от этого новолетия[17]. Тем самым мы получаем дополнительный аргумент, позволяющий предполагать использование Григорием в датировке своего произведения сентябрьский стиль. Следовательно, традиционная дата создания древнейшего датированного славянского Евангелия должна быть пересмотрена: если использовать «сентябрьские» правила перевода дат с древнерусской системы летосчисления на современную, Григорий начал переписывать Остромирово Евангелие 21 октября 1055 г., а закончил работу 12 мая 1057 г.

Такая датировка, однако, не снимает другого вопроса, который давно беспокоит специалистов применительно к нашему источнику. Проблема заключается в том, что до сих пор возможно только гипотетическое его решение. Речь идет о дате смерти Ярослава Мудрого.

---

[15] Остромирово Евангелие. Л. 210 об. (курсив мой – *И.Д.*).

[16] *Срезневский И.И.* Указ. соч. С. 105.

[17] «Недѣля 1 новоуоумоу лѣтоу», «Субота 2 новоумоу лѣтоу», «Недѣля 2 новоумоу лѣтоу» и т.д. (Остромирово Евангелие. Л. 89об., 90об., 91об., и далее).

Согласно Новгородской IV[18], Софийской I[19] (опиравшиеся на свод митрополита Фотия 1418 г., или, по А.А. Шахматову, Новгородско-Софийский свод 30-х гг. XV в.) и Воскресенской летописям[20], посадник Остромир погиб во время похода новгородцев на чудь… в один год с Ярославом Мудрым[21]. Это заставило В.Л. Янина прийти к выводу: «Сообщение летописи в своей хронологической части не может быть признано достоверным, так как ему противоречит свидетельство известного “Остромирова Евангелия”. Евангелие было переписано для посадника Остромира, носившего христианское имя Иосиф, дьяконом Григорием спустя три года после летописной смерти Остромира, в 6565 (1056–1057) г.»[22]. Однако никакого объяснения этому противоречию исследователь не дает. Не уточняет он и того, почему отдает предпочтение датировке Остромирова Евангелия, а не летописной дате смерти Остромира.

Между тем, с датировкой смерти Ярослава Владимировича все обстоит тоже весьма непросто. Привычная всем дата – 20

---

[18] «В лѣто 6562. Преставися князь вѣликии Рускии Ярославъ… И приидѣ Изяславъ к Новугороду, и посади Остромира в Новѣгородѣ. И иде Остромиръ на Чюдь с Новогородци, и оубиша и Чюдь, и много паде Новогородець с нимъ» (Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т.4. Ч. 1. С. 117, 118).

[19] «В лѣто 6562. Преставися князь великии рускыи Ярославъ… И прииде Изяславъ къ Киеву городу, и посади Остромира в Новѣгородѣ, и иде Остромиръ с новогородци на чюдь, и убиша и чюдь, и много паде с нимъ новогородьцевъ» (Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 181, 182).

[20] «В лѣто 6562. Преставися князь великий Рускии Ярославъ… И прииде Изяславъ къ Новугороду, и посади Остромила в Новѣгородѣ; иде Остромилъ съ Новгородци на Чюдь, и убиша его чюдь, и много падоша съ нимъ Новгородцевъ» (Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 7. С. 332, 333).

[21] В раннем новгородском летописании (в частности, в Новгородской I летописи) Остромир упоминается только в списках новгородских посадников без каких бы то ни было прямых временных указаний, а также под 6572 (1064) годом – как отец новгородского воеводы Вышаты (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3. С. 164, 184, 471).

[22] *Янин В.Л.* Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 70–71.

февраля 1054 года – представляет собой условный перевод гипотетический контаминации нескольких летописных указаний. В Лаврентьевской летописи дата кончины Ярослава выглядит следующим образом: «В лѣто 6562. Преставися великыи князь Русьскыи Ярославъ… Ярославу же приспѣ конець житья, и предасть душю свою Богу в суботу 1 поста святаго Феодора»[23]. В Ипатьевской летописи прямое временное указание этого события записано несколько иначе: «В лѣто 6562. Преставия князь Рускии Ярославъ… Ярославу же приспѣ конѣць житья, и предасть душю свою мѣсяца февраля вь 20, в суботу 1 недѣли поста, вь святаго Федора день»[24]. Из этого следует, что кончина Ярослава пришлась на 20 февраля 6562 года, в субботу первой недели Великого поста, когда отмечалась память св. мчн. Федора[25]. Как известно, Великий пост начинается за 7 недель до Пасхи. В 1054 г. Пасха праздновалась 3 апреля. Соответственно, суббота первой недели Великого поста приходилась не на 20, а на 19 февраля. На это противоречие обратил внимание еще В.Н. Татищев. Чтобы разрешить его, автор «Истории России» высказал догадку, что Ярослав «в ночи субботы на неделю скончался»[26]. Это якобы и позволило летописцу упомянуть и субботу, приходившуюся в 1054 г. на 19 февраля, и 20 февраля, выпавшее в этом году на воскресенье. Н.М. Карамзин с бóльшим доверием отнесся к совпадающей части календарной даты, сочтя указание на 20 февраля вставкой: Ярослав умер *семидесяти шести* лет в 6562 году, в первую *Субботу* поста Св. Феодора: то есть, в Федорову Субботу (так в харат. *Пушкинск.* списке): следственно 19 Февраля (а не 20, как прибавлено в других списках: ибо Пасха была тогда 3 Апреля), и в 1054 году по нынешнему счислению с Генваря, а по древнему в 6561: ибо Нестор *начинает год с Марта, а не с Сентября*»[27]. Подобной

[23] Лаврентьевская летопись. Стб. 161, 162.
[24] Ипатьевская летопись. Стб. 149, 150.
[25] Ср.: «Субота 1 святаго поста, въ неиже бываеть память святаго мученика Феодора» (Остромирово Евангелие. Л. 127).
[26] *Татищев В.Н.* История России. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 245, прим. 261.
[27] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1988. Кн. 1. Тт. 1–4 [репр. воспр. 5-го изд. СПб., 1842]. Прим. ко 2 т. С. 23, прим. 50. О том, что указания числа и месяца были вставлены здесь «задним числом», см. также: *Степанов Н.В.* Таблицы для решения летописных

точки зрения придерживались Н.П. Ламбин[28] и М.П. Погодин[29]. Н.П. Шляков, основываясь на целой серии умозаключений, предложил остановиться на дне 4 марта 1055 г.[30] Эту дату поддержал Н.Н. Степанов[31]. А.А. Куник же пришел к выводу, что данных для установления точного времени смерти Ярослава недостаточно: «Несмотря на дошедшие до нас подробные известия о болезни и кончине великого князя Ярослава Владимировича, все-таки нельзя с полной уверенностью установить год и день смерти его, и, по-видимому, мы всегда должны будем довольствоваться двумя различными числами года и месяца»[32] (заметив попутно, что сомнение в истинности общепринятой даты кончины Ярослава кажется «чуть ли не дерзостью»[33]).

По мнению Б.А. Рыбакова, в этой дискуссии «последнее слово осталось за Н.П. Шляковым»[34]. Между тем, интерес к дате смерти Ярослава вновь пробудился после находки С.А. Высоцким на стене центрального нефа, на третьем от алтаря южном крещатом столбе Киевской Софии, рядом с фре-

---

задач на время // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1905. Т. 13. Кн. 2. С. 97–98, 113–117; *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет» 2-е изд., испр. СПб., 2011. С. 81–82.

[28] *Ламбин Н.П.* О годе смерти Святослава Игоревича, великого князя Киевского // Записки имп. Академии Наук. СПб., 1876. Т. 28. Кн. 2. С. 155–156.

[29] *Погодин М.П.* Русская история до монгольского ига. М., 1872. Т. 1. С. 324.

[30] *Шляков В.Н.* 850 лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 9. № 6. С. 362–400.

[31] *Степанов Н.В.* Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // Чтения в имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1909. Кн. 4 (231). С. 54.

[32] *Куник А.А.* Известны ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича? СПб., 1896. С. 27.

[33] *Он же.* О годах смерти великих князей Святослава Игоревича и Ярослава Владимировича // Записки имп. Академии Наук. СПб., 1876. Т. 28. Кн. 2. С. 156.

[34] *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964. С. 14.

ской, изображающей св. Пантелеймона, граффито: «Въ 6562 мѣсяца фѣврари 20 усъпене царя нашего въ въ… [далее 2 строки не читаются] Феодора»[35]. Совпадение номера года, календарной части даты и упоминание имени Феодора дало основания считать, что это еще одно – уже нелетописное – свидетельство о дате кончины Ярослава Владимировича[36]. Впоследствии Б.А. Рыбаков, «восстановив» утраченные строки («въ въскрьсенье, в недѣлю мученика»), казалось бы окончательно доказал верность чтения записи о смерти киевского князя в Ипатьевской летописи и ошибочность догадки Н.П. Шлякова, который «доверился только расчетам пасхалии и слишком смело отверг точное летописное число – 20 февраля»[37]. Точку зрения Б.А. Рыбакова поддержали С.А. Высоцкий[38], А.Г. Кузьмин[39], А.В. Назаренко[40] и другие.

Однако далеко не все исследователи приняли эту догадку. Так, В.К. Зиборов предложил свое прочтение граффито Киевской Софии и, соответственно, свою дату смерти Ярослава: 17 февраля 6560 (1051) года[41], отметив, однако, что «ни одна дата не позволяет решить вопрос о дате смерти Ярослава Мудро-

---

[35] *Высоцкий С.А.* Датированные граффити XI в. Софии Киевской // Советская археология, 1959. № 4. С. 243.

[36] *Рыбаков Б.А.* Запись о смерти Ярослава Мудрого // Советская археология, 1959. № 4. С. 245.

[37] *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи. С. 14–16.

[38] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 39–41.

[39] *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 235.

[40] *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международный путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей. М., 2001. С. 368, прим. 11.

[41] *Зиборов В.К.* Киевские граффити и дата смерти Ярослава Мудрого // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11). Л., 1988. С. 80–94; *Он же.* О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 11–22. Реконструкция В.К. Зиборова была оспорена С.А. Высоцким (*Висоцький С.О.* Напис про смерть Ярослава Мудрого у Софійському соборі в Києві та деякі питання його вивчення // Археологія. 1991. № 2. С. 42–47).

го»[42]. Развернутую критику и мнения Б.А. Рыбакова, и мнения В.К. Зиборова дал С.В. Цыб, полагающий, что «смерть Ярослава Мудрого… произошла в феврале 1054 г.»[43]. Помимо общих возражений, которые уже высказывали оппоненты Б.А. Рыбакова (например, о том, что слово «воскресенье» в XI в. не использовалось для обозначения «рядового» дня недели, а царская титулатура в ранних источниках придавалась только давно умершим князьям, отличившимся на церковном поприще), С.В. Цыб обратил внимание на принципиальную, как он считает, причину, по которой софийско-киевское граффито не может использоваться при датировке смерти Ярослава Мудрого: «Софийскую надпись вообще следует исключить из хронологического анализа интересующего нас события, потому что она уступает по древности первоначальным летописным сообщениям и повторяет позднейшие их переработки: храмовые граффити некрологического содержания в Древней Руси были связаны не с ритуалом погребения, а с посмертным поминальным культом»[44].

Помимо всего прочего, прямые доказательства связи данной надписи именно с Ярославом отсутствуют. Это – лишь предположение: в тексте граффито нет имени князя. Предлагаемые конъектуры: «въ въскрьсенье, в недѣлю мученика» (Б.А. Рыбаков) или «въ Вышгороде» (В.К. Зиборов) – лишь следствие не вполне осознанного стремления «привязать» надпись к Ярославу. Между тем, посылка, будто она говорит именно о киевском князе, может быть как истинной, так и ложной. То, что в граффито упоминаются 6562 год, титул «царь» и имя «Феодора», вполне возможно, связано с другой личностью: сами интерпретаторы не раз писали о том, что в том же году скончался и византийский император Константин Мономах[45]. Кстати, его соправительницей, а затем и преемницей была Фео-

[42] *Зиборов В.К.* О летописи Нестора. С. 21.
[43] *Цыб С.В.* Указ. соч. С. 80.
[44] Там же. С. 82.
[45] Ср.: «Чью смерть отметила эта запись? Кого назвал своим царем киевлянин XI в. и к кому применил он торжественное слово “успение”? В 6562 г. скончался цесарь Византии Константин IX Мономах, и под этим же 6562 г. русская летопись отметила смерть великого князя киевского Ярослава Владимировича» (*Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи. С. 14).

дора. Все это лишь усугубляет сомнения в правомерности привлечения данной надписи для установления подлинной даты кончины Ярослава Владимировича.

Кажется, остается лишь согласиться с пессимистическими выводами А.А. Куника и В.К. Зиборова относительно самой возможности однозначной датировки смерти Ярослава…

Однако можно попытаться решить данный вопрос, подойдя к нему с другой стороны. Для этого надо лишь отказаться от представления, что на Руси использовалась единственная эра от Сотворения мира: константинопольская, насчитывавшая 5508 лет до «нашей эры». Что, если календарная часть летописной даты, включая месяц, число и упоминание переходящего праздника, верны, и в год смерти Ярослава 20 февраля действительно приходилось на субботу Федоровой недели? Ближайшими к 1054 г. датами, когда Пасха праздновалась 4 апреля были 986, 1059 и 1070 гг. Из них лишь 1059 г. может рассматриваться как потенциально подходящий. Но может ли быть, чтобы Ярослав скончался на 5 лет позже, чем принято думать в современной историографии?

В принципе, ничего невозможного в таком предположении нет. До конца 60-х гг. XI в. в летописи отсутствовали годовые указания. Разбивка на годовые статьи и все указания «В лѣто…» были вставлены задним числом[46]. Причем, основания, которыми руководствовался при этом летописец, исследователям до сих пор неясны.

Достаточно вспомнить датировку похода Аскольда и Дира на Константинополь, которую предлагает летописец: «Въ лѣто 6374. Иде Асклдъ и Диръ на Греки и прииде въ 14 лѣто Михаила царя»[47]. Данная статья, очевидно, первоначально содержала только относительное указание: «…въ 14 лѣто Михаила царя».

---

[46] Подробнее см.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 284–309. Здесь, в частности, отмечается, что «статья 6562 г. была написана в 1073 г., следовательно через 19 лет после смерти Ярослава», а потому «все содержание ее представляется результатом частью сочинительства, частью же припоминаний» (Там же. С. 303).

[47] Лаврентьевская летопись. Стб. 21.

Обращение к византийским источникам позволило в дальнейшем уточнить абсолютную хронографическую (годовую) дату. Исходной точкой стало сообщение, открывающее датированную часть Повести временных лет: «Въ лѣто 6360. Индикта 15 день наченшю Михаилу царствовати. Нача ся прозывати Руска земля»[48]. Дело, однако, в том, что византийский император Михаил III «начинал» царствовать 3 раза: формально он вступил на престол в 842 г., в возрасте 2-х лет; в 856 г. он – по византийским законам – достиг совершеннолетия и стал считаться полноправным правителем; однако его мать, императрица Феодора, не сложила с себя регентских полномочий и продолжала вместе с сыном управлять Империей вплоть до 865 г. Найденный летописцем в греческих хрониках 6360 г. соответствовал второй из этих дат. Однако от нее не удается отсчитать 14-й год правления Михаила, поскольку уже в 867 г. тот был убит. Следовательно, в первоначальном летописном сообщении поход Аскольда и Дира датировался 856-м годом, 14-м от момента номинального восшествия Михаила на престол (842+14). Таким образом, оказывается, что два события, пришедшиеся на один и тот же 856 год, имеют в летописи две разные даты: 6360 и 6374 гг. Летописец «изобрел» для второй из них несуществующую эру, поскольку не понял, по какой эре было датировано в греческой хронике восшествие Михаила на Константинопольский престол…

И все же изменение традиционного перевода летописного 6562 г. не снимает чрезвычайно важного для нас вопроса: что же нам делать с Остромировым Евангелием, которое было все-таки закончено уже после смерти отца Изяслава Ярославича?

Как это ни парадоксально прозвучит, но такая датировка находит неожиданное косвенное подтверждение в самом тексте нашего источника. В месяцеслове Евангелия Неделя праотец (ближайшее воскресенье перед Рождеством Христовым 25 декабря) отнесена к 16 декабря[49]. По мнению Н.Н. Лисового, «на 16 декабря Неделя праотец приходилась в 1055 г., значит, дьякон Григорий указал дату данного подвижного чтения по ин-

[48] Там же. Стб. 17.

[49] «16 [декабря] И прѣжде отечьскыя недѣли недѣля бываеть, въ ню же оучинено Евангелие от Лоукы, глава 167» (Остромирово Евангелие. Л. 245).

дикту прошедшего года»[50]. Очевидно, Н.Н. Лисовой рассчитал число, на которое в 1056 г. выпадало воскресенье, непосредственно предшествовавшее Рождеству. Поскольку оно соответствовало 17 декабря, автор, видимо, не счел необходимым производить пересчет на предшествующий год, предположив, что таковой не нужен: на воскресенье, по его мнению, должно было прийтись предшествующее число. Такой ход рассуждений был бы вполне верен…, если бы 1056 г. не был високосным. Ошибка, казалось бы, совсем небольшая: всего на один день. Зато принципиальная. На самом деле, в 1055 г., соответственно, Неделя праотец приходилась не на 16, а на 15 число декабря. На искомое – 16-е – число она выпадала лишь в 1060 г. При этом отпадает необходимость в догадке о расчете «по индикту». Кстати, единственное упоминание индикта связано диаконом, как уже отмечалось, именно с началом года 1 сентября, на что обычно при датировке Евангелия внимания не обращают[51]. Да и ориентация на прошедший год выглядела бы довольно странно. Но тогда возникает вопрос: что заставило Григория дать указание именно на 1060 год?

Не исключено, что данная календарная дата «подвижного чтения» сориентирована на следующий непосредственно за завершением Евангелия год. Тогда окажется, что Остромирово Евангелие было окончено в 1059 г. по нашей системе летосчисления. Возможно, оно было начато в октябре 1057 года, когда Ярослав еще был жив, а Изяслав сидел на Новгородском «столе». Закончил же его Григорий в мае 1059 г. – уже после смерти Ярослава и отъезда Изяслава в Киев, но еще до гибели Остромира во время похода на чудь. Это тем более вероятно, что в псковских летописях смерть Ярослава датирована годом завершения Остромирова Евангелия: «В лѣто 6567. Преставися князь Ярославъ, иже Правду оустави; и положиша его во церкви святѣи Богородицы в Киевѣ»[52]; «В лѣто 6567-го. Преставися

[50] *Лисовой Н.Н.* К датировке Мстиславова Евангелия // Мстиславово Евангелие XII века: Исследования. М., 1997. С. 712.
[51] Остромирово Евангелие. Л. 210 об.
[52] Псковская первая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2003. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. С. 9.

князь Ярослав, иже Правду устави судебник; и положиша его у святыя Софии в Киеве»[53].

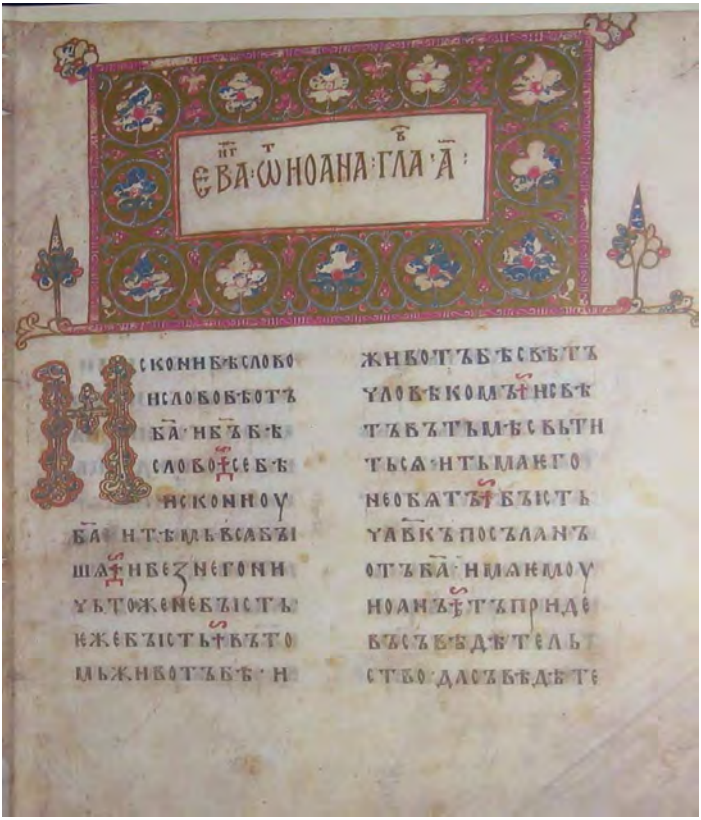
Впрочем, такое решение упирается в другие, не менее сложные проблемы: какими системами летосчисления пользовались диакон Григорий и древнерусские летописцы, а также чем они руководствовались, внося хронологическую сетку в монотематический летописный рассказ? Вопросы эти пока далеки от разрешения. Возможно, предлагаемые датировки Остромирова Евангелия и кончины киевского князя Ярослава Владимировича[54] позволят сделать некоторый шаг в этом направлении.

В свою очередь, дальнейшее изучение особенностей систем летосчисления, использовавшихся древнерусскими книжниками, даст нам возможность лучше понять «творческую лабораторию», логику повседневной работы этих, вполне рядовых, хотя и образованных людей Древней Руси, создававших новые литературные произведения, переписывавших и оформлявших рукописи и, таким образом, донесших до нас бесценную информацию о своих современниках.

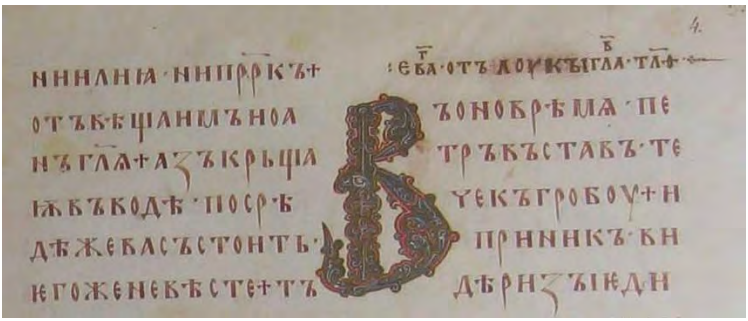
---

[53] Псковская третья летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи. С. 76.

[54] Окончательно запутывает этот вопрос указание Никоновской летописи под 6562 г., согласно которому Ярослав скончался «въ четвертое лѣто Михаила Пефлагоненина Греческаго царя» (Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 9. С. 85). Как известно, византийский император Михаил IV Пафлагонянин начал править в 1034 г., из чего, вроде бы, следует, что Ярослав умер в 1037 г.…



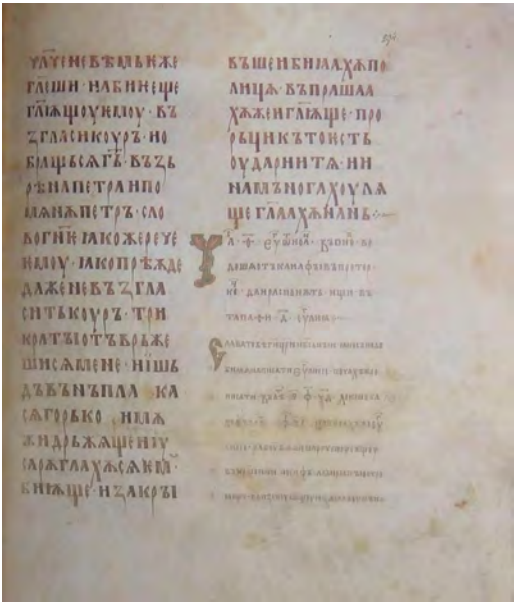
Илл. 1а. Заставка и буквица Н (Остромирово Евангелие. Л. 2).



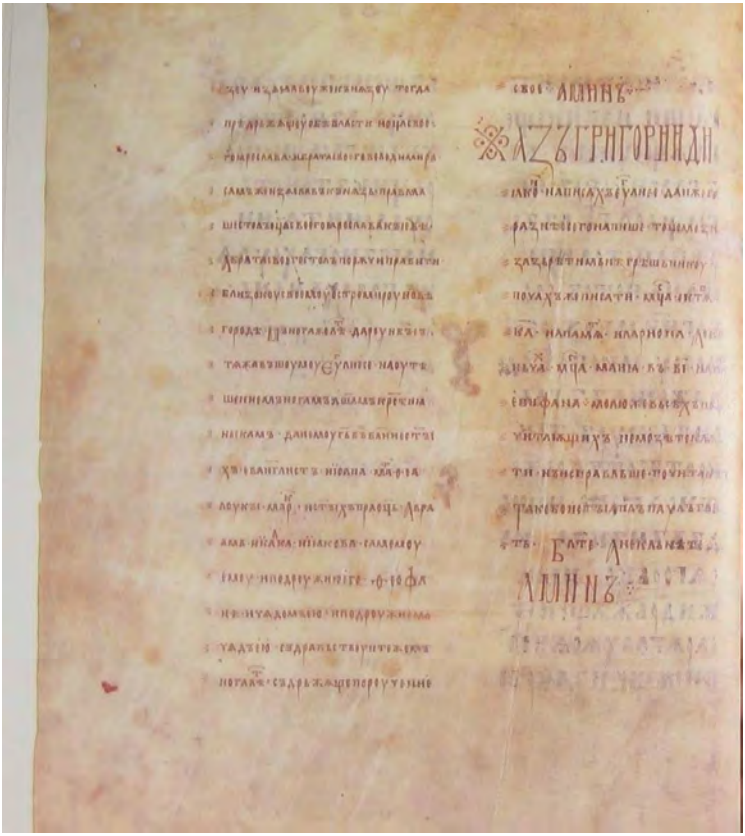
Илл. 1b. Буквица В (Остромирово Евангелие. Л. 4).

Илл. 1c. Буквица В (Остромирово Евангелие. Л. 12 об.).

Илл. 1d. Буквица Р (Остромирово Евангелие. Л. 13 об.).



Илл. 2а. Выходная запись диакона Григория (Остромирово Евангелие. Л. 924).



Илл. 2b. Выходная запись диакона Григория (Остромирово Евангелие. Л. 924 об.).

Илл. 3а. Миниатюра с изображением евангелиста Иоанна (Остромирово Евангелие. Л. 1 об.).

Илл. 3b. Миниатюра с изображением евангелиста Луки (Остромирово Евангелие. Л. 87 об.).

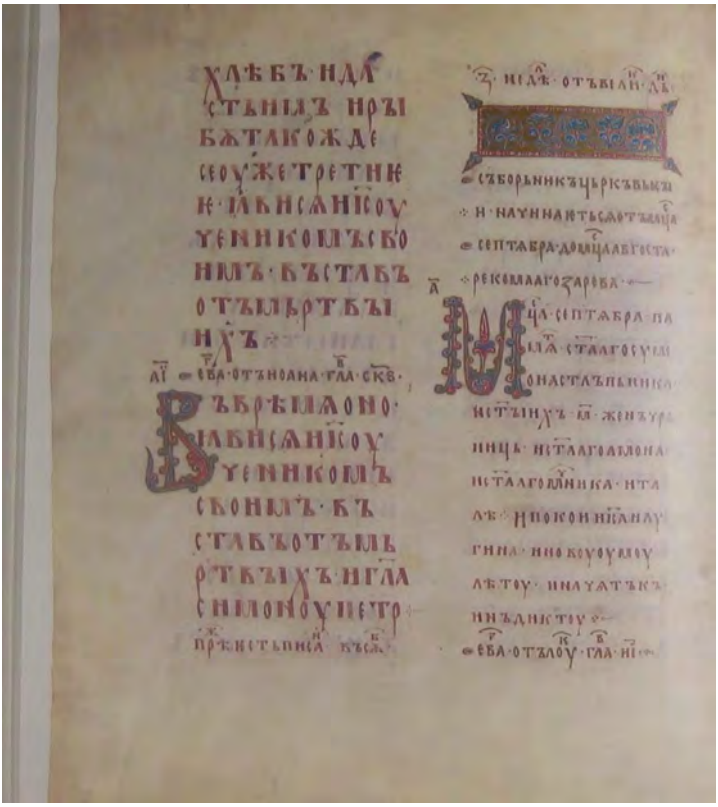
Илл. 3с. Миниатюра с изображением евангелиста Марка (Остромирово Евангелие. Л. 126).

Илл. 4a. Буквица В (Остромирово Евангелие. Л. 17).

Илл. 4b. Буквица В (Остромирово Евангелие. Л. 18 об.).

Илл. 4c. Буквица Р (Остромирово Евангелие. Л. 21 об.).

Илл. 4d. Буквица В (Остромирово Евангелие. Л. 25).



Илл. 5. Запись о начале года (Остромирово Евангелие. Л. 210).

Илл. 6. Заголовок о начале года с сентября (Остромирово Евангелие. Л. 89).

Павел Габдрахманов
(ИВИ РАН)

Жители Арселе, Канегем и Рёйселеде до и после «Черной смерти»

В юбилейном сборнике вполне уместно начать с воспоминаний, тем более, что они полностью вписываются в содержание настоящей статьи. Однажды Юрий Львович рассказал мне, как во время подготовки своей кандидатской диссертации он замыслил сопоставить Прюмский полиптик с картулярием Прюмского аббатства, так называемой «Золотой книжечкой» (*Liber aureus*). К его удивлению, идея, показавшаяся ему поначалу весьма заманчивой («Вот, – говорил он себе, – теперь-то я все и узнаю!»), в итоге оказалась практически безрезультатной[1].

Примерно такое же воодушевление, а затем и некоторое разочарование, пришлось пережить и мне, когда я натолкнулся на несколько разновременных описей, которые относились к трем соседним фламандским деревням Арселе, Канегем и Рёйселеде, расположенным на самой границе Западной и Восточной Фландрии в междуречье рек Мандел и Пукебеке, притоков реки Лейе, которая в свою очередь впадает в Шельду около Гента. Всего мне удалось собрать ни много, ни мало десять таких описей. Составлены они были в XII–XIV вв. в пяти фландрских монастырях (св. Ведаста в Аррасе, псв. Богородицы в Бурбуре, аббатстве Бодело, св. Петра и св. Бавона в Генте) и подразделяются на два вида: на описи принадлежавших этим монастырям в этих деревнях алтарных трибутариев и на чиншевые описи держателей.

[1] Надо признать, что Ю.Л. Бессмертный был тогда одним из отечественных первопроходцев в изучении Прюмского полиптика, в котором он следовал советам своего учителя А.И. Неусыхина и опирался на работы западных медиевистов, таких как К. Лампрехт, Ш.-Э. Перрен. К тому же, в 50-е гг. прошлого века, когда он писал всем известную статью по Прюмскому полиптику (*Бессмертный Ю.Л.* Социально-экономическое положение зависимого крестьянства Среднерейнской Германии по данным Прюмского полиптика (IX в.) // Средние века. М., 1957. Вып. 10. С. 58–80), еще не существовало ни полноценного нового издания его текста, подготовленного И. Швабом лишь в 1983 г., ни многочисленных исследовательских работ Л. Кухенбуха, Д. Хегерманна, Я. Моримото и многих других.

Когда я начал анализировать данные описи, мною, прежде всего, двигал живой интерес к поименованным в них жителям этих деревень – к некоторым проявлениям их *повседневной жизни*, в частности, к их именам, а также к судьбам их семей. Меня занимал следующий круг основных вопросов:

– насколько устойчивым (или изменчивым) с течением времени был состав семей в этих деревнях;

– как на протяжении десятилетий складывались судьбы членов этих семей;

– как часто они мигрировали из одной деревни в другую;

– как менялись у них от поколения к поколению имена и прозвища;

– какой характер носили их связи с теми монастырями, в документах которых они фигурируют, и другие.

Мне думалось, что я располагаю достаточной источниковой базой для успешного их решения. Собранный мною материал казался мне большой удачей. Надо ли пояснять медиевистам, как редко состояние наших источников позволяет нам вообще ставить подобные вопросы по отношению к жителям одной и той же деревни?[2] Но затем, когда в процессе работы над этими описями мой интерес сместился на сами тексты и на особенности «языка» (дискурса) их авторов, мне стало понятно, насколько я еще далек от истины…

Переходя теперь к краткой характеристике каждой из найденных описей, львиная доля которых все еще остается неопубликованной и была исследована мной по присланным мне из гентского архива фотокопиям рукописей[3], я буду придерживаться не только их видовой принадлежности, но и хронологической очередности их написания.

Начну с грамоты – описи второй половины XII века, созданной аббатом монастыря св. Ведаста в Аррасе Мартином ме-

---

[2] Должен сразу же оговориться, что в данном случае я не ставил перед собой задачи заниматься чего-то вроде *истории* этих поселений в духе краеведения или так называемой «локальной историей», ограничив себя постановкой лишь вышеперечисленных вопросов.

[3] Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность сотрудникам архива и самую глубокую благодарность Вере Георгиевне Ченцовой, много поспособствовавшей мне в получении этих документов.

жду 1155–1184 гг., в которой он от имени братии подтверждает статус (*familie nostre que de censu sancti Vedasti*) нескольких поколений (*generationes*) алтарных трибутариев – жителей ряда соседних деревень (в том числе, и селения Арселе), и дает перечень их родословных: как сказано в самом тексте, «согласно подлинной древней грамоте» (*secundum veteris carthe fidem*). Принимая во внимание эту важную оговорку, равно как и то обстоятельство, что в грамоте было описано в разных семьях уже от трех до пяти поколений, можно предположить, что данная грамота аббата Мартина изначально фиксирует в отношении этих семей ситуацию, сложившуюся значительно раньше второй половины XII в. Вряд ли будет преувеличением сказать, что описанные в ней родословные алтарных трибутариев ведут свое начало как минимум с конца XI – начала XII вв. В преамбуле грамоты содержится также намек на причины, которые побудили аббата к ее созданию: поскольку речь шла об алтарных трибутариях, живших довольно далеко от аббатства, для них особо реальной представлялась (а может быть, уже и действительно имела место) опасность подвергнуться «насилию со стороны светских магнатов» (*potentum terror*) и тем самым в результате утратить свой статус людей, зависимых именно от монастыря[4].

Кратко упомяну о следующей описи, тоже характеризующей алтарных трибутариев, происходящих также из селений Арселе, Канегем и Рёйселеде, но относящихся уже к монастырю псв. Девы в Бурбуре (*Haec sunt nomina eorum qui spectant ad advocatiam ecclesie Broburgensis*), расположенному недалеко от Дюнкерка[5]. Подробная характеристика, исследование и переиздание этой описи были предприняты мною ранее (правда, совсем по другому поводу и с иными целями) в статье, опублико-

[4] Rijksarchief te Gent, Sint-Pietersabdij (далее – RAG, StP), Van Lokeren № 392bis // Boeren P. Études sur les tributaires d'église dans le comté de Flandre du IXe au XIVe siècles. Amsterdam, 1936. Appendices. № 12. P. 121 (далее – *Boeren*. App. № 12). Странным и непонятным образом данная грамота почему-то оказалась в фондах аббатства св. Петра Гентского.

[5] Bibliothèque Nationale de France. Ms. lat. 9920 (далее – BNF. Ms. lat. 9920); Ms. du XIIIe siècle, fol. 62v – fol. 63r // Cartulaire de l'abbaye de Notre-Dame de Bourbourg / Recueilli et dressé par Ignace de Coussemaker. T. 1. Lille, 1882. № 222. P. 224–226.

ванной в предыдущем юбилейном сборнике в честь Ю.Л. Бессмертного[6]. Данный документ также не датирован, но, судя по почерку, его текст был вписан в картулярий аббатства во второй половине XIII в., хотя содержащееся в нем описание родословных алтарных трибутариев монастыря, также состоявших уже из несколько поколений, скорее всего, было сделано несколько ранее и относится еще к концу XII – началу XIII в. Проявленное к этой описи внимание со стороны писцов картулярия, сохранивших в нем текст, вероятно, объясняется той же самой причиной отдаленности от монастыря поселений, в которых проживали поименованные в ней алтарные трибутарии, и возможной угрозой утраты ими своего статуса.

Разумеется, среди обследованных мною описей не остался в стороне и регистр алтарных трибутариев аббатства св. Петра в Генте XIII в.[7], о котором мне уже доводилось писать неоднократно[8]. На его листах также имеются описания алтарных трибутариев названного монастыря в селениях Арселе, Канегем и Рёйселеде[9].

---

[6] См.: *Габдрахманов П.Ш.* Семейные обычаи имянаречения или о чем «молчали» генеалогии трибутариев в средневековой Фландрии» // Homo Historicus: К 80-летию Ю.Л. Бессмертного. Кн. 1. М., 2003. С. 677–711.

[7] Rijksarchief te Gent, Sint-Baafs en Bisdom (далее – RAG, Bisdom), K 2556 (далее – K 2556).

[8] См.: *Габдрахманов П.Ш.* «Открытая книга» или «Книга за семью печатями»? Загадки кодекса K 2556 (Регистр алтарных трибутариев аббатства св. Петра в Генте XIII века) // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении. Сб. науч. ст. / Отв. ред. М.С. Бобкова. М., 2011. С. 228–286; *Он же*. «Тронки-двойники» в регистре алтарных трибутариев аббатства св. Петра в Генте XIII века // Человек читающий: между реальностью и текстом источника. Сб. ст. / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 23–58; *Он же*. Родословные алтарных трибутариев аббатства св. Петра в Генте *между* текстами грамот и регистра // От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. Сб. статей / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2012. С. 71–111; *Он же*. Время в родословных описаниях алтарных трибутариев XII – XIII вв. из аббатства св. Петра в Генте // Ретроспективная информация источников: Образы и реальность. Сб. ст. / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. М., 2013. С. 35–53.

[9] K 2556, f. 11v, f. 24r, 37r, 48r.

Однако на этот раз меня все же в бо́льшей мере будет интересовать не столько регистр данного аббатства, сколько два других регистра, созданных позже (и в разное время) в другом, соседнем с ним гентском монастыре св. Бавона. Первый из документов датирован 1295 г.[10] Время создания второго неизвестно, но, судя по почерку, произошло это не ранее, чем в третьей четверти XIV в.[11] В обоих регистрах с промежутком примерно в три четверти столетия были описаны, помимо многих прочих, и принадлежавшие монастырю св. Бавона алтарные трибутарии, жившие в селениях Арселе[12] и Рёйселеде[13] (см. **Илл. 1–2**).

В архивных фондах того же аббатства св. Бавона имеется и еще одна неизданная опись алтарных трибутариев, проживавших в том числе и в селениях Рёйселеде и Канегем. Этот список был составлен в середине XIV в. по случаю выкупа аббатством в 1353 г. прав на личные платежи (*hofgavel*) поименованных в нем людей (см. **Илл. 3**)[14]. Она также была задействована мною в настоящем исследовании.

Этот краткий обзор источников не ограничивается лишь перечисленными выше *описями алтарных трибутариев*. К ним также нужно добавить и несколько *чиншевых описей*, происходящих как из уже указанных, так и из некоторых других монастырей.

Начать следует с грандиозного *Liber Inventarius* 1281 г. аббатства св. Петра в Генте, содержащего в себе полную опись всех владений и доходов монастыря, а также поименные списки его держателей, в том числе, в селениях Арселе, Канегем и Рёйселеде (см. **Илл. 4**)[15].

Далее нужно назвать более поздний документ, так называемый *Legger*, того же аббатства св. Петра, специально посвященный монастырским доходам от чиншей, рент и договоров с

[10] RAG, Bisdom, R 31 (далее – R 31).
[11] RAG, Bisdom, R 41 (далее – R 41).
[12] R 31, f. 21r (col. 2); R 41, f. 32v (col.1).
[13] R 31, f. 12r (col. 1) – 12v (col. 1). К сожалению, в этом месте кодекс был поврежден (оторван край листа), и текст на его обороте с левой стороны (f. 12v (col. 1)) почти полностью отсутствует; R 41, f. 44r (col. 1) – 46v (col. 1).
[14] RAG, Bisdom, R 43 (далее – R 43), f. 39r – 41v. См. также об этой описи: *Berten D.* Coutumes de la seigneurie de Saint-Bavon-lez-Gand. Bruxelles, 1907. P. 272.
[15] RAG, StP, reeks I, 125: *Liber Inventarius* (далее – Lib. Inv.), f. 79r – 84r.

держателей, проживавших именно в селениях Арселе, Канегем и Рёйселеде (см. **Илл. 5**)[16]. Он был составлен гораздо позже, во второй половине XIV в., и дает нам прекрасную возможность сопоставить его сведения с более ранней описью держателей того же монастыря из тех же самых деревень в *Liber Inventarius* 1281 г.

Не меньший интерес представляет и сравнение двух разновременных чиншевых описей, принадлежавших монастырю Бодело цензитариев в селениях Арселе и Рёйселеде, одна из которых датирована серединой XIII в. (см. **Илл. 6**)[17], а другая относится к 60–70-м гг. XIV в. (см. **Илл. 7**)[18].

Собранные мной, таким образом, по всем этим документам данные о жителях трех названных деревень примерно за два столетия описывают в совокупности более *тысячи* поименованных в них людей. Подробное распределение их числа в каждой из описей представлено в таблице 1. В целом, мне стало известно о 328 жителях Арселе, 40 – Канегема и не менее 680 – Рёйселеде, живших в этих деревнях в начале XII – третьей четверти XIV в. Причем подавляющая часть сведений о них относится ко второй половине XIII – второй половине XIV в. Следует заметить, что, согласно проведенной в 1469 г. по приказу графа Фландрии «поочажной» описи всего графства, в упомянутых селениях имелось на момент проведения этой переписи: в Арселе – 88 «очагов», 12 из которых в силу своей бедности вообще не платили налогов, в Канегем, соответственно, – 100 и 13, а в Рёйселеде – 160 и 31[19]. Иными словами, во всех трех деревнях в середине XV в. существовало примерно 250 «очагов». Таким образом, в сравнении с этой поздней переписью, созданная мной выборка по более ранним описям кажется вполне репрезентативной за исключением, пожалуй, лишь селения Канегем.

---

[16] RAG, StP, reeks I, 386: *Legger* (далее – RAG, StP, I, 386).
[17] Rijksarchief te Gent, Boudelo, 552 (далее – RAG, Boudelo, 552).
[18] Rijksarchief te Gent, Boudelo, 553 (далее – RAG, Boudelo, 553).
[19] *Smet J. de*. Le dénombrement des foyers en Flandre en 1469 // Bulletin de la Commission Royale d'Histoire. T. XCIX. Bruxelles, 1935. P. 130: Aarsele: 88, dont 12 pauvres. Kanegem: 100, dont 13 pauvres. Ruiselede: 160, dont 31 pauvres.

Таблица 1:

Перечень использованных описей и количество описанных в них жителей Арселе, Канегем и Рёйселеде.

№№	Шифры описей	Дата составления	Место составления (монастырь)	Тип описи	Название поселения	Число описанных жителей
1	RAG, StP, VL N 392bis	нач. XII в. – 1184 гг.	св. Ведаста в Аррасе	грамота – опись трибутариев	Арселе	17
2	Paris, B. N., ms. lat. 9920	1ая пол. XIII в.	псв. Девы в Бурбуре	опись трибутариев	Арселе Канегем Рёйселеде	29 12 43
3	RAG, Bisdom, K 2556	ок. 1238 г. – 2ая пол. XIII в.	св. Петра в Генте	опись трибутариев	Арселе Канегем Рёйселеде	63 16 7
4	RAG, Boudelo, 552	1251–1254 гг.	Бодело	опись цензитариев	Арселе	40
5	RAG, StP, I, 125: *Lib. Inv.*	1281 г.	св. Петра в Генте	опись цензитариев	Арселе Канегем Рёйселеде	5 4 90
6	RAG, Bisdom, R 31	1295 г.	св. Бавона в Генте	опись трибутариев	Арселе Рёйселеде	20 не менее 100[20]
7	RAG, Bisdom, R 41	ок. 1350–1375 гг.	св. Бавона в Генте	опись трибутариев	Арселе Рёйселеде	23 240
8	RAG, Bisdom, R 43	сер. XIV в.	св. Бавона в Генте	опись трибутариев	Канегем Рёйселеде	5 5
9	RAG, StP, I, 386: *Legger*	2ая пол. XIV в.	св. Петра в Генте	опись цензитариев	Арселе Канегем Рёйселеде	11 3 165
10	RAG, Boudelo, 553	1360–1388 гг.	Бодело	опись цензитариев	Арселе Рёйселеде	120 35

[20] Рукопись повреждена.

Казалось бы, данных о жителях трех фламандских деревень собрано достаточно много. Между тем, в процессе работы выяснилось, что материалы эти явно непригодны, например, для более или менее полной реконструкции *родственных отношений* между отдельными людьми. Мой интерес к подобным связям был отчасти вызван тем, что родословные описания алтарных трибутариев в соответствующих регистрах велись, как известно, лишь по материнской линии, а мне бы хотелось узнать о родстве между ними и по линии мужской[21]. Я надеялся, что расширение круга источников мне в этом поможет. Но, увы, использовать в данном случае чиншевые описи, дабы связать их с регистрами алтарных трибутариев, почти не удается, поскольку семейные связи между держателями-чиншевиками отмечаются в них крайне редко и лишь от случая к случаю[22]. Чаще же они вообще могут лишь подразумеваться на основании наличия у этих держателей идентичных прозвищ[23]. Степень концентрации содержащихся в чиншевых описях сведений

[21] Подробнее об алтарных трибутариях, особенностях их описания и счете родства между ними помимо моих статей, указанных в прим. 8, см. также: *Габдрахманов П.Ш.* Странный средневековый свиток. Загадки описания алтарных трибутариев в аббатстве св. Петра в Генте XIII века. Книга I. М., 2012; *Он же*. Родословные трибутариев в средневековой Фландрии // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования – 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2004. С. 61–77; *Он же*. Странная origo Бруны: О самосознании алтарных трибутариев в Эно XIII века // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2005 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. М., 2006. С. 307–328.

[22] RAG, Boudelo, 552, f. 8r: (Aarsele) (a. 1252) Walterus de Molendino, Johannes frater eius; Lib. Inv., f. 79r: (a. 1281) (Ruiselede) Clais de Strata et conparticipes, Gertrudis relicta Heinrici de Strata, Woitinus de Strata eius filius; f. 81r: (Kaneghem) Margareta de Strata, Neta soror eius, etc.

[23] Ср.: RAG, Boudelo, 553, f. 2r: (Aarsele) (a. 1360) Willelmus van Vribossche, liberi Willelmi van Vribossche, Henricus van Vribossche, Wouterus van Vribossche; f. 9v: (Aarsele) (a. 1375) Henricus de Vribosche, Willelmus de Vribosche (add.: *Wouter de Vribosche frater, Henricus de Vribusch frater Willelmi, Johannes filius Willelmi de Vribusch*); ср.: RAG, StP, I, 386, f. 3v: (v. 1350–1400) (Ruiselede) Willem Roodshaerd de Smet. Jan Roodshaerd sone Willems (de Smet). Jan Roodshaerd kinder; f. 4r: De weduwe Pieter Smeets; f. 6v: Jan de Smet; f. 8r, 10r: Willem de Smet.

о родственных узах между описываемыми в них жителями этих деревень столь ничтожна, что она оказалась явно недостаточной для кристаллизации по ним каких-либо еще семейно-родственных групп в дополнение к уже зафиксированным в регистрах семьям алтарных трибутариев.

И все же содержащиеся во всех этих описях обильные *антропонимические* данные и, прежде всего, довольно устойчивые сведения о *прозвищах* жителей вышеназванных деревень вселяли в меня некоторую надежду. Полагая, что за прозвищами скрывались, по всей видимости, уже наследуемые *семейные* прозвания[24], я посчитал возможным проследить с их помощью – пусть лишь пунктирно и сугубо предположительно – основные линии судеб некоторых семей. Мне сразу же бросились в глаза явно неслучайные постоянные повторы одних и тех же прозвищ жителей трех исследуемых деревень в описях разного времени. Опираясь на них, можно было предположить, что как минимум некоторые из семей были довольно прочно *укоренены* в указанной местности, а поколения их членов, по-видимому, продолжали здесь жить, сменяя друг друга, на протяжении многих десятилетий[25].

Одновременно эти данные свидетельствовали и о том, что среди населения трех деревень существовала довольно интенсивная *миграция*. Переселения отдельных членов семей алтарных трибутариев или держателей в другие места и, напротив, появление в Арселе, Канегем и Рейселеде новых жителей отмечаются либо прямыми ремарками писцов, либо косвенно отражены в самих их прозвищах, указывавших на их происхождение[26]. Судя по этим последним, нередко смена места жительст-

---

[24] См. об этом подробнее: *Габдрахманов П.Ш.* XII век в «антропонимической революции» на территории средневековой Фландрии // Средние века. Вып. 74 (3–4). М., 2013. С. 78–89.

[25] Ср.: Lib. Inv., f. 79r, 81v: (a. 1281) (Ruiselede) Walterus de Hulle; R 31, f. 12v (col. 1): (a. 1295) (Ruiselede) [... liberi?] Matte filie Ghisele de Hulle; [...] liberi Alise de Hulle; R 41, f. 45v (col. 2): (v. 1350–1375) (Ruiselede) Willelmus filius Ghisele de Hullen vel de Moelen. Alisa soror eius (Willelmi); f. 46r (col. 1): Matta filia Ghiselini de Hulle; ... liberi Alise de [Hulle]; RAG, StP, I, 386, f. 5v: (Ruiselede) (v. 1350–1400) Wouter van den Hulle; f. 12v: Lijsbette van den Hulle; f. 13v: Jan van den Hulle.

[26] BNF. Ms. lat. 9920, f. 62v (col. 1): (v. 1200–1250) (Ruiselede) Arnoud frater ejus, in Gandavo; (col. 2): (Aarsele) Henric filius Gertruit, in Lo.

ва не выходила за пределы самих трех деревень[27]. Да и появление в более поздних описях жителей с новыми, неизвестными доселе здесь прозвищами и исчезновение упоминаний о некоторых прежних – тоже, по-видимому, косвенно свидетельствовало не только о возможном высоком уровне смертности, но и об интенсивности миграционных процессов.

По собранным данным обнаруживаются также довольно устойчивые и тесные *социальные и хозяйственные* связи, которые объединяли долгое время с конкретным монастырем несколько поколений членов одной и той же семьи в качестве его постоянных наследственных держателей – чиншевиков[28]. Само собой разумеется, что еще более долговременные отношения устанавливались между тем или иным аббатством и поколениями алтарных трибутариев, живших в этих селениях. Впрочем, встречается немало случаев, когда члены некоторых семей с одинаковыми прозвищами, ранее упомянутые среди держателей одного или двух монастырей, почему-то полностью исчезают из их числа в более поздних описях тех же самых мона-

---

Gerard frater ejus Lise, in Brugis. Clais frater ejus, in Brugis; K 2556, f. 11v: (v. 1238) (Aarsele) *In Maldenghem.* Adelend de Morhus; f. 48r: (Aarsele) In Ronslo. Ava de Velde.

[27] Cp.: R 43, f. 40r (col. 1): (v. 1353) In Caneghem. Lente Margrieten dochter vanden Hamme ende hare kindre; (col. 2): In Rislede. Alise Boidins dochter uten Hamme. Katheline haer dochter; RAG, Boudelo, 553, f. 4r: Apud Ruslede (a. 1360) Johannes van Hamme; f. 14v: Heulardus de Hamme; f. 2v: Apud Arcele ... anno M^{o} CCC^{o} LX° (a. 1360) heredes Sigeri de Hamme; f. 11v: (a. 1375) Item apud Arsele. Johannes de Hamme.

[28] Cp.: RAG, Boudelo, 552, f. 8r: (Aarsele) (a. 1252) Raso de Vribosch et conparticipes eius; RAG, Boudelo, 553, f. 2r: (Aarsele) (a. 1360) Willelmus van Vribossche, liberi Willelmi van Vribossche, Henricus van Vribossche, Wouterus van Vribossche; f. 9v: (Arsele) (a. 1375) Henricus de Vribosche, Willelmus de Vribosche (*add.: Wouter de Vribosche frater, Henricus de Vribusch frater Willelmi, Johannes filius Willelmi de Vribusch*), Henricus de Vribosche; cp.: Lib. Inv. (a. 1281), f. 79r: (Ruiselede) Hanninus filius Theoderici de Werrem, Hanninus filius Willelmi de Werrem; f. 79v: Willelmus de Werrem; f. 81v: Hannin de Werrem, Hannekin de Werrem filius Theoderici; f. 82r: Willelmus de Werrem; RAG, StP, I, 386, f. 1r: (Ruiselede) (v. 1350–1400) thoyr Jans van Werrem, Gheeraerd van Werrem sone Pieters; f. 10r: Gheeraerd van Werrem sone Pieters.

стырей[29]. Возможно, мы здесь вновь имеем дело с косвенными свидетельствами о вымирании или миграции населения.

Правда, иногда по прошествии некоторого количества лет один из потомков какого-нибудь держателя, зависимого от того или иного конкретного монастыря, мог стать держателем уже совершенно другого аббатства[30]. При этом он не обязательно терял связь со своим прежним «арендодателем», поскольку случаи владения одним и тем же членом семьи нескольких держаний, причем одновременно от двух и более монастырей, были отнюдь не редкостью[31]. Встречаются и такие случаи, когда какой-нибудь житель, являясь алтарным трибутарием одного аббатства, в то же самое время выступал цензитарием другого аббатства[32], а иногда – сразу двух[33].

---

[29] Ср.: RAG, Boudelo, 552, f. 8r: (Aarsele) (a. 1251) Willelmus de Strata, Heila mater Willelmi; f. 18v: (a. 1254) Willelmus Stratekin, Heila mater eiusdem Willelmi; Walterus de Strate; Lambertus de Strata; RAG, Boudelo, 553 (1360–1388) (Aarsele): *???*; ср.: Lib. Inv., f. 79r: (a. 1281) (Ruiselede) Clais de Strata et conparticipes, Gertrudis relicta Heinrici de Strata, Woitinus de Strata eius filius; f. 80v, 83r, 84r: Hannin de Strata; f. 80v, 83v, 84r: Gertrudis de Strata; f. 81v: Heinricus de Strata et conparticipes, Gertrudis relicta Heinrici de Strata; f. 81r: (Kaneghem) Margareta de Strata, Neta soror eius; RAG, StP, I, 386 (v. 1350–1400): (Ruiselede) *???*; (Kaneghem) *???*.

[30] Ср.: Lib. Inv. (a. 1281), f. 81r: (Aarsele) Katerina de Doelage; RAG, Boudelo, 553, f. 2v: (Aarsele) (a. 1360) Zoeta de Dolaghen.

[31] Ср.: RAG, StP, I, 386 (v. 1350–1400), f. 1v: (Ruiselede) Jan van Craeienbrouch; RAG, Boudelo, 553, f. 14r: (v. 1360) (Ruiselede) (*add.: Inde debet Johannes de Craybrouc ... cum Maria de Crayenbrouch*); f. 14v: Johannes de Crayenbrouch, Maria de Crayenbrouch; ср.: RAG, Boudelo, 553, f. 14r: (Ruiselede) (v. 1375) (add.: *Olivier van Riemslede*); RAG, StP, I, 386, f. 1r, 8r, 9r: (Ruiselede) (v. 1350–1400) Olivier van Riemslede.

[32] Ср. : R 31, f. 12r (col. 2): (a. 1295) (Ruiselede) Agata uxor Egidii molendinarii (sMoelnar); Lib. Inv., f. 79v, 82r: (a. 1281) (Ruiselede) Egidius Molnere; ср.: R 31, f. 12r (col. 1): (a. 1295) (Ruiselede) ... liberi Margarete de Calfsterte. Nicholaues frater Margarete; Lib. Inv., f. 80v, 83r, 84r: (Ruiselede) (a. 1281) Clais Calfstert (Calsstert); ср.: R 31, f. 21r (col. 2): (a. 1295) (Aarsele) Machtildis Hasen; = R 41, f. 32v (col. 1): (v. 1350–1375) (Aarsele) Mergrita, Wouter liberi Machteldis Hasen; RAG, Boudelo, 553, f. 9v: (Aarsele) (a. 1375) Walterus Hase; ср.: R 41, f. 32v (col. 1): (v. 1350–1375) (Aarsele) Bela uxor Lamberti de Reaghe de Langraecht; RAG, Boudelo, 553, f. 2v: (v. 1360) (Aarsele) Lambertus de Reyaghe; ср.: R 41,

В целом, по нашим документам довольно отчетливо выявляется стремление семей, живших в этих деревнях, устанавливать *множественные и разносторонние* связи не с одним, а по возможности с *несколькими* монастырями, влияние которых в той или иной мере чувствовалось в их деревне. Все это свидетельствует о том принципиальном значении, которое они отводили расширению своих социальных сетей и укреплению многообразия подобных контактов. Ведь мы уже имели возможность убедиться в том, что представители одной и той же семьи могли быть держателями не одного-единственного монастыря, а двух, да еще быть записанными алтарными трибутариями какого-то третьего. Очевидно, на основании всех этих наблюдений мы вправе предположить, что чем шире, многограннее и прочнее была сеть подобных связей, соединявших довольно длительное время несколько поколений ближайших родственников с близлежащими или даже отдаленными монастырями, тем более устойчивым и благоприятным представлялось им положение их семьи в целом и каждого из ее членов в частности.

Так, например, если довериться тексту вышеупомянутой грамоты аббата монастыря св. Ведаста в Аррасе Мартина, то еще задолго до времени ее составления (ок. 1155–1184 гг.) в Арселе уже проживали пять поколений алтарных трибутариев аббатства, происходивших от некоей Эммы из Хульст, дочери

---

f. 44r (col. 2): (Ruiselede) (v. 1350–1375) Heila uxor Johannis de Sevencote; f. 46r (col. 2): Alisa filia Margarete Diermans uxor Henrici filii Gerardi de Sevencote; RAG, StP, I, 386, f. 2r: (Ruiselede) (v. 1350–1400) Jan van Sevencote; f.4r: Heinrics kinder van Sevencote; ср.: R 41, f. 46r (col. 1): (Ruiselede) (v. 1350–1375) Johannes dictus Coepmans; RAG, StP, I, 386, f. 5v, 6r: (Ruiselede) (v. 1350–1400) Jan Coepman (Copman); ср.: R 41, f. 45v (col. 2): (Ruiselede) (v. 1350–1375) Willelmus filius Ghisele de Hullen vel de Moelen; RAG, StP, I, 386, f. 3v: (Ruiselede) (v. 1350–1400) Willem van der Muelen.

[33] Ср.: R 41, f. 45v (col. 2): (Ruiselede) (v. 1350–1375) Johannes (filius) Alise uxoris Wouteri de Brouke; RAG, Boudelo, 553, f. 4r: (Ruiselede) (v. 1360) Johannes de Brouke; RAG, StP, I, 386, f. 1r: (Ruiselede) (v. 1350–1400) Jan van den Brouke; ср.: R 41, f. 32v (col. 1): (Aarsele) (v. 1350–1375) Trisa, Heilsoeta (*Egidius eius filius*), Maria (*Machteldis eius filia*) liberi Beatritis de Armersch filie Heile de Heenoeden; RAG, Boudelo, 553, f. 3r: (Aarsele) (a. 1360) Egidius van der Eenhoude; RAG, StP, I, 386, f. 11r: (Aarsele) (v. 1350–1400) Gillis (Egidius) van der Enoeden.

Хейлы[34]. Позже, в середине XIII в., мы вновь встречаем в Арселе жителей с тем же самым прозвищем[35] (т.е., вероятно, представителей все того же рода), но уже среди алтарных трибутариев аббатства св. Петра Гентского[36], а также среди свидетелей из числа жителей этого селения, присягавших при составлении чиншевой описи держателей аббатства Бодело[37]. Еще столетие спустя, в 1360 г., в более поздней чиншевой описи того же аббатства Бодело, мы опять находим персонажей с тем же самым прозвищем, однако на этот раз – непосредственно среди его держателей[38]. Примерно в то же самое время держателей с подобным прозвищем фиксирует и *Legger* аббатства св. Петра в Генте, правда, уже не в Арселе, а в соседнем с ним селении Рёйселеде[39]. И подобных примеров можно было бы привести немало, о чем свидетельствует таблица 2.

---

[34] *Boeren*, App. № 12. P. 121 (v. 1155–1184): In Arsella. Emma de Hulst filia Heile, Rasso de Hulst filius Heile, Balduinus de Hulst filius Emme, Heila de Hulst filia Emme, Lisa de Hulst filia Emme, Heila de Hulst filia Lise, Mabilia de Hulst filia Heile, Agnes de Hulst filia Heile, Adelisa de Hulst filia Trise, Balduinus de Hulst filius Heile, Susia de Hulst filia Heile, Trisa de Hulst filia Heile Hulst.

[35] Hulst = Hulste, Fl. occ., arr. et cant. de Courtrai; < Hulst, van der: = plaats waar hulst groiet (место, где растет падуб, иглица). См.: *Debrabandere F*. Verklarend Woordenboek van de Familienamen in Belgie en Noord-Frankrijk. T. I–II. Brussel, 1993 (далее – *Debrabander*, WFN). Blz. 722.

[36] K 2556, f. 11v: (v. 1238) In Arcela. Clemma de Hytere. Willelmus filius eius. *(add.: Heila de Pactebeke soror (Clemme). Johannes de Hulst. Razo censorarius frater eius Willelmus frater eius (Heile))*.

[37] RAG, Boudelo, 552, f. 8r: (Aarsele) (a. 1251) Jurabant ... Balduinus de Hulst (scabinus).

[38] RAG, Boudelo, 553, f. 2v: (Aarsele) (a. 1360) Johannes de Hulst; f. 3r: (add.: *Willelmus de Hulst*).

[39] RAG, StP, I, 386, f. 3r: (Ruiselede) (v. 1350-1400) De weduwe Wouters van der Hulst.

Таблица 2:

Жители Арселе, Канегем и Рёйселеде с идентичными (семейными) прозвищами в описях разного времени нескольких монастырей средневековой Фландрии

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
(Aarsele) Emma de Hulst filia Heile, Rasso de Hulst filius Heile, Balduinus de Hulst filius Emme, Heila de Hulst filia Emme, Lisa de Hulst filia Emme, Heila de Hulst filia Lise, Mabilia de Hulst filia		f.11v: (Aarsele) (add.: *Johannes de Hulst. Razo censorarius frater eius; Willelmus frater eius*)	f.8r: (Aarsele) Balduinus de Hulst (scabinus)					f.2v: (Aarsele) Johannes de Hulst; f.3r: (add.:*Willelmus de Hulst*)	f.3r: (Ruiselede) De weduwe Wouters van der Hulst

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
Heile, Agnes de Hulst filia Heile, Adelisa de Hulst filia Trise, Balduinus de Hulst filius Heile, Susia de Hulst filia Heile, Trisa de Hulst filia Heile									
(Aarsele) Grieta filia Heile de Kaneghem, Mactildis filia Heile de Kaneghem,		f.11v: (Aarsele) Walterus *carpentarius* filius Razonis de Canenghem ... Gertrudis soror; cf.:	f.8r: (Aarsele) Heime de Kanenghem			f.32v (col.1): (Aarsele) Avesoeta uxor Rasonis Diermans de Caneghem			

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
Agata filia Heile de Kaneghem		f.37r: (Kanegem) Willelmus carpentarius. Gertrudis soror eius							
	f.62v (col.1): (Ruiselede) Emma de Atrio, ... Willelmus filius Heilewif filie Ave de Atrio, Hyldegard soror Grete de Atrio			f.81r: (Kanegem) Grieta de Atrio					
	f.62v (col.1): (Ruiselede) Ava de Pismasvelde filia Ave de	f.48r: (Aarsele) In Ronslo. Ava de Velde. Gerardus filius eius. Hugo filius eius.	f.8r: (Aarsele) Gerardus de Velde	f.79v, f.82r: (Ruiselede) Margareta de Velde, Machtildis de Velde;	f.12r (col.2): (Ruiselede) Agata uxor Gilberti de Velda. Arnoldus, Sara	f.44v (col.1): (Ruiselede) Agata uxor Egidii de Velde. Anesa filia Avesoete			

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
	Atrio. Yda filia Ave de Pismasvelda	Grita filia eius; Lambertus de Velde		Hanninus de Velde; f.80v, f.83v, f.84r: Ywanus de Velde	liberi Ave de Velde	de Velde uxor Johannis Diermans. Sara eius soror uxor Lamberti de Velde			
	f.62v (col.2): (Ruiselede) Greta filia Gertruid Longe							f.2v: (Aarsele) Willelmus (add.: *Johannes*) Longi; f.11v: (add.: *Johannes Langhe*)	
	f.62v (col.2): (Aarsele) Adalisa de Scoudebroch								f.6r: (Ruiselede) Olivier van Scoudebrouch
		f.11v: (Aarsele) (add.: *Heila de Pactebeke*); (add.:		f.79v, 82r: (Ruiselede) Arnoldus de Pachtenbeke; Gertrudis de					f.5v: (Ruiselede) Jan van Pachtenbeke

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
		Gerardus de Pactenbeke)		Pachtenbeke; f.80r: Hanninus de Pachtenbeke; f.82r: Lammekinus filius Mijs de Pachtenbeke					
		f.11v: (Aarsele) (add.: *Avezote filia Margarete de Pole. Margareta filia Margarete. Margareta filia Avesote*)			f.12r. (col.2): (Ruiselede) Agata, Arnoldus, Katerina liberi Margarete de Poele			f.9v: (Aarsele) Ysabella de Poule relicta Johanni de Poule	f.2v: (Ruiselede) Jan van den Poele
		f.24r: (Ruiselede) (add.:*Eustacius Vorster, Wouter eius frater, Henricus,*					f.40r (col.2): (Ruiselede) Lambrecht Kathelinen Vorsters sone.		

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
		Jacobus, Willelmus, Johannes, Beatrix)					Olivier sijn broeder		
		f.37r: (Kanegem) Godelif de Elst. Lamkyn *cens*. de Elst filius eius						f.3v: (Aarsele) relicta Johannis de Helst	
		f.37r: (Kanegem) Vergina filia Fabri	f.8r: (Aarsele) Willelmo Fabro; Waltero Fabro; f.18v: Willelmi Fabri	f.79v, f.81v, f.83r: (Ruiselede) Balduinus Faber; f.80v, f.83v, f.84r: Balduinus Faber. Heinricus (Henricus) Faber; f.83v: Heinekin Faber		f.44r (col.2): (Ruiselede) Henricus Faber			f.3v: (Ruiselede) Willem Roodshaerd de Smet. Jan Roodshaerd sone Willems (de Smet). Jan Roodshaerd kinder; f.4r: De weduwe Pieter Smeets; f.6v: Jan de Smet; f.8r, f.10r: Willem

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
									de Smet
		f.48r: (Aarsele) (add.: *Agnes uxor Habrams*) (add.: *Abraham cens.)*			f.21r (col.2): (Aarsele) Petrus Abraham. Henricus, Raso ejus fratres				
		f.48r: (Aarsele) (add.: *Adela de Berghem*)	f.8r: (Aarsele) Lambertus de Berge	f.79v, f.82r: (Ruiselede) Weitinus (Woitinus) de Monte		f.44v (col.2): (Ruiselede) Margareta uxor Wouteri de Monte			f.4v: (Ruiselede) thoyr Wouters van den Berghe
			f.8r: (Aarsele) Willelmus de Strata, Heila mater Willelmi; f.18v: Willelmus Stratekin (de Strata), Heila mater eiusdem Willelmi; Walterus de	f.79r: (Ruiselede) Clais de Strata, Gertrudis relicta Heinrici de Strata, Woitinus de Strata eius filius; f.80v, f.83r, f.84r: Hannin de	f.12r (col.2): (Ruiselede) Boidinus, Bela, Alisa, Henricus de Straten	f.44r (col.2): (Ruiselede) Johannes filius Nicholai de Strate. Johannes filius Sare de Straten vel de Vorde. Margareta soror			

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
			Strate; Lambertus de Strata	Strata; f.80v, f.83v, f.84r: Gertrudis de Strata; f.81v: Heinricus de Strata, Gertrudis relicta Heinrici de Strata; f.81r: (Kanegem) Margareta de Strata, Neta soror eius		Johannis de State vel de Vorde. Bela de Straten. Heinricus frater eius faber			
			f.8r: (Aarsele) Willelmus de Houdehaghe; Walterus de Houdehaghe; f.18v:Walterus de Oudehage (Outdehaghe)	f.81r, f.83v:(Aarsele) Johannes de Audage (Audehage)				f.2v: (Aarsele) Raso de Houdaghe; f.3v: Lamsijn Hauthaghe	
			f.8r: (Aarsele) Balduinus de Hoeke;		f.21r (col.2): (Aarsele) Willelmus.	f.32v (col.1): (Aarsele) Boudin de		f.14v: (Ruiselede) Jacobus van	f.5v: (Ruiselede) Jan van den

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
			Walterus de Hoeke		Boidinus, Beatrix, Ghisele, Margareta liberi Margarete de Hecke; f.12r (col.2): (Ruiselede) Matta de Hecke	Hecke, Ghisela eius soror, Beatrix eius soror; f.45v (col.1): (Ruiselede) Matta de Hecke vel de Ecke		den Hecke	Houke; f.8v, f.9v: Jan ende Philips van den Houke
			f.8r: (Aarsele) Henricus de Vorde			f.44r (col.2): (Ruiselede) Johannes filius Sare de Straten vel de Vorde			f.2v: (Ruiselede) Gheeraerd van den Voerde; f.4r: thoyr Willem van den Voerde; f.4v, f.9r: Jan van den Voerde; f.6r: Willem van den Voerde, Pieter van den Voerde,

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
									Heindric van den Voerde; f.13r: Segher van den Voerde
			f.8r: (Aarsele) Walterus de Molendino, Johannes frater eius			f.45v (col.2): (Ruiselede) Willelmus filius Ghisele de Hullen vel de Moelen		f.2v: (Aarsele) Sigerus de Molendino	f.3v: (Ruiselede) Willem van der Muelen
			f.8r: (Aarsele) Willelmus dictus Loeke	f.81r: (Aarsele) Coppinus de Loca; f.83v: Coppin de Loke				f.3r: (Aarsele) heredes Johannis de Loken (*add.: Egidius de Loke*)	
			f.8r: (Aarsele) Raso de Vribosch et conparticipes eius					f.2r, f.9v: (Aarsele) Willelmus van Vribossche (de Vribosche), liberi Willelmi van Vribossche,	

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
								Henricus van Vribossche (de Vribosche), Wouterus van Vribossche; f.9v: Willelmus de Vribosche (add.: *Wouter de Vribosche frater, Henricus de Vribusch frater Willelmi, Johannes filius Willelmi de Vribusch*)	
			f.18v: (Aarsele) Eustacio de Kersine	f.79r, f.81v: (Ruiselede) Gertrudis relicta Boidini filii Christine				f.3v: (Aarsele) Danieli de Kersene	
			f.18v: (Aarsele) filii Pantins					f.2v: (Aarsele) liberi Pantijns; f.2v: Johannes Pantijn; f.3r:	

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
								Baselis Pantijn; f.11v: Baselia Pantijn (add.: *Egidius Pantin*) Johannes Pantin; f.14r: Johannes Pantin	
			f.8r: (Aarsele) Balduinus de Bruele			f.44r (col.1): (Ruiselede) Margareta uxor Wouteri de Damme sive de Briele			
				f.81r: (Aarsele) Katerina de Doelage				f.2v: (Aarsele) Zoeta de Dolaghen	
				f.79r, f.81r: (Ruiselede) Sarra relicta Hugonis; f.80r, f.82v: Heinricus filius Hugonis					f.12r: (Kanegem) Segher Jan Hugs soons sone

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
				f.80v; f.83r: (Ruiselede) Balduinus de Prato		f.44v (col.1): (Ruiselede) Alisa de Pratis; (col.2): Johannes filius Steffenie de Pratis. Clemma eius soror. Elysabeth filia Steffenie de Pratis. Casus de Pratis; f.46r (col.1): Gerardus filius Ghiselini de Hulle vel de Prato		f.3r.: (Aarsele) Gosuinus de Prato	
				f.79r, f.81v: (Ruiselede) Walterus de	f.12v (col.1): (Ruiselede) Matte filie	f.45v (col.2): (Ruiselede) Willelmus			f.5v: (Ruiselede) Wouter van

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
				Hulle	Ghisele de Hulle; Alise de Hulle	filius Ghisele de Hullen vel de Moelen. Alisa soror eius; f.46r (col.1): Matta filia Ghiselini de Hulle; liberi Alise de [Hulle]; Gerardus filius Ghiselini de Hulle vel de Prato			den Hulle; f.12v: Lijsbette van den Hulle; f.13v: Jan van den Hulle
				f.79r, f.81v: (Ruiselede) Hanninus (Hannekin de Werrem) filius Theoderici de Werrem, Hanninus (Hannin de					f.1r: (Ruiselede) thoyr Jans van Werrem, Gheeraerd van Werrem sone Pieters; f.10r: Gheeraerd van Werrem sone

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
				Werrem) filius Willelmi de Werrem; f.79v, f.82r: Willelmus de Werrem					Pieters
				f.79r, f.81v: (Ruiselede) Willelmus de Ghiselo; f.79v; f.82r: Katerina filia Soikini de Ghiselo					f.3r: (Ruiselede) Claeys Ghiselare; f.4r: Willem Ghiselare Heinrics sone; f.4v: Wouter Ghiselare Heinrics sone
				f.79r, f.81v: (Ruiselede) Willelmus filius Gerardi Volcarts					f.8r: (Ruiselede) Jan Volkaerds
				f.79r, f.81v: (Ruislede) Willelmus de Scoet; f.80v,	f.12v (col.1): (Ruiselede) [...Ho]nsscoete	f.45r (col.1): (Ruiselede) Matta uxor Henrici de			f.3v: (Ruiselede) De weduwe ende thoyr van

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
				f.83r: relicta Gerardi de Scoet et conparticipes		Hontscoet; f.45v (col.2): Gertrudis uxor Nycolai Colpaerts de Hoentscoete			Gillis van Hontscote; f.8r: Mergriete van Hontscote
				f.79r, f.81v: (Ruiselede) Walterus Soetentijt (sic!) (Goedentijt); f.79v, f.82r: Johannes Goedentijt		f.44v (col.1): (Ruiselede) Wouter Godentijt			
				f.79v, f.81v: (Ruiselede) Lambertus Colpart		f.45v (col.2): (Ruiselede) Gertrudis uxor Nycolai Colpaerts de Hoentscoete			
				f.79r, f.82r: (Ruiselede) Heinricus Pistor; f.79v,					f.6r: (Ruiselede) Robberecht de Backere

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
				f.80v, f.83r: Balduinus Pistor					
				f.79v, f.82r: (Ruiselede) Egidius Molnere	f.12r (col.2): (Ruiselede) Agata uxor Egidii molendinarii	f.44v (col.2): (Ruiselede) Agata uxor Egidij sMoelnar			
				f.79v, f.82r: (Ruiselede) Johannes Borchgrave; f.81r, f.83v: Maria relicta Johannis Borchgraven (Borgraven)	f.12r (col.2): (Ruiselede) Alisa, Bela filie Ghisele Comitis (Graven)	f.44v (col.1): (Ruiselede) Alisa filia Ghiselins s[G]raven. Bela soror eius			
				f.80r, f.82r: (Ruiselede) Lambertus Veis					f.1r, f.9v: (Ruiselede) Heinric Veys; f.4v: (add.: *Wouter Weyns*); f.6v: Claeys Veys
				f.80r, f.82v:					f.2v, f.9r:

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
				(Ruiselede) Willin filius Petri de Perre					(Ruiselede) Goesin van den Perre; f.9v: Jan van den Perre
				f.80v, f.83r, f.84r: (Ruiselede) Willelmus (Willin) de Wallo		f.46v (col.1): (Ruiselede) Beatrix uxor Oliveri de Walle			
				f.80r, f.82v: (Ruiselede) Hannin Roetsart (Rosard), Gerardus Roetsart (Rosard), Hugo Roetsart (Rosard), Boidinus Roetsart (Balduinus Rosard), Veis		f.44v (col.1): (Ruiselede) Sara uxor Johannis Roesarts; f.46r (col.2): Alisa uxor Willelmi Roessart; f.46v (col.1): Katerina uxor Willelmi filii Boidini Roetsaerts			f.1r: (Ruiselede) Anees Roodsaerts; f.3v: Willem Roodshaerd de Smet, Jan Roodshaerd sone Willems, Jan Roodshaerd kinder; f.4r:Philips Roodshaerd;

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
				Roetsart (Rosard) et conparticipes, Machtildis uxor Weiteri Roetsart (Woiteri Rosard); f.80v, f.83r, f.83v, f.84r: Walterus Roetsart (Rosard, Rotsard), Machtildis uxor Woiteri Roetsarts (Roscards, Rosards)					f.4v: De weduwe ende thoyr Jan Roodsaerds, Jacop Roodsaert; f.5r: Kateline ende Maye de Roodsaerds; f.8r: Jan Rootsaert sone Jans; f.9v: De weduwe ende thoyr Jan Rootsaerds; f.13r: De weduwe Ghiselin Rootsaerds
				f.80r, f.82v: (Ruiselede) Heinricus Ghelre (Gelre)					f.1v, f.2r, f.9r, f.9v: (Ruiselede) Jan de Ghelre; Boidin de Ghelre,

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
									Wouter de Ghelre
				f.80v: (Ruiselede) Walterus Reingoet					f.3v: (Ruiselede) Gillis Reinghoet
				f.80v, f.83r, f.84r: (Ruiselede) Clais Calfstert (Calsstert) (sic!)	f.12r (col.1): (Ruiselede) Margareta de Calfstert, Nicholaues frater Margarete				
					f.21r (col.2): (Aarsele) Machtildis Hasen	f.32v (col.1): (Aarsele) Mergrita, Wouter liberi Machteldis Hasen		f.3r: (Aarsele) (add.: *Sigerus Hase*); f.9v: Walterus Hase	f.11v: (Aarsele) Pieter de Hase
					f.21r (col.2): (Aarsele) Beatrix filia Heile de Henoeden	f.32v (col.1): (Aarsele) Trisa, Heilsoeta (*Egidius eius filius*), Maria		f.2v: (Aarsele) (add.: *Lamsin van der Heenoeden*); f.3r: Egidius van der	f.11r: (Aarsele) Gillis (Egidius) van der Enoeden; f.11v: Stevin (Stephanus)

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
						(*Machteldis eius filia*) liberi Beatritis de Armersch filie Heile de Heenoeden		Eenhoude; f.10v: Lamsin de Eenhoude, Agnes uxor Petri de Eenhoude	van der Enoeden (Henoeden)
					f.12r (col.2): (Ruiselede) Yda de Beka: Elysabeth, Willelmus eius liberi; f.12v (col.1): ....[Ym]me de Beke	f.45r (col.1): (Ruiselede) Willelmus filius Yden de Beke. Elysabeth eius soror; f.45r (col.2): Alisa de Beke uxor Johannis de Waghe; Johannes filius Ymmen de Beke. Neta soror ejus		f.2v: (Aarsele) Raso Bekaert; f.10v: Martinus Bekaert	f.12r: (Kanegem) Jan Becaert; f.13v: (Ruiselede) Jan van der Beke
					f.12r (col.2): (Ruiselede) Theodericus	f.45v (col.1): (Ruiselede) Lambertus		f.13v: (Ruiselede) Willelmus de	

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
					de Poeke, Wouter filius Ave de Poeke, Lambertus eius filius	filius Avesoete de Pouke; f.45v (col.2): Beatris relicta Egidii de Pouke		Pouke; f.2r: (Aarsele) relicta Johannis de Pouke; f.2v: relicta et heredes Johannis de Pouke;	
					f.12r (col.2): (Ruiselede) Gilbertus de Ribroc; Margareta filia Lise de Ribroc	f.45v (col.1): (Ruiselede) Margareta filia Alise de Riebrouch			f.4v: (Ruiselede) Willem van Reybrouc
						f.32v (col.1): (Aarsele) Bela uxor Lamberti de Reaghe de Langraecht		f.2v: (Aarsele) Lambertus de Reyaghe	
						f.32v (col.1): (Aarsele) Katerina uxor Johannis de			f.11r: (Aarsele) Gillis van West

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
						West			
						f.46v (col.1): (Ruiselede) liberi Alise dicti de Dverstraten			f.2v: (Ruiselede) Gheenkin van den Dweerstrate
						f.44v (col.1): (Ruiselede) Beatrix filia Alise uxor Henrici Meesters			f.12r: (Kanegem) Olivier de Meester
						f.45v (col.2): (Ruiselede) Alisa uxor Wouteri de Brouke, eius liberi: Wouter, Johannes, Margareta		f.4r: (Ruiselede) dominus Johannes de Brouke; f.2v: (Aarsele) Johannes Broukaert; f.3r: Johannes Brokaert	f.1r: (Ruiselede) Jan van den Brouke
						f.45r (col.1): (Ruiselede) Egidius de		f.4r, f.14v: (Ruiselede) Johannes de	f.1v: (Ruiselede) Jan van

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
						Crayenbrouch		Crayenbrouch, Maria de Crayenbrouch	Craeienbrouch; f.3r: Pieter van Crayenbroc
						f.44r (col.2): (Ruiselede) Heila uxor Johannis de Sevencote; f.46r (col.2):Alisa filia Margarete Diermans uxor Henrici filii Gerardi de Sevencote			f.2r: (Ruiselede) Jan van Sevencote; f.4r: Heinrics kinder van Sevencote
						f.46r (col.2): (Ruiselede) Jacop, Alisa, Johannes, Michael – liberi Mabelie et Goessini Bijbaw		f.14r: (Ruiselede) (add.: *Phieter Bibau. Nicholaius Bibau*)	f.4r: (Ruiselede) Pieter Bibau, Jan Bibau; f.4v: Heinric Bibau; f.5r; f.9r: Wouter Bibau; f.13r: Jan Bibau, Jan

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
									Bibau sone Willems; f.13v: Olivier Bibau
						f.44r (col.1): (Ruiselede) Margareta uxor Ghiselberti de Bardau		f.4r: (Ruiselede) Griele Bardoens	
						f.46v (col.1): (Ruiselede) Katerina uxor Rogeri Joseph		f.4r: (Ruiselede) Alisa Joseph	
						f.44v (col.2): (Ruiselede) Johannes dictus Coedde		f.14v: (Ruiselede) Egidius Coddinc	
						f.46r (col.1): (Ruiselede) Johannes dictus Coepmans.			f.5r: (Ruiselede) Wouter Coepman; f.5v: Jan

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
						Alisa, Johannes, Johannes eius liberi			Coepman; f.6r: Jan Copman
							f. 40r (col.1): (Kanegem) Lente Margrieten dochter vanden Hamme ende hare kindre; f.40r (col.2): (Ruiselede) Alise Boidins dochter uten Hamme. Katheline haer dochter	f.4r: (Ruiselede) Johannes van Hamme; f.14v: Heulardus de Hamme; f.2v: (Aarsele) heredes Sigeri de Hamme; f.11v: Johannes de Hamme	

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
								f.3r: (Aarsele) heredes Wouteri der Kinder; f.2v: Johannes, Philippus der Kinder; f.9v: Willelme der Kindere (*add.: Egidius der Kindere); (add.: pro heredi Willelme der Kindere*)	f.13r: (Ruiselede) Pieter van der Kindere; f.14r: (*add.: Stephanus van der Kindere*)
								f.3r: (Aarsele) Daniel de Boeste; Johannes Beste ex Lamberto	f.11r: (Aarsele) Kateline sBesten
								f.3r: (Aarsele) Nicholaus Poucstrate	f.11r: (Aarsele) Olivier Poucstrate
								f.3v: (Aarsele) Lambertus de	f.11v: (Aarsele)

Boeren, App. N 12.	Paris, B. N., 9920	K 2556	Boudelo, 552	*Lib. Inv.*	R 31	R 41	R 43	Boudelo, 553	*Legger*
v.1155–84)	(v.1200–50)	(v.1238)	(a.1251–54)	(a.1281)	(a.1295)	(v.1350–75)	(v.1353)	(a.1360–88)	(v.1350–1400)
								Vlaspoele	Gillis van Vlaspoele
								f.3v: (Aarsele) Egidio de Poelvoerde	f.13r: (Ruiselede) de weduwe Stevijns (Stefani) van Poelvoerde
								f.10v: (Aarsele) (add.: *Margareta van den Riede*)	f.11r: (Aarsele) De weduwe Jans van den Riede
								f.14r: (Ruiselede) (add.: *Olivier van Riemslede*)	f.1r, f.8r, f.9r: (Ruiselede) Olivier van Riemslede, Gheeraerd van Riemslede
								f.14v: (Ruiselede) Oliverus de Coutre	f.2v: (Ruiselede) Janekin van den Coutre

* * *

Надо сказать, что все рассмотренные выше описи были составлены в переломный период, связанный с началом массовых чумных эпидемий в средневековой Европе, так называемой «Чёрной смертью» конца 40 – начала 50-х гг. XIV в.[40] Это-то обстоятельство и заставило меня заинтересоваться вопросом о том, как данная ситуация могла сказаться на судьбах и умонастроениях жителей трех фламандских деревень и какое отражение она нашла в изучаемых документах.

Известно, что первая волна эпидемий, как ни странно, сравнительно мало затронула густозаселенную Фландрию[41], в особенности ее внутренние сельские районы, заметно коснувшись лишь приморских городов (Брюгге, Антверпена), а также

---

[40] Из необъятной литературы, посвященной истории эпидемии «Черной смерти», укажу лишь некоторые работы, доступные на русском языке: *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941. С. 346–347; *Люблинская А.Д.* Источники в смежных с историей науках (по материалам зарубежной медиевистики) // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья / Под ред. В.И. Рутенбурга. Л., 1979. С. 40–43; *Самаркин В.В.* Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976. С. 83–90; *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 135–207; *Репина Л.П.* «Черная смерть» и демографический кризис XIV–XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М., 1999. С. 195–198; *Бергер Е.* «Черная смерть» // Средние века. Вып. 65. М., 2004. С. 335–339; *Она же*. «Черная смерть» // Всемирная история. Т. 2. М., 2012. С. 634–640; *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы: В 2-х кн. Кн. I: Чума добактериологического периода. Очерк 5: «Чёрная смерть» – второе пришествие чумы в Европу (1346–1351). М., 2006. С. 78–131.

[41] Между тем, казалось бы, высокая степень урбанизации, расположение на перекрестке основных торговых путей, исключительно высокая плотность даже сельского населения, приближавшаяся в среднем к 100 чел. на 1 кв. км, – все это делало Фландрию особенно уязвимой для эпидемии: *Helin E.* Cohabiter dans le même microcosme: Pays-Bas méridionaux // Histoire des populations de l'Europe / Sous la dir. de J.-P. Bardet et J. Dupâquier. T. 1: Des origines aux prémices de la révolution démographique. P., 1997. P. 419; *Van der Woude A.* Les Provinces-Unies // Ibidem. P. 427.

некоторых других относительно крупных торговых центров, таких как Аррас, Сент-Омер, Дуэ, Лилль, Ипр или Турне[42]. Поселения типа Арселе, Канегем и Рёйселеде, занимавшие самый центр треугольника между Брюгге, Гентом и Куртре и расположенные вдали от основных торговых путей с их массовыми и интенсивными перемещениями людей, пострадали, видимо, заметно меньше[43].

---

[42] Календарь и маршрут распространения первой волны чумы во Фландрии свидетельствует об ее продвижении, в основном, по торговым дорогам того времени: *Dubois H.* La dépression (XIVe et XVe siècles) // Histoire de la population française / Sous la dir. de J. Dupâquier. T. 1: Des origines à la Renaissance. P., 1988. P. 316; *Blockmans W.* La peste // Histoire des populations de l'Europe. P. 193–195.

[43] Впрочем, согласно данным по некоторым фламандским деревням, смертность в них по сравнению с обычной в этот период все же существенно возросла (*Blockmans W.* Op. cit. P. 193). В итоге, чумные эпидемии во Фландрии к концу Средневековья по сравнению с 1300 г. сократили сельское население графства – по мнению А. Верхульста (*Verhulst A.* Précis d'histoire rurale de la Belgique. Bruxelles, 1990. P. 224) – почти на треть, а городское население примерно наполовину, см. также: *Helin E.* Op. cit. P. 414; *Blockmans W.* Op. cit. P. 195. Подробнее об истории чумы в Нидерландах – см. следующие основные работы: *Van Werveke H.* Nogmaals: de zwarte Dood in de Nederlanden // Bijdragen Geschiedenis Nederlanden. XIII (1954). P. 251–258; *Harpes J.* La peste au pays de Luxembourg. Essai historique et médical. Luxembourg, s. d. (1955); *Sivery G.* L'Hainaut et la peste noire // Mémoires et Publications de la Société des Sciences, des Arts et des Lettres du Hainaut. T. LXXIX. (1965). P. 431–444; *Despy G.* La «grande peste noire de 1348» a-t-elle touché le roman pays de Brabant? // Centenaire du séminaire d'histoire médiévale de Bruxelles. Bruxelles, 1977. P. 195–217; *Blockmans W. P.* De pest in de Nederlanden // Spiegel Historiael. T. XV. (1980). N 7–8. P. 427–432; *Maréchal G.* De Zwarte Dood te Brugge (1349–1351) // Biekorf. T. LXXX (1980). P. 377–392; *Delmaire B.* Contribution à l'étude de la peste au bas moyen âge. Un fragment de compte inédit de l'abbaye de Saint-Bertin pour Bas-Warneton // Mémoire de la Société d'Histoire de Comines - Warneton et de la Région. T. XI. (1981). P. 35–50; *Thoen E.* Landbouwekonomie en bevolking in Vlaanderen geburende de late middeleeuwen en het begin van de moderne tijd. 2 vol. Gent, 1988; *Noël R.* Première attaque de la peste en Lorraine du nord: de la ville à la campagne? // Peasants and townsmen in medieval Europe. Studia in honorem Adriaan Verhulst / eds. Jean-Marie Duvosquel & Erik Thoen. Gent, 1995. P. 721–738; *Thoen E., Devos I.* Pest in de Zuidelijke Nederlanden tijdens de

Действительно, признаков массовой демографической катастрофы по данным исследованных мною описей в общем-то не наблюдается. Напротив, можно с некоторой осторожностью даже говорить об определенном естественном *приросте* населения в наших селениях за означенный период. В этом смысле особенно показательными представляются два документа из аббатства св. Бавона в Генте, поскольку они описывают разные поколения не просто жителей Арселе и Рёйселеде, а членов *одних и тех же семей* алтарных трибутариев. Напомню, что одна опись (R 31) была создана монахами еще задолго до эпидемии, в 1295 г., а другая (R 41) – уже после «Черной смерти», примерно в третьей четверти XIV в., что делает их сопоставление друг с другом особенно ценным. Именно эти две переписи наглядно демонстрируют нам, что люди, родившиеся еще во второй половине XIII в., через несколько десятилетий, несмотря на прошедшую эпидемию, успешно приросли детьми, внуками и даже правнуками[44]. И никаких особых «разрывов» в этом есте-

---

Middeleeuwen en de Moderne Tijden. Een status quaestionis over de ziekte in haar sociaal-economische context // De pest in de Nederlanden: medisch historische beschouwingen 650 na de zwarte dood. Vierde symposium Geschiedenis der Geneeskundige Wetenschappen, 21 maart 1998 – La peste au Pays-Bas: considérations médico-historique 650 ans après la peste noire. Quatrième symposium «Histoire des sciences médicales», 21 mars 1998. Brussel, 1999. P. 19–43; *Prevenier W.* Pest en epidemieën in de Middeleeuwen // *Prevenier W., Van Eenoo R.* Geschiedenis van Deinze. I: Deinze en Petegem in de Middeleeuwen en de Nieuwe Tijd. Deinze, 2003. Blz. 234–235; *Thoen E.* Pest in de Nederlanden. Een nawoord // De zwarte dood. Hoe de pest de wereld veranderde / N.F. Cantor. Leuven, 2003. P. 267–273.

[44] Ср.: R 31, f. 21r (col. 2): (a. 1295) (Aarsele) Beatrix filia Heile de Henoeden; R 41, f. 32v (col. 1): (v. 1350–75) (Aarsele) Trisa, Heilsoeta (*Egidius eius filius*), Maria (*Machteldis eius filia*) liberi Beatritis de Armersch filie Heile de Heenoeden; R 31, f. 12r (col. 2): (a. 1295) (Ruiselede) Yda de Beka. Elysabeth, Willelmus eius liberi; R 41, f. 45r (col. 1–2): (v. 1350–75) (Ruiselede) Willelmus filius Yden de Beke. Elysabeth eius soror: Wouter, Henricus, Jana, Margrita, Yde, Matta uxor Henrici de Hontscoet, eius (Elysabeth) liberi; Johannes, Jana uxor Jacopi Hoeft, Alisa, Segher liberi Matte predicte.

ственном процессе смены старших поколений младшими по данным наших описей в общем-то не наблюдается[45].

Впрочем, следует сразу же оговориться, что нельзя было не обратить внимание на довольно странное исчезновение из второго документа некоторых семей, которые упоминались в описи 1295 г. Вместо них в более позднем списке появляются какие-то новые персонажи, о которых первая опись совершенно ничего не знала и которых никак не удается связать родством ни с кем из прежних алтарных трибутариев. В известном смысле мне вновь пришлось здесь столкнуться с некоторой загадкой, со своего рода очередным *ребусом*[46] (см. таблицы 3 и 4).

Таблица 3:

Динамика изменений после «Черной смерти» состава семей алтарных трибутариев, принадлежавших гентскому аббатству св. Бавона в селении Арселе

R 31, f. 21r (col. 2):	R 41, f. 32v (col.1):
Arsele	In Arsele
(a.1295)	(v.1350–1375)
1.Beatrix filia Heile de Henoeden	1.Trisa 2.Heilsoeta 4.*Egidius eius (Heilsoete) filius* 3.Maria 5.*Machteldis eius (Marie) filia* liberi Beatricis (1)[47] de Armersch filie Heile de Heenoeden
2.Raso mercenarius	
3.Petrus Abraham 4.Henr*icus* 5.Raso eius fratres	
6.Mach*tildis* Hasen 7.Marg*areta* 8.W*illelmus* 9.Joh*annes* 10.W*outer* 11.B*oidinus*	6.Mergrieta (7) 7.Wouter (10) liberi Machteldis (6) Hasen

[45] R 31, f. 21r (col. 2): (a. 1295) (Aarsele) Machtildis Hasen ...; R 41, f. 32v (col. 1): (v. 1350–75) (Aarsele) Mergrita, Wouter liberi Machteldis Hasen etc.

[46] См.: *Габдрахманов П.Ш.* Что за оказия? Казус средневекового хирографа из архива аббатства св. Петра в Генте // Средние века. Вып. 68. № 2. М., 2007. С. 143–161.

[47] В круглых скобках указан порядковый номер, который соответствует данному персонажу в другой описи.

eius (Machtildis) liberi	
12.Lippinus tabernarius 13.Soi*kinus* eius frater	
14.W*illelmus* 15.Boid*inus* 16.Beatrix 17.Ghisele 18.Marg*areta* liberi M*argarete* de Hecke 19.Joh*annes* 20.Heila liberi Heile sororis eorum	8.Boudin (15) de Hecke 9.Ghisela (17) eius soror 10.Beatrix (16) eius soror
	11.Bela uxor Lamberti de Reaghe de Langraecht 12.Katerina eius (Bele) filia uxor Johannis de West
	13.Johannes 14.Willelmus 15.Katerina 16.M*argareta* liberi Emme de Molenacker
	17.Avesoeta[48] uxor Rasonis Diermans de Caneghem 18.Rase 19.Beatrix eius (Avesoete) liberi 20.Agata eius filia Avesoete predicte uxor Rogeri[49] Scouts
	22.Johannes[50] dictus Boye filius Alise Ravens
	23.Henricus filius Clemme

[48] Cp.: R 41, f. 44r (col. 1): (Ruiselede) Avasoeta uxor Rasonis Diermans. Sigerus eius frater.

[49] Cp.: R 41, f. 45r (col. 1): (Ruiselede) Margareta filia Gertrudis sRavens. **Rogerus**, Nycholaes, Gertrudis eius (Margarete) liberi et Willelmi **Scouttetens** < Schout, Schouten(s), Schouteten < schoutete < scaltetus = schout, gerechtelijk ambtenaar, voorzitter van een schepenbank (полицмейстер, пристав, судебное должностное лицо, глава городского совета, председатель эшевенов) (*Debrabander*, WFN).

[50] Cp.: R 41, f. 45r (col. 1): (Ruiselede) Gertrudis sRavens. Michael, Thomas, Alisa eius (Gertrudis) liberi. Philippus, **Johannes**. Matta uxor Wouteri Dievels. Oliverus. (add.: Katarina *vivit* Margareta *vivit* Boudinus) Wouter liberi Alise predicte et Egidij **Bois**. Margareta filia Gertrudis sRavens. Rogerus, Nycholaes, Gertrudis eius (Margarete) liberi et Willelmi Scouttetens.

Таблица 4:

Динамика изменений после «Черной смерти» состава семей алтарных трибутариев, принадлежавших гентскому аббатству св. Бавона в селении Рёйселеде

R 31, f.12r (col.1) – f.12v (col.1):	R 41, f. 44r (col.1) – f. 46v (col.1):
Ruselede	In Ruselede
(a.1295)	(v.1350–1375)
1.Baselia 2.Trisa eius filia 3.Johannes 4.Gerardus 5.Machtildis 6.Katerina liberi Agnetis (1) filie Margarete de Ghisolodamme	1.Anesa filia Margarete de Ghiseldamme 2.Johannes (3) 3.Machtilt (5) 4.Willelmus 5.Gherart (4) 6.Katerina (6) 7.Margareta liberi (Anese et) Henrici de Overal
	8.Avasoeta[51] uxor Rasonis Diermans[52] 9.Sigerus eius frater
7.Margareta 8.Trisa 9.Katerina 10.Beatrix eius (Katerine) filia filie Margarete (10?) de Ghiseldamme	10.Margareta uxor Wouteri de Damme sive de Briele 11.Katerina (9?) 12.Beatrix (8?), *eius (Beatricis) liberi III:* *14.Willelmus.* *15.Johannes.* *16.Avesoeta.* 13.Margareta (7?) eius (Margarete et Wouteri de Damme sive de Briele) liberi
	17.Margareta uxor Johannis Roelins 18.Katerina 19.Heinricus eius (Johannis Roelins) liberi
11.Goesinus 12.Ely*sabeth* 13.Maria liberi M*argaret*e de Calfsterte 14.Nicholaes frater M*argaret*e (de Calfsterte)	20.Elysabeth (12?) 21.Nycholaes 22.M*aria* (13?) *in Caneghem* liberi M*argaret*e uxoris Ghiselberti de Bardau
15.Sara de Platea 16.Margareta 17.Sara 18.Johannes eius (Sare de Platee) liberi	23.Johannes filius Nicholai de Strate 24.Johannes (18?) filius Sare (15?) de Straten vel de Vorde 25.M*argareta* (16?) soror Johannis de Strate vel de Vorde 26.Johannes 27.Heila *uxor Johannis de Sevencote*

[51] Ср.: R 41, f. 32v(col. 1): (Aarsele) Avesoeta uxor Rasonis Diermans de Canenghem.

[52] Ср. infra (62): Anesa filia Avesoete de Velde uxor Johannis Diermans; Alisa filia Margarete Diermans.

	eius (M*argaret*e) liberi Sygeri Parmentiers 28.Johannes 29.Heinricus 30.Judocus 31.Firin 32.Katerina 33.Anesa liberi Heile predicte
19.Boidinus 20.Bela 21.Alisa 22.Henricus de Straten	34.Bela (20) de Straten 35.Henricus (22) frater eius faber 36.Alisa (21) de Pratis 37.Gerardus *in Brugis* 38.Sara 39.Alisa *uxor Heinrici de Pratis vel de Mayackere* 40.M*argaret*a eius (Alise uxoris Henrici) filia eius (Alise de Pratis) liberi
23.Agata uxor Gilberti de Velda 24.Arnoldus 25.Sara liberi Ave de Velde	41.Agata (23) uxor Egidij[53] de Velde 42.Sara eius filia uxor Johannis Roesarts 43.Johannes 44.Wouter 45.Gerardus 46.Sara, *eius (Sare) liberi:* *49.Gerardus. 50.Johannes. 51.Wouter. 52.Beatrix.* (filie Beatris): *53.Margareta.54.Katerina.* 47.Alisa 48.Beatrix, *eius (Beatricis) liberi:* *55.Wouter Godentijt. 56.Pauwels* eius (Sare uxoris Johannis Roesarts) liberi
	57.M*argaret*a uxor Henrici Cortkam
26.Alisa 27.Bela filie Ghisele Comitis (Graven)	58.Alisa(26) filia Ghiselins sRaven <sGraven>[54] 59.Bela (27) soror eius 60.Beatrix (~~sor~~) filia Alise uxor Henrici Meesters 61.Johannes eius (Beatricis) filius

[53] Весьма примечательная ошибка, свидетельствующая о том, что автор более поздней описи вряд ли использовал документ 1295 г., а опирался, скорее всего, на какую-то промежуточную, не дошедшую до нас опись, в которой имя *Gilbertus* было, вероятно, транскрибировано в более краткую форму *Gillis* (*Gille*), являющуюся также и краткой формой другого мужского имени, *Egidius*. Таким образом, автор поздней описи, совершая обратную транскрипцию имени *Gillis* (*Gille*) в латинизированную форму, решил, что речь идет именно об имени *Egidius*.

[54] Еще одна весьма характерная ошибка, косвенно подтверждающая высказанное выше предположение: вместо женского имени *Ghisela*

	62.Anesa filia Avesoete[55] de Velde uxor Johannis Diermans[56] 63.Sara (25) eius soror uxor L*amberti* de Velde 64.Gloria filia eius (Sare)
28.Heilsoeta filia M*argaret*e de Driesche 29.Beatrix de Driesche	65.Katerina filia Heile (28) de Driessche 66.Beatrix (29) de Driessche 67.Johannes frater eius (Beatricis) dictus Coedde
30.Clemma 31.Heila 32.Henricus 33.Margareta *mortua* 34.Johannes *mortuus* 35.Henricus *mortuus* eius (Margarete) filii 36.Steffennia 37.Johannes 38.Henricus eius (Steffennie) filii 39.Heila liberi Perin de Flat 40.Gertrudis filia Heile	68.Johannes (37) filius Steffenie (36) de Pratis 69.Clemma eius (Johannis) soror uxor Fierin de Hoerne 70.Heinricus eius filius 71.Elysabeth filia Steffenie de Pratis 72.Casus *de Pratis* 73.M*argaret*a eius (Elysabeth) liberi 74.Heila (39) filia Perrijns de Flat 75.Willelmus 76.Johannes 77.Gertrudis (40) uxor Johannis Lembaels eius liberi Heilen 78.Katerina 79.M*argaret*a eius liberi Gertrudis
41.Gilbertus de Ribroc 42.Katerina 43.Elysabeth 44.Margareta filie M*argarete*[57] sororis eorum	 80.M*argareta*[58] uxor Wouteri de Monte 81.Elysabeth (43?) 82.M*argaret*a (44?) *83.Johannes eius(Margarete) filius* eius (M*argaret*e et Wouteri de Monte) liberi
45.Theodericus de Poeke[59]	
	84.M*argaret*a filia Steffenie Balderix
46.Agata uxor Egidii molendinarii 47.Johannes eius filius	85.Agata (46) uxor Egidij sMoelnar 86.Egidius eius filius de Crayenbrouch
[60]	87.Gertrudis sRavens ...[61]

почему-то указано мужское имя *Ghiselinus*. Равным образом, вместо прозвища *sGraven* (< Graaf = comes) было ошибочно записано прозвище *sRaven* (< Raven < raaf (ворон) (*Debrabander*, WFN)).

[55] Ср. supra (23): R 31, f. 12r (col. 2): Agata uxor Gilberti de Velda. Arnoldus, Sara liberi Ave de Velde.

[56] Ср. supra (8): Avasoeta uxor Rasonis Diermans (de Canenghem). Sigerus eius frater; et infra: Alisa filia Margarete Diermans.

[57] Ср. infra (64): Margareta filia Lise de Ribroc.

[58] Ср. infra (144): Margareta filia Alise de Riebrouch.

[59] Ср. infra (57): Wouter filius Ave de Poeke ...

48.Yda de Beka 49.Elysabeth 50.Willelmus eius (Yde de Beka) liberi	103.Willelmus (50) filius Yden (48) de Beke 104.Elysabeth (49) eius soror 105.Wauter 106.Henricus 107.Jana 108.Margareta 109.Yde 110.Matta *uxor Henrici de Hontscoet, eius liberi:* 111.Johannes 112.Jana *uxor Jacopi Hoeft* 113.Alisa 114.Segher liberi Matte predicte eius (Elysabeth) liberi liberi Elysabeth predicte
	115.Matta uxor Gerardi sDene 116.Johannes 117.Gertrudis *relicta Petri de Moerackere, eius liberi: 121.Alisa. 122.Katerina.123.Willelmus.* 118.Willelmus 119.Wouter 120.Segher eius (Matte) liberi
	124.Alisa de Beke[62] uxor Johannis de Waghe 125.M*argaret*a 126.Sara 127.Elysabeth *uxor Willelmi Doerken* 128.Matta 129.Alisa eius (Alise de Beke) liberi
	130.Matta uxor Egidij Minnekins[63] liberi eius (Matte) VIII. 131.Anesa soror Matte predicte

[60] Ср. infra (65): Michael [.....] Gertrudis Ravens.

[61] Ср. там же. Пожалуй, это – единственный случай, когда в более поздней описи почему-то была нарушена очередность описания семей алтарных трибутариев, примененная в предыдущей описи.

[62] Ср. supra (48), R31, f.12 r (col. 1): Yda de Beke ...

[63] Оставлено свободное место для имен этих детей, что свидетельствует о том, что автор пользовался не только

51.Wouter filius Ave de Poeke 52.Lambertus eius filius 53.Margareta 54.Gertrudis 55.Katerina 56.Yda 57.Willelmus 58.Walterus 59.Gerardus liberi Verghine de Poe[le?] (et Lamberti?) 60.Agata 61.Arnoldus 62.Katerina liberi M*argarete* (137?) de Poele	132.Lambertus (52) filius Avasoete de Pouke 133.Willelmus (57) 134.Wouter (58) 135.Yda (56) 136.Gertrudis (54) 137.M*argaret*a (53?) *uxor Wauteri filii Alisen* eius (Lamberti) (et Verghine de Poele?) liberi 138.Johannes 139.Willelmus 140.Alisa 141.Katerina (62?) 142.Verghina eius (M*argaret*e) liberi M*argaret*e predicte 143.M*aria* filia Avasoete de Pouke 144.Agata soror eius
63.Matta de Hecke	145.Matta (63) de Hecke vel de Ecke
64.Margareta[64] filia Lise de Ribroc	146.M*argaret*a (64) filia Alise de Riebrouch
	147.Ghisela de Overacker 148.M*argaret*a 149.Alisa *uxor Wouteri de Brouke, eius liberi:* *154.Wouter 155.Johannes 156.Margareta* 150.Pieter 151.Beatrix eius (Ghisele de Overacker) liberi 152.Fierin filius Beatricis de Overacker 153.Alisa soror eius
	157.Johannes filius M*argaret*e sororis Johannis Bliexs 158.Goedela filia Clemme de Brabant 159.M*argaret*a 160.Nycholaes eius (Goedele) liberi 161.Martinus frater eius (Goedele)
65.Michael [.....][65] [liberi?] Gertrud*is*(87) Ravens [.....] [.....] [.....]	[66]87.Gertrudis sRavens 88.Michael (65) 89.Thomas 90.Alisa eius (Gertrudis sRavens) liberi 91.Philip

составленными до него описями, но и наводил собственные справки по каким-то документам или использовал устные опросы.

[64] Ср. supra (41): Gilbertus de Ribroc. Katerina. Elysabeth, Margareta filie Margarete sororis eorum.

[65] Здесь и далее рукопись повреждена (оторван край листа).

[66] Ср. выше примечание 61.

[.....] [.....me] sororis eor*um* [.....s]or*or* eor*um*	92.Johannes[67] 93.Matta *uxor Wouteri Dievels.* *99.Oliverus.* *100.Katerina vivit* *101.Margareta vivit* *102.Boudinus* 94.Wouter liberi Alise predicte et Egidij Bois 95.M*argaret*a filia Gertrudis sRavens 96.Roegerus[68] 97.Nycholaes 98.Gertrudis eius (M*argaret*e) liberi et Willelmi Scouttetens
[.....] [.....] [.....] [.....] [.....Ho]nsscoete	162.Johannes de Hoenchoute 163.Gertrudis uxor Nycolai Colpaerts de Hoentscoete[69] 164.Katerina *mortua* 165.M*aria* 166.Agata 167.Alisa eius (Gertrudis) liberi 168.Nycolaes filius Gertrudis predicte
[.....] [.....] [liberi? Im]me de Beke	169.Johannes filius Ymmen de Beke[70] 170.Neta soror eius (Johannis) 171.Willelmus 172.M*argaret*a eius (Nete) liberi
[.....] [.....] [eius soro?]r [.....] [liberi? Ghisele? d]e Hulla [.....] [.....] [.....] [eius (Beatricis?) l]ib*er*i	173.Willelmus filius Ghisele de Hullen[71] vel de Moelen 174.Alisa soror eius (Willelmi) 175.Beatris soror eius (Alise) relicta Egidii de Pouke[72] 176.Johannes 177.Katerina 178.Egidius eius (Beatricis) liberi
[.....]	179.Matta filia Ghiselini (sic!)[73] de Hulle

[67] Cp.: R 41, f. 32v (col. 1): (Aarsele) Johannes dictus Boye filius Alise Ravens.

[68] Cp.: R 41, f. 32v (col. 1): (Aarsele) Avesoeta uxor Rasonis Diermans de Caneghem. ... Agata eius filia Avesoete predicte uxor Rogeri Scouts

[69] Cp. supra (110): Matta uxor Henrici de Hontscoet ...

[70] Ср. там же (103): Willelmus filius Yden de Beke ...

[71] Cp. infra (179): Matta filia Ghiselini de Hulle ... liberi Alise de [Hulle] ... Margareta filia Alise de Hulle. Gerardus filius Ghiselini de Hulle vel de Prato

[72] Cp. supra (132): Lambertus filius Avasoete de Pouke ...

[.....] [.....] [.....] [.....] [.....] [liberi?] Matte filie Ghisele de Hulle [..... He]nricus (185?) eius filius [.....] [.....] [.....] [liber]i Alise de Hulle [.....] [.....] Ghissele	180.Johannes 181.Wouter 182.Willelmus 183.Arnout? 184.Katerina 185.Henricus 186.M*argaret*a eius liberi Matte et Oliveri sRavens[74] 187.M*argaret*a 188.Wouter 189.Alisa 190.Willelmus 191.Gertrudis 192.Johannes liberi Alise[75] de [76]<Hulle> 193.Johannes dictus Coepmans 194.Alisa 195.Johannes 196.Johannes eius (Johannis Coepmans) liberi 197.M*argaret*a filia Alise de Hulle 198.Gerardus filius Ghiselini (sic!) de Hulle vel de Prato
[Reinewif] (199) uxor Wouteri Grips [Johannes] (203) filius Belie sororis eius	199.Reinewijf uxor Wauteri Grijp 200.Willelmus 201.M*argaret*a 202.Fierin eius (Reinewidis) liberi 203.Johannes filius Bele sororis Reinewijf *in Donsa*
Margareta (204?) filia Elysabeth de Vlacht	
	204.M*argaret*a uxor Willelmi[77] de Gaupelare 205.Alisa filia eius uxor Willelmi Roessart[78]

[73] Еще одна характерная ошибка (вместо женского имени Гизела было почему-то записано мужское имя Гизелин), свидетельствующая о том, что автор данной описи вряд ли использовал опись 1295 года.

[74] Ср. supra (87): Gertrudis sRavens. Michael, Thomas, Alisa eius (Gertrudis) liberi ...

[75] Ср. supra (173): Willelmus filius Ghisele de Hullen vel de Moelen. Alisa soror eius (Willelmi).

[76] Было оставлено свободное место для прозвища. Еще одно косвенное подтверждение, что автор данной описи пользовался не описью 1295 г., а какой-то промежуточной описью, другими документами или просто опрашивал свидетелей.

[77] Ср. infra (221): Margareta uxor Willelmi de Gaupelare ...

	206.Wouter 207.Beatrix liberi eius (Alise) et ^(Wouteri) *Willelmi*[79] de Overacker[80] 208.M*argaret*a filia M*argaret*e uxoris Willelmi Gaupelare 209.Heinricus 210.Johannes 211.Wouter 212.Katerina eius (M*argaret*e) liberi
	213.Willelmus Graeuwerker
	214.Alisa filia M*argaret*e Diermans[81] uxor Heinrici filii Gerardi de Sevencote[82] 215.Johannes frater eius 216.Mabelia soror Alise predicte 217.Jacop 218.Alisa 219.Johannes 220.Michael liberi Mabelie et Goessini Bijbaw
	221.M*argaret*a[83] uxor Willelmi de Gaupelare 222.Wouter 223.Beatrix[84] *in Donsa uxor Willelmi*[85] *de Overacker, eius liberi II: 227.Katerina 228.Pieter* 224.Katerina *uxor Willelmi filii Boidini*

[78] Ср. supra 941): Sara eius (Agate uxoris Egidii de Velde) filia uxor Johannis Roesarts; ср. infra (224): Katerina uxor Willelmi filii Boidini Roetsaerts.

[79] Ср. там же: Beatrix *in Donsa* uxor Willelmi de Overacker; cf. R 41, f. 49v (col. 2): (Doinse) Heinric, Katerina liberi Beatricis uxoris Willelmi de Overacker; cf.: R 31, f. 19v (col. 2) (Doinse) Alisa uxor Willelmi de Overacker; = R 41, f. 49r (col. 2): (Doinse) Ghiselin, Bela, Katerina (add.: uxor Ghiselins de Parijs. Ghiselin eius filius) liberi Alise uxoris Willelmi de Overacker.

[80] Ср. supra (147): Ghisela de Overacker.

[81] Ср. supra (62): Anesa filia Avesoete de Velde uxor Johannis Diermans; Avasoeta uxor Rasonis Diermans (de Canenghem). Sigerus eius frater.

[82] Ср. supra (27): Heila uxor Johannis de Sevencote.

[83] Ср. supra (204): Margareta uxor Willelmi de Gaupelare ...

[84] Ср.: R 41, f. 49v (col. 2): (Doinse) Heinric, Katerina liberi Beatricis uxoris Willelmi de Overacker.

[85] Ср. там же (205): ... liberi eius (Alise) et (~~Wouteri~~) *Willelmi* de Overacker; cf. R 31, f. 19v (col. 2) (Doinse) Alisa uxor Willelmi de Overacker.

	Roetsaerts[86]*, eius liberi II: 229.Wouter 230.Bela* 225.M*argareta uxor Jacopi Helracs, eius liberi IIII: 231.Egidius 232.Katerina 233.Margareta 234.Heilsoeta* 226.Alisa eius (M*argaret*e) liberi 235.Heinricus 236.Johannes 237.Wouter 238.Gerardus 239.Fierin eius (Alise) liberi Alise predicte *dicte de Duerstraten*
	240.Beatrix uxor Oliveri de Walle filia Katerine uxoris Rogeri Joseph

Разумеется, нельзя исключить, что все замеченные «пустоты» и нестыковки в описаниях семей алтарных трибутариев в регистрах могли быть связаны с вымиранием части семей в период эпидемии или их бегством от чумы в другие деревни и переселением на их место каких-то новых семей алтарных трибутариев. Во всяком случае, благодаря этим описаниям мы действительно имеем возможность удостовериться в интенсивности происходившей в их среде брачной миграции[87]. Однако, если полностью довериться данным рассмотренных выше описей, численность подвластных монастырю алтарных трибутариев в обеих деревнях почти за столетие выросла вопреки прошед-

[86] Ср. supra (42): Sara eius (Agate uxoris Egidii de Velde) filia uxor Johannis Roesarts ... ; Alisa filia eius (Margarete uxoris Willelmi de Gaupelare) uxor Willelmi Roessart ...

[87] Ср.: R 41, f. 32v (col. 1): (Aarsele) Avesoeta uxor Rasonis Diermans de Canenghem; f. 44r (col. 1): (Ruiselede) Avasoeta uxor Rasonis Diermans. Sigerus eius frater; ср.: R 41, f. 32v (col. 1): (Aarsele) Johannes dictus Boye filius Alise Ravens; Avesoeta uxor Rasonis Diermans de Caneghem ... Agata eius filia Avesoete predicte uxor Rogeri Scouts; f. 45r (col. 1): (Ruiselede) Gertrudis sRavens. Michael, Thomas, Alisa eius (Gertrudis) liberi. Philippus, Johannes ... Wouter liberi Alise predicte et Egidij Bois. Margareta filia Gertrudis sRavens. Rogerus, Nycholaes, Gertrudis eius (Margarete) liberi et Willelmi Scouttetens; ср.: R 41, f. 46v (col. 1): (Ruiselede) Beatrix *in Donsa* uxor Willelmi de Overacker ... (filia M*argaret*e uxoris Willelmi de Gaupelare); f. 49v (col. 2): (Doinse) Heinric, Katerina liberi Beatricis uxoris Willelmi de Overacker.

шим в то время голодовкам, войнам и эпидемиям примерно в полтора – два с половиной раза.

Впрочем, «Великая чума» имела не только глубокие демографические, экономические и социальные последствия. Она явилась для современников и своеобразным культурно-психологическим шоком, существенно изменившим их «картину мира». Об этом уже много сказано исследователями, в частности, в хорошо всем известных работах Найтхарда Бульста, Карла Гинзбурга, Жана Делюмо, Жака Шиффоло и многих других[88]. Писал об этом и Ю.Л. Бессмертный, который вообще отводил переменам в умонастроениях современников чумных эпидемий (в том числе, в их демографическом поведении) роль одного из главных факторов, в значительной мере способствовавших преодолению демографического кризиса[89].

Не испытали ли чего-то подобного и жители тех деревень, о которых я веду речь? Нельзя ли предположить, что замеченный выше рост числа алтарных трибутариев, зависимых от аббатства св. Бавона, попросту объясняется массовым вступлением переживших эпидемию жителей указанных деревень в лоно церкви под влиянием всплеска у них религиозных чувств?[90] Не

---

[88] *Bulst N.* Der Schwarze Tod. Demographische, Wirtschafts- und Kulturgeschichtliche Aspekte der Pestkatastrophe von 1347–1352. Bilanz der neueren Forschung // Saeculum. T. 30 (1979). S. 45–67; *Бульст Н.* Почитание святых во время чумы. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее Средневековье // Одиссей Человек в истории. М., 2000. С. 153–193; *Гинзбург К.* Образ шабаша ведьм и его истоки // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 141–146; *Delumeau J.* Le péché et la peur: La culpabilisation en Occident (XIIIe–XVIIIe siècles). P., 1983; *Chiffoleau J.* La comptabilité de l'au-delà. Les hommes, la mort et la religion dans la région d'Avignon à la fin du moyen âge (vers 1320 – vers 1480). Rome, 1980.

[89] См.: *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть. С. 135, 157–158, 164, 173, 184–187, 192–194.

[90] Впрочем, каких-либо весомых подтверждений на сей счет ни в данном регистре, ни в других документах мы, к сожалению, не находим. Напротив, частые примечания самого автора в тексте регистра относительно многочисленных многолетних должников среди описываемых им алтарных трибутариев, в том числе и из разряда «очень богатых», свидетельствуют как раз об обратном – о том, что многие алтарные трибутарии начинают тяготиться своим

проявился ли шок от пережитого в резком изменении после «Черной смерти» *антропонимического поведения* этих людей, что нашло выражение в массовом переходе к выбору принципиально иных и более приличествовавших истинному христианину *библейских имен* при наречении своих детей?

Я попытался ответить на этот вопрос, сначала разделив все собранные мной описи алтарных трибутариев условно на две большие группы: описи, составленные до и после середины XIII в. Преобразовав содержащиеся в них данные о мужских и женских именах в графики (см. графики 1 и 2), я обнаружил, что преобладавшие у мужчин и женщин в течение ста лет до выбранного мной хронологического рубежа имена *германского* происхождения (такие как: Вильгельм, Арнольд, Герар, Балдуин, Хейла, Ава, Имма, Берта) в следующие сто лет (но еще задолго до «Черной смерти») постепенно начали уступать место именам *христианским* и, прежде всего, *библейским* именам (Иоанн, Петр, Катерина, Елизавета, Сара, Мария). В то же время некоторые германские мужские и женские имена вопреки этой тенденции почему-то все же сохраняли и даже усилили свою популярность (Вальтер, Генрих, Адела, Гертруда, Матильда, Гизела). Заметны и некоторые различия в динамике имен-лидеров у мужчин и женщин. Если у мужчин, по данным этих описей, самое популярное имя Вильгельм примерно за два столетия поменялось на имя Иоанн, то у женщин имя-лидер Маргарета осталось неизменным и даже несколько укрепило свои позиции.

статусом и теми (не слишком обременительными) обязательствами перед аббатством, которые они должны были ему ежегодно исполнять.

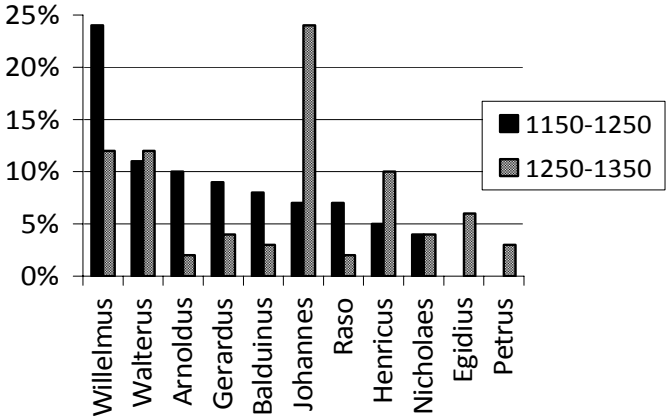


График 1: Динамика популярности мужских имен у жителей Арселе, Канегем и Рейселеде со второй половины XII в. до второй половины XIV в.

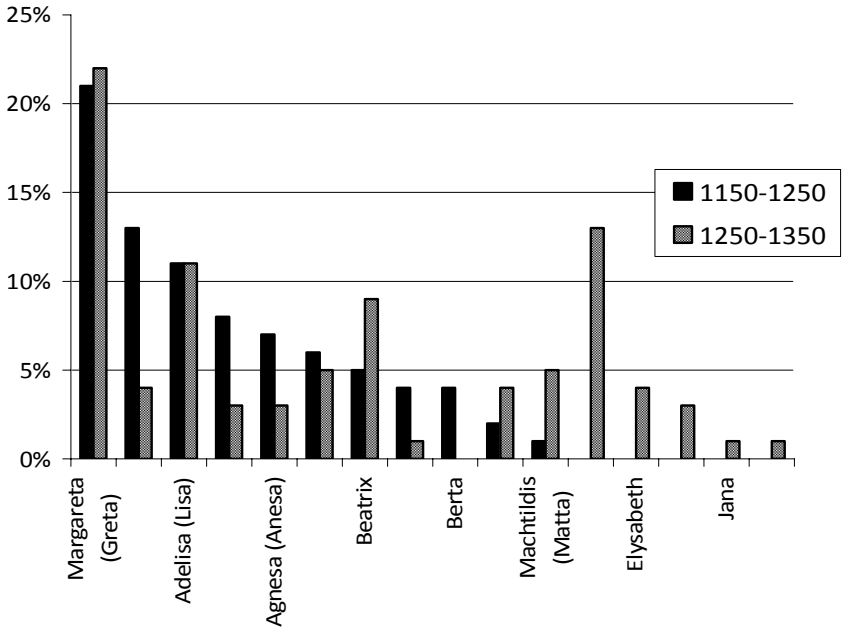


График 2: Динамика популярности женских имен у жителей Арселе, Канегем и Рейселеде со второй половины XII в. до второй половины XIV в.

Сейчас не время искать объяснение всем этим общим *трендам*. Важнее посмотреть, как же на них сказалась эпидемия «Черной смерти». Мы сопоставим антропонимические данные описей, составленных непосредственно *перед* чумою, с описями, созданными уже *после* неё. При этом особый интерес представляют уже знакомые нам два регистра гентского аббатства св. Бавона 1295 г. (R 31) и третьей четверти XIV в. (R 41), в

которых – как я уже говорил – часто описываются разные поколения одних и тех же семей алтарных трибутариев.

В результате проведенного мной сравнительного анализа динамики их имен выяснилось, что чума не внесла никаких заметных корректив в указанные тренды (см. графики 3 и 4). Антропонимическое поведение семей алтарных трибутариев, описанных в регистрах, принадлежавших гентскому аббатству св. Бавона, осталось в годы «Черной смерти» практически неизменным.

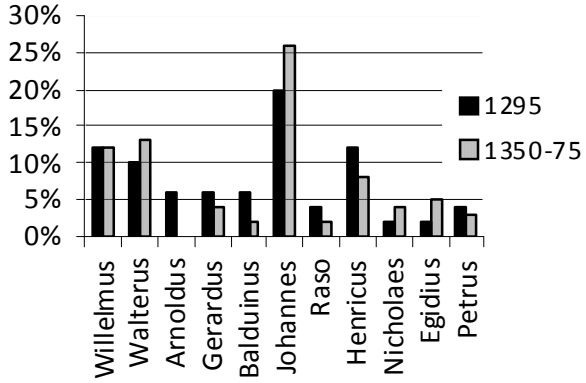


График 3: Мужские имена наиболее часто избираемые алтарными трибутариями гентского аббатства св. Бавона, жившими в Арселе и Рейселеде до и после «Черной смерти».

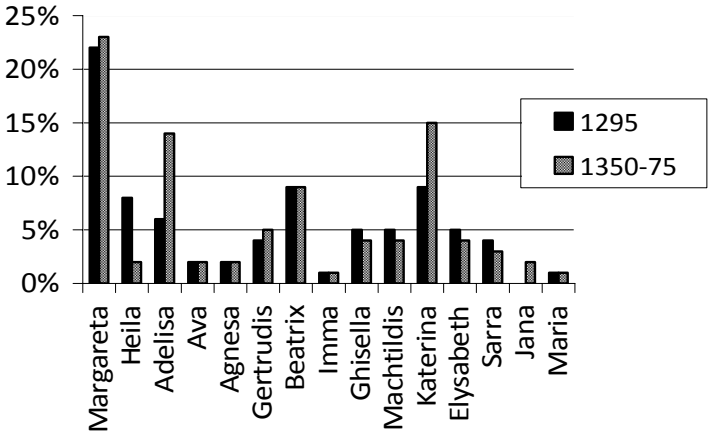


График 4: *Женские* имена наиболее часто избираемые алтарными трибутариями гентского аббатства св. Бавона, жившими в Арселе и Рейселеде до и после «Черной смерти».

* * *

Вместе с тем, должен признаться, что в процессе работы меня постоянно преследовал один и тот же вопрос: что же собственно я изучаю – отраженную в описях реальную *действительность* или особенности ее *описания* в них, т. е. специфику *дискурса* авторов этих текстов? И эта дилемма остается для меня пока все еще неразрешимой.

Прежде всего, я отчетливо понимал, что было бы ошибкой приравнивать чиншевые описи к *описям жителей*. Разумеется, упомянутые в них держатели по большей части являлись обитателями этих деревень. Но между местом жительства держателя и местом расположения его держания не существовало жесткой связи. Вполне возможно, что часть держателей, описанных в какой-то из описей, вовсе не проживало в той деревне, где находилось его держание.

Еще важнее было сознавать, что чиншевые описи являются описями *цензитариев*, обязанных уплатой того или иного чинша, чем были обусловлены особенности формуляра запи-

сей, полнота и характер содержащихся о них сведений. С этим обстоятельством было также связано и многократное повторение их имен: если срок уплаты чиншей или характер держаний менялся, возникала необходимость составления нового описания с воспроизведением примерно того же самого состава держателей[91]. С другой стороны, исчезновение из списка некоторых ранее поименованных держателей могло объясняться тем, что в новом документе описывались уже совершенно другие по своей природе держания, которые предоставлялись на каких-то иных условиях и к которым часть упомянутых ранее держателей уже не имели никакого отношения. Поэтому было бы опрометчивым, концентрируясь на одних лишь поименных списках держателей, полностью отрешиться от самой формы их описания. Постановка подобных проблем требует от исследователя подхода к своему источнику как к *целостному тексту*, в котором нельзя выборочно и изолированно использовать лишь какие-то отдельные сообщения и фрагменты.

Ранее я упоминал также и о двух разновременных описях алтарных трибутариев аббатства св. Бавона в Генте, отмечая по ним, в частности, рост учтенного в них подвластного монастырю населения двух деревень Арселе и Рёйселеде в период эпидемии. Между тем, когда я сопоставил тексты этих двух документов, мне сразу же бросилось в глаза, что вторая опись (R 41) явно полнее и гораздо подробнее первой (R 31). Не этой ли особенностью манеры работы ее автора и объясняется выявленная по ней бо́льшая людность указанных двух деревень по сравнению с более ранней описью?

Я также обратил внимание еще на одну странную особенность манеры фиксации данных в более позднем из этих регистров. Иногда одни и те же алтарные трибутарии описываются

[91] Ср.: Lib. Inv. (a.1281), f. 79r – 81v: Bona ad Elemosinam ecclesie sancti Petri Gandensis hereditarie spectantia. Census ecclesie in festo Sancti Remigii solvendi in perrochia Ruslede *(71 censitaires)*: Willelmus filius Georgii ... Margareta ejus soror ... ; f. 80v – 81r: De firma terre ibidem *(15 censitaires)*: Balduinus Faber ... ; f. 81v – 83r: Item redditus solvendus dominica post purificationem. In perrochia de Ruslede *(71 censitaires)*: Willelmus filius Georgii ... Margareta ejus soror ... ; f. 83r – 83v: Item in eadem perrochia et eodem termino predicto *(18 censitaires)*: Balduinus Faber ... ; f. 83v – 84r: Item in eadem perrochia ad festum Pasche *(15 censitaires)* : Balduinus Faber ...

в нем спустя много лет, как вполне живые, хотя с момента их предыдущего учета прошло без малого около столетия. Ограничусь всего одним примером. В обеих рукописях среди алтарных трибутариев, живших в Рёйселеде, упоминаются практически без каких-либо изменений некие Матта из Хеке (или Эке) и Маргарета, дочь Лизы (или Алисы) из Риброк, хотя обе записи разделяет почти целое столетие. Странно, что, по мнению составителя регистра, в судьбах этих женщин за прошедшее время не случилось никаких перемен[92]. Нетрудно заметить, что мы вновь сталкиваемся здесь со странными *метаморфозами времени* в средневековом тексте[93]. Время в нем иногда как бы останавливается и застывает, а поименованные в нем персонажи кажутся вечными и неизменными.

Не этим ли обстоятельством отчасти и объясняется полное отсутствие «разрывов» в изменении имен алтарных трибутариев до и после эпидемии «Черной смерти» в означенных регистрах? Ведь я в своем антропонимическом анализе, полностью доверившись текстам этих описей, как бы смешал вместе имена самых разных поколений алтарных трибутариев, как все еще живых, так и уже давно умерших на момент составления той и другой описи. Иначе говоря, вслед за автором более поздней описи я невольно учел среди переживших «Черную смерть», в том числе, и имена еще задолго до нее умерших алтарных трибутариев.

Вместе с тем, автору упомянутого позднего регистра (да и более раннего тоже) трудно отказать в проявляемом им *интересе ко времени*. Ему было вовсе не безразлично, живы ли описываемые им алтарные трибутарии или нет, ибо он прямо замечает однажды в начале описания их очередной группы, что «эти

---

[92] Ср.: R 31, f. 12r (col. 2): (Ruiselede) (a. 1295) Matta de Hecke. Margareta filia Lise de Ribroc; = R 41, f. 45v (col. 1): (Ruiselede) (v. 1350–1375) Matta de Hecke vel de Ecke. Margareta filia Alise de Riebrouch; ср. также: R 31, f. 12r (col. 2): (Ruiselede) (a. 1295) Agata uxor Egidii molendinarii; = R 41, f. 44v (col. 2): (Ruiselede) (v. 1350 – 1375) Agata uxor Egidij sMoelnar; R 31, f. 12r (col. 2): (Ruiselede) (a. 1295) Alisa, Bela filie Ghisele Comitis (Graven); = R 41, f. 44v (col. 1): (Ruiselede) (v. 1350 –1375) Alisa filia Ghiselins s[G]raven. Bela soror eius.

[93] См. об этом подробнее: *Габдрахманов П.Ш.* Время в родословных описаниях.

... все живы за исключением четырех или пяти»[94]. Он часто отмечает на полях рукописи рядом с именем того или иного алтарного трибутария: «жив» (*vivit*)[95], иногда, правда, сомневаясь в этом: «сомневаюсь, жив ли»[96]. С не меньшей регулярностью он оставляет в своем тексте и маргинальные пометы об усопших: *obiit, beata, supra mundane*[97], оговаривая от случая к случаю даже время их смерти: «8 лет мертв»[98], «отец уже давно умер»[99], «мать мертва 25 лет или около того»[100], «мать 15 лет мертва»[101]. Скорее всего, сделанные им подобные вставки были связаны с многолетней задержкой их наследниками уплаты полагающегося монастырю посмертного побора (*obitum*)[102]

Также составитель данного регистра (как и любой другой автор описи алтарных трибутариев), с одной стороны, явно стремился *актуализировать* свой текст, указывая, куда именно или откуда мигрировал тот или иной алтарный трибутарий: «живет в Лое»[103], «живет в Зомергем»[104], «происходит из Леде»[105], «дочь его Хейла в Лое»[106], «в Ларне его дети»[107]; исправляет ошибки и неточности при упоминании имен тех или иных алтарных трибутариев или неверные указания об их родстве; дополняет свою опись новыми, более свежими данными. А, с другой стороны, он явно проявляет и определенный *консерватизм*, используя в своем тексте вообще любые сообщения об описываемых им алтарных трибутариях, в том числе, казалось бы, давно устаревшие и полностью утратившие свою акту-

---

[94] R 41, f. 1r (col. 1): Isti stantes in ipso latere sunt omnes viventes preter quatuor vel quinquos; f. 58r (col. 1): aliqui viventes; f. 58v (col. 1) (add.): viventes.
[95] R 41: passim.
[96] R 41, f. 19r (col. 2) (add.): dubito si vivit.
[97] R 41, passim.
[98] R 41, f. 40r (col. 1): viii iaer est meer.
[99] R 41, f. 39r (col. 2): pater longum tempus est mortuus.
[100] R 41, f. 39v (col. 2): mater est mortua xxv anni vel circiter.
[101] R 41, f. 40r (col. 1) (add.): mater xv iaer est meer.
[102] R 41, f. 33r (col. 2); f. 51r (col. 2): debens obitum.
[103] R 41, f. 2v (col. 1): in Loe vivit.
[104] R 41, f. 2v (col. 2): in Somerghem vivit.
[105] R 41, f. 54r (col. 1): nata de Lede.
[106] R 41, f. 61r (col. 1): in Loe Heila eius filia.
[107] R 41, f. 61r (col. 2): in Larne eius liberi.

альность. Для него, возможно, вовсе не существовало *избыточной* информации, поэтому всякие доступные ему сведения сохраняли для него свою цену и оставались полезными, несмотря на то, что – по нашим представлениям – они давно уже потеряли свою практическую значимость. Полагаю, что здесь вновь заявляет о себе проблема противоречивости и *амбивалентности* средневековых документов. Внимательный читатель мог заметить, что в данной конкретной описи она проявляет себя даже в двойственности используемого ее автором в отдельных фразах какого-то странного языка, как бы смешанного среднелатинско-старофламандского.

Сама эта противоречивость в подходе средневекового писца к своему тексту, возможно, во многом объясняется *двойственностью целей* описания им алтарных трибутариев. С одной стороны, автор регистра озабочен стремлением зафиксировать и подтвердить их статус, указывая на их происхождение, в том числе и от давно умерших сородичей («эти нижеследующие более древнего рода»)[108]; причем делает он это в такой форме, что их предки кажутся нам все еще живущими на момент составления описи. С другой стороны, он явно обеспокоен, прежде всего, учетом и регулярным поступлением в доход монастыря личных и других платежей с платежеспособных (в том числе, «очень богатых» (*valde dives*), как он сам указывает[109]) и, естественно, *живых* алтарных трибутариев. «Эти ... все платят»,[110] – замечает он в отношении одной группы алтарных трибутариев, а затем от листа к листу терпеливо выделяет среди остальных многочисленных должников: «должен за два года»[111]; «должны много»[112], «должен все»[113]. Впрочем, должником алтарный трибутарий оставался даже и после своей смерти:

---

[108] R 41, f. 43v (col. 1): Isti hic sequentes sunt de seniori progenie.

[109] R 41, f. 53v (col. 2): eius liberi dives (sic!) sunt omnes; f. 55v (col. 1): debens totum et est valde dives; f. 57r (col. 1): valde dives. В связи с подобными и нижеуказанными ремарками о многочисленных (в том числе, «очень богатых») должниках ни о каком всплеске религиозных чувств в среде алтарных трибутариев аббатства после только что произошедшей чумной эпидемии говорить, видимо, не приходится.

[110] R 41, f. 2r (col. 2) (add): Isti scanendes solverunt omnes.

[111] R 41, f. 24v (col. 2) (add.): debens de duobus annis.

[112] R 41, f. 30r (col. 1): debent multum.

[113] R 41, f. 56r (col. 2): debens totum.

«Отец их уже 30 лет мертв и должен много по этому чиншу»[114]. Нужно еще раз отметить, что все оставленные им подобные ремарки касательно того, жив ли еще тот или иной алтарный трибутарий или уже мертв, были, скорее всего, связаны с определенной задолженностью его самого (или его наследников) по каким-то ожидаемым с них платежам.

Кроме того, отмеченные мной в обеих описях частые нестыковки текстов (см. таблицы 3 и 4), очевидно, не обязательно целиком и полностью были связаны лишь с временным разрывом более чем в три четверти века при их написании и произошедшими за это сравнительно продолжительное время естественными переменами в судьбах самих алтарных трибутариев (даже с учетом произошедшей в это время эпидемии «Черной смерти»). Вероятно, не меньшую роль в появлении таких несоответствий и разночтений в обоих текстах могло сыграть и то обстоятельство, что авторы этих описей, возможно, просто пользовались разными источниками при их составлении[115]. Таким образом, мы вновь оказываемся лицом к лицу со сложной проблемой *разделения образов и реальности* при анализе подобных текстов[116].

Точно так же и проблема *понимания* текста, в том числе проблема его «организации», снова встала передо мной во весь свой рост при обращении к этим двум регистрам. Мне, по-прежнему, неведомо, например, по какому принципу велась их авторами *очередность* описания в них семей алтарных трибутариев. Зависела ли она от (часто умалчиваемых?) родственных связей между конкретными семьями или же подчинялась какому-то другому принципу – так и осталось для меня загадкой. Во всяком случае, мне не кажется случайным, что автор более позднего регистра почему-то четко следовал (лишь при одном

---

[114] R 41, f. 39v (col. 2): pater eorum xxx jaer doot et debens multum de eodem censu.

[115] См. прим. к табл. № 4.

[116] См.: Ретроспективная информация источников: Образы и реальность. Сб. ст. / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2013. Хотя иногда все же удается провести некоторую коррекцию этих образов, опираясь на сравнительный анализ нескольких источников. См. подробнее: *Габдрахманов П.Ш.* Родословные алтарных трибутариев. С. 95–97.

единственном исключении) в последовательности описания им семей алтарных трибутариев за автором более раннего регистра, в особенности, если он, действительно, использовал в качестве своего источника не этот более ранний, а какой-то промежуточный регистр. Многое из непонятного и странного также связано и с особенностями самого описания семей и родственных связей алтарных трибутариев в этих регистрах.

Не менее мучительной оказалась для меня и проблема выбора *критериев* для определения принадлежности алтарных трибутариев или держателей к определенной семье, а также и для их персональной идентификации в разных описях. Выше уже отмечалось, что в качестве одного из основных критериев мной были выбраны прозвища. Между тем, многое здесь зависит от того, стало ли прозвище в это время уже окончательно *семейным именем*. В частности, обращает на себя внимание сохранявшаяся даже в это время вариативность и даже изменчивость подобных прозваний.

Невольно в голову закрадывалась мысль: можем ли мы с уверенностью утверждать, что в тех случаях, когда мы примерно в одно и то же время и в одном и том же месте встречаем в разных описях двух персонажей с совершенно одинаковыми именами и прозвищами, то перед нами всегда – один и тот же человек? Соответственно, вправе ли мы также считать и людей с одинаковыми прозвищами родственниками, даже если речь идет о жителях нескольких соседних (или всего лишь одной) деревень? Совершенно очевидно, что все заключения на сей счет могут быть нами сделаны лишь с определенной степенью осторожности и могут быть справедливы лишь с большей или меньшей долей вероятности.

Невыполнение хотя бы одного из вышеперечисленных условий (идентичность имени и прозвища, общность места и времени проживания) чревато очень серьезными последствиями. Так, например, идентифицировать держателя из селения Рейселеде некоего Вальтера с довольно редким и забавным прозвищем Гудентайт (видимо, означающим «Доброе Время»?)[117], упомянутого в *Liber Inventarius* от 1281 г., с алтарным трибутарием с точно таким же именем и прозвищем, описанным в ре-

[117] Увы, мне не удалось найти комментариев об этом прозвище в двухтомном словаре Дебрабандера (*Debrabander*, WFN).

гистре аббатства св. Бавона в третьей четверти XIV в., и тоже жившим в том же самом селении Рейселеде, было бы, по-видимому, грубой ошибкой, поскольку обоих этих персонажей разделяет по времени их описания почти целое столетие[118]. Однако, даже выполнение всех четырех условий еще не гарантирует нам полную уверенность в правильности произведенной нами персональной или семейной идентификации, в особенности, когда речь идет не о редких, а, напротив, о широко распространенных именах и довольно типичных прозвищах[119].

Более того, даже прямо отмеченные родственные связи не всегда могут дать нам стопроцентную гарантию. На такую невероятную возможность натолкнул меня странный случай двукратного (и различного) описания потомков одной и той же (?) супружеской четы Маргареты и Вильгельма Гопеларе[120], с которым я столкнулся в позднем регистре аббатства св. Бавона в самом конце описания им алтарных трибутариев в Рёйселеде[121] (см. таблицу 5).

[118] Ср.: Lib. Inv. (a. 1281), f. 81v: (Ruiselede) Walterus Goedentijt; R 41, f. 44v (col. 1) (v. 1350-1375): (Ruiselede) Wouter Godentijt. Впрочем, не встречаемся ли мы здесь снова с некоей странной аберрацией и остановкой времени в восприятии авторов наших источников?

[119] Ср. R 41, f. 46r (col. 2): (v. 1350–1375) (Ruiselede) Jacop, Alisa, Johannes, Michael liberi Mabelie et Goessini Bijbaw; RAG, StP, I, 386, f. 4r: (Ruiselede) (v. 1350–1400) Pieter Bibau, Jan Bibau; f. 4v: Heinric Bibau; f. 5r, 9r: Wouter Bibau; f. 13r: Jan Bibau, Jan Bibau sone Willems; f. 13v: Olivier Bibau; ср.: R 41, f. 46r (col. 1): (v. 1350–1375) (Ruiselede) Johannes dictus Coepmans; Alisa, Johannes, Johannes eius liberi; RAG, StP, I, 386, f. 5r: (Ruiselede) (v. 1350–1400) Wouter Coepman; f. 5v: Jan Coepman; f. 6r: Jan Copman.

[120] < Gaupin? (mfr. gaupe, gaupinet) = luiaard, leegloper (бездельник, лентяй) (*Debrabander*, WFN).

[121] R 41, f. 46r (col. 2) – f. 46v (col. 1).

Таблица 5

«Казус» разного описания семьи Маргареты, жены Вильгельма Гопеларе

R 41, f. 46r (col. 2):	R 41, f. 46v (col. 1):
204.M*argaret*a (221?) uxor Willelmi de Gaupelare 205.Alisa (226?) filia eius uxor[122] Willelmi[123] Roessart 206.Wouter (222?) 207.Beatrix (223?) liberi eius (Alise)[124] et ^(Wouteri) *Willelmi*[125] de Overacker 208.M*argaret*a (225?) filia M*argaret*e uxoris Willelmi Gaupelare 209.Heinricus (235?) 210.Johannes (236?) 211.Wouter (237?) 212.Katerina eius (M*argaret*e) liberi[126]	221.M*argaret*a (204?) uxor Willelmi de Gaupelare 222.Wouter (206?) 223.Beatrix (207?) *in Donsa uxor Willelmi*[127] *de Overacker, eius liberi II*[128]*:* *227.Katerina228.Pieter* 224.Katerina *uxor Willelmi*[129] *filii Boidini Roetsaerts, eius liberi II:* *229.Wouter 230.Bela* 225.M*argaret*a (208?) *uxor Jacopi Helracs, eius liberi IIII*[130]*:* *231.Egidius 232.Katerina* *233.Margareta 234.Heilsoeta* 226.Alisa (205?) eius (M*argaret*e et Willelmi de Gaupelare) liberi 235.Heinricus (209?) 236.Johannes (210?) 237.Wouter (211?) 238.Gerardus 239.Fierin eius liberi[131] Alise predicte *dicte de Duerstraten*

[122] Cp. infra: ... liberi eius (Alise) et (~~Wouteri~~) *Willelmi* de Overacker.

[123] Cp.: 224.Katerina uxor Willelmi filii Boidini Roetsaerts.

[124] Cp. 235.Heinricus, 236.Johannes, 237.Wouter, 238.Gerardus, 239.Fierin eius (Alise) liberi Alise predicte *dicte de Duerstraten.*

[125] Cp.: 223. Beatrix *in Donsa* uxor Willelmi de Overacker; cp.: R 31, f. 19v (col. 2) (Doinse) Alisa uxor Willelmi de Overacker; = R 41, f. 49r (col. 2): (Doinse) Ghiselin, Bela, Katerina (add.: uxor Ghiselins de Parijs. Ghiselin eius filius) liberi Alise uxoris Willelmi de Overacker.

[126] Cp.: *eius (Margarete) liberi IIII: 231.Egidius, 232.Katerina, 233.Margareta, 234.Heilsoeta.*

[127] Cp.: 206.Wouter, 207.Beatrix liberi eius (Alise) et (~~Wouteri~~) *Willelmi* de Overacker; cp.: R 31, f. 19v (col. 2) (Doinse) Alisa uxor Willelmi de Overacker.

[128] Cp. R 41, f. 49v (col. 2): (Doinse) Heinric, Katerina liberi Beatricis uxoris Willelmi de Overacker.

[129] Cp.: 205.Alisa filia eius (Margarete uxoris Willelmi de Gaupelare) uxor Willelmi Roessart ...

В самом факте многократного упоминания об одних и тех же алтарных трибутариях нет ничего особо удивительного – такие случаи довольно часто встречаются в самых разных регистрах[132]. Обращает на себя внимание не то, что эти супруги были почему-то упомянуты дважды, хотя и данное обстоятельство требует своего объяснения, но существенная *разница* в вариантах описания их детей и внуков в одном и в другом случае. Объяснить ее можно двояко: либо автор регистра сам ошибся и «*запутался* в дочерях, зятьях и внуках», либо мы все же имеем дело с двумя *разными* супружескими парами, в каждой из которых мужья и жены имели идентичные имена и прозвища, жили в одно и тоже время в одной и той же деревне и имели к тому же примерно одинаковый состав детей, нареченных одними и теми же именами! Данный пример особенно наглядно демонстрирует, насколько осторожно нам следует подходить к источникам и формулировать свои заключения.

* * *

Таким образом, начав свое исследование с отбора нескольких описей и постановки ряда конкретных задач, нацеленных на постижение некоторых сторон повседневной *жизни* жителей трех соседних деревень в средневековой Фландрии, я в ходе их решения невольно был вынужден перейти к размышлениям о том, что же, собственно, представляют собой те, собранные мной *тексты*, на материале которых я пытался найти ответы на поставленные вопросы. По сути, речь идет не просто о банальной «характеристике источников и методах их анализа», но о *рефлекции* историка над своей собственной работой с текстами, которые он не только стремится «использовать», но должен прежде всего «*осмысливать*». И этот аспект работы все чаще становиться совершенно необходимым элементом, органично входящим в содержание проводимого им исследования.

---

[130] Ср.: 209.Heinricus, 210.Johannes, 211.Wouter, 212.Katerina eius (M*argaret*e) liberi.

[131] Ср.: 206.Wouter, 207.Beatrix liberi eius (Alise) et (~~Wouteri~~) *Willelmi* de Overacker; ср.: R 41, f. 49r (col. 2): (Doinse) Ghiselin, Bela, Katerina (add.: uxor Ghiselins de Parijs. Ghiselin eius filius) liberi Alise uxoris Willelmi de Overacker.

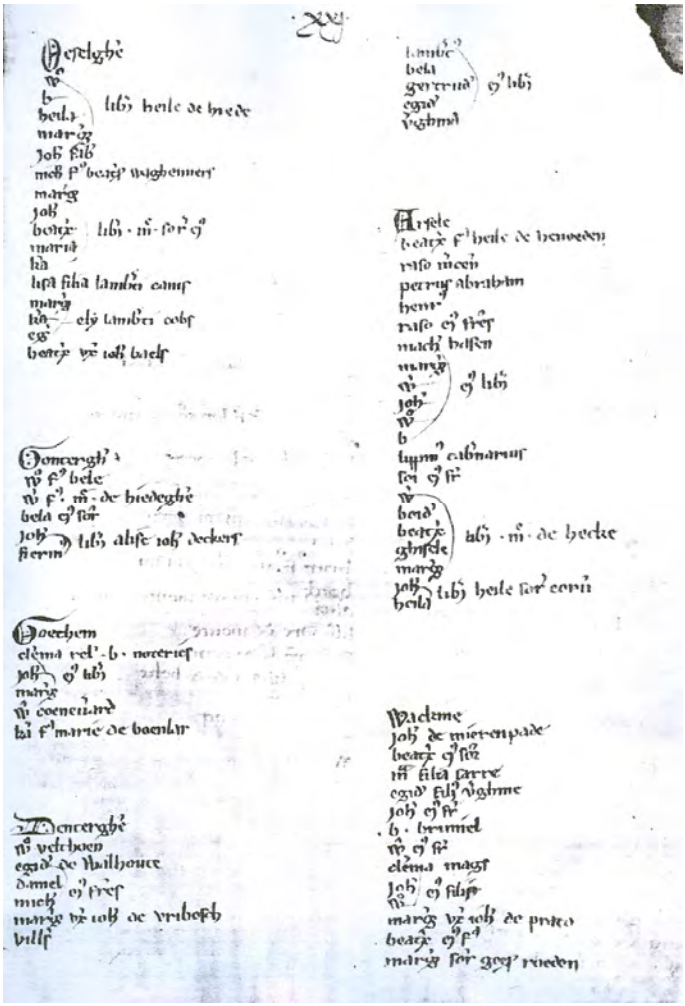
[132] См. подробнее: *Габдрахманов П.Ш.* «Тронки-двойники».

Завершая свои размышления, я бы хотел еще раз вспомнить о Ю.Л. Бессмертном, чтобы отметить не только его способность отчетливо видеть особенности своих источников, но и его умение найти такой ракурс для их рассмотрения, с помощью которого ему удавалось разглядеть сквозь их своеобразную ткань запечатленный в них образ реальной исторической действительности. Достаточно упомянуть о его известной статье, посвященной структуре крестьянских домохозяйств по данным Сен-Жерменского полиптика, в которой ему удалось, опираясь на весьма остроумный антропонимический анализ, сделать явными скрытые в этом любопытном документе семейные связи между со-держателями (*socii*) мансов[133]. Тем самым, он смог представить реальную структуру этих домохозяйств в несколько ином свете, чем это представлялось ранее, что вызвало затем довольно оживленную дискуссию[134]. Данный пример лишний раз напоминает нам о том, что его работы и в этом смысле не потеряли своей актуальности. Нам же остается лишь позавидовать его мастерству…

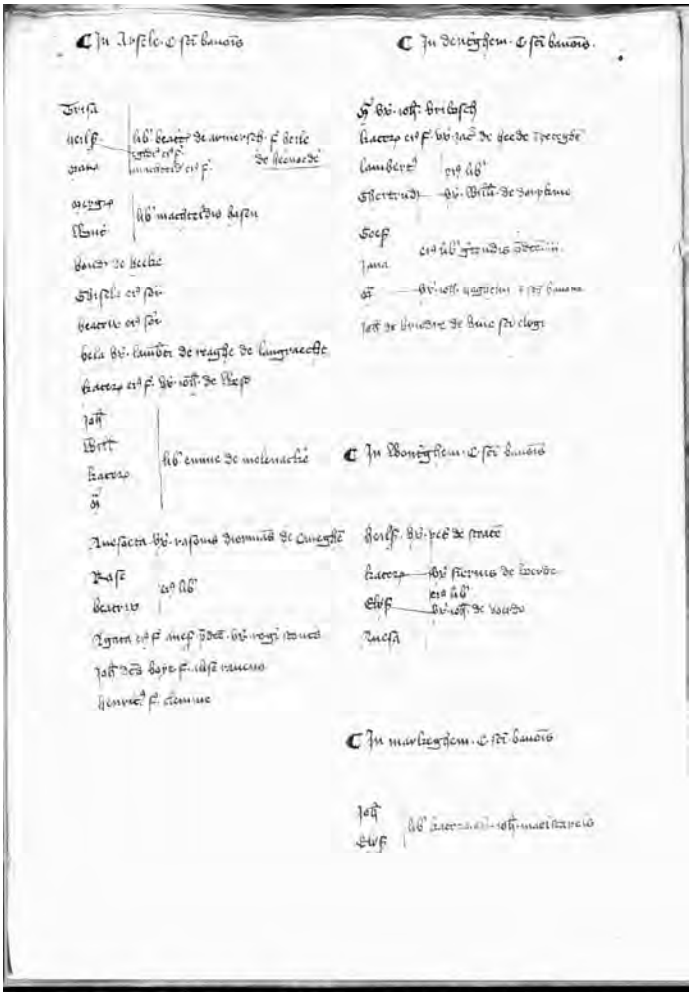
---

[133] См.: *Бессмертный Ю.Л.* Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика // Средние века. Вып. 43. М., 1980. С. 32–52.

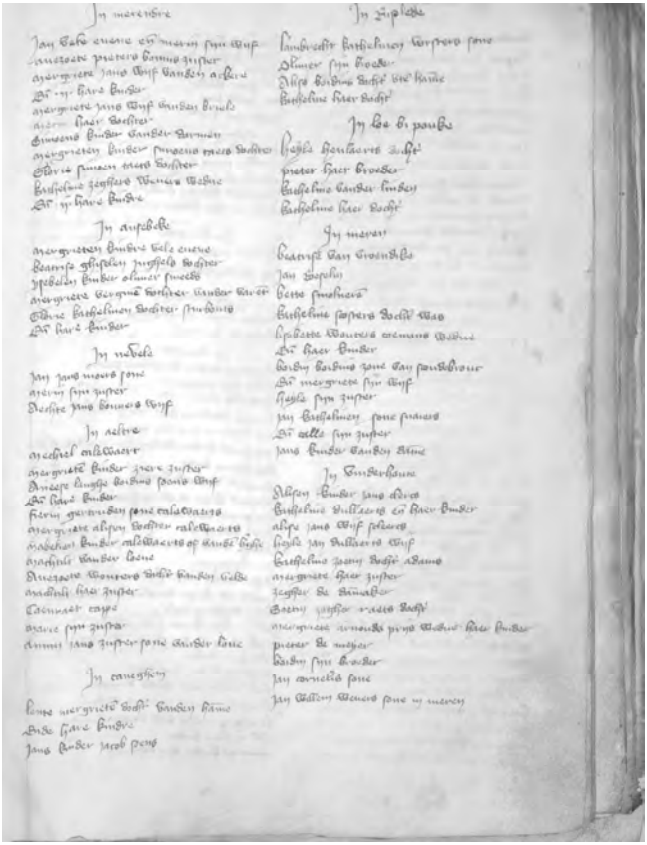
[134] См.: *Серовайский Я.Д.* Сообщество крестьян-держателей надела в Сен-Жерменском аббатстве (К вопросу о структуре крестьянской семьи во франкской деревне IX в. // Там же. Вып. 48. М., 1985. С. 244–269; *Блонин В.А.* К изучению динамики численности населения на территории Франции IX в. // Там же. Вып. 47. М., 1984. С. 116–124; *Он же.* К вопросу о типологии крестьянской семьи во Франкской деревне IX в. // Там же. Вып. 51. М., 1988. С. 222–237; *Габдрахманов П.Ш.* Структура крестьянской семьи на территории Северной Франции в VIII–XI вв. (по данным картуляриев) // Французский ежегодник – 1985. М., 1987. С. 156–169; *Он же.* Семья в раннее средневековье // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма. Памяти Д.М. Петрушевского и А.И. Неусыхина / Сб. статей под ред. Л.Т. Мильской. М., 1995. С. 152–162.



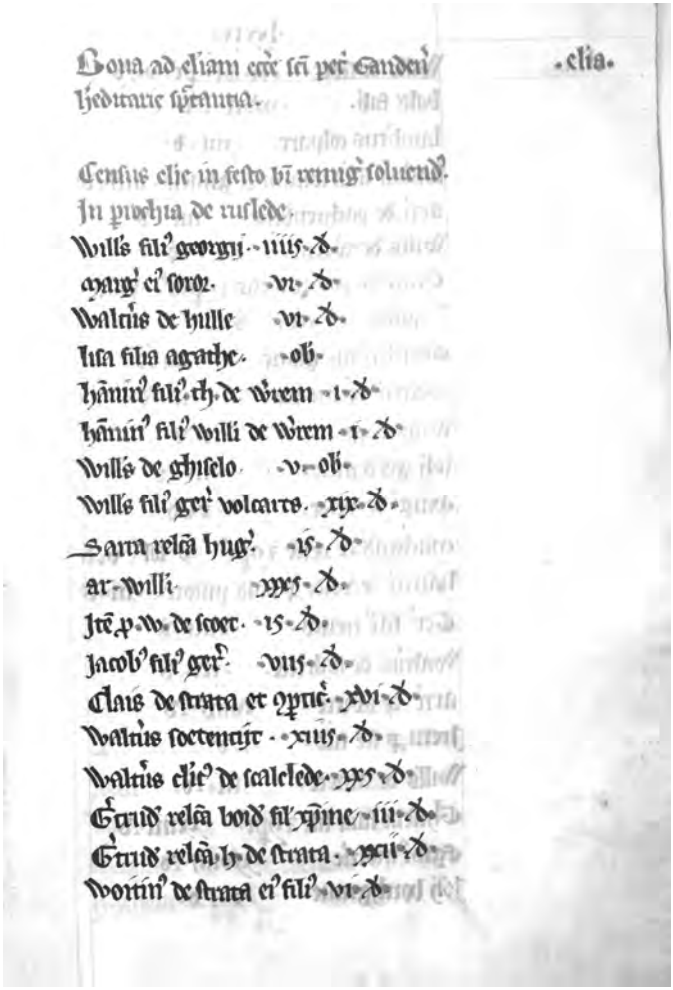
Илл. 1: R 31, f.21r



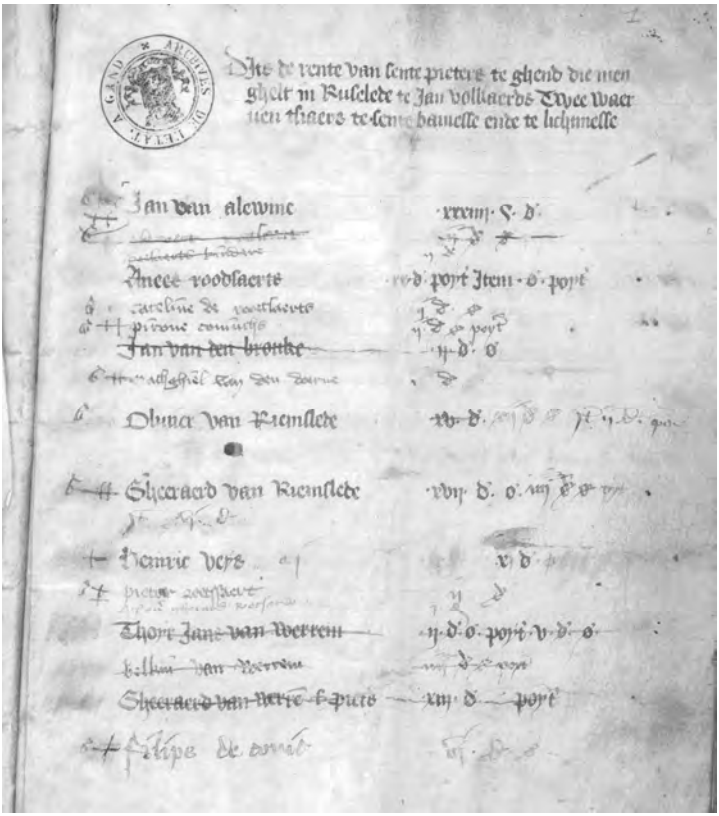
Илл. 2: R 41, f.32v



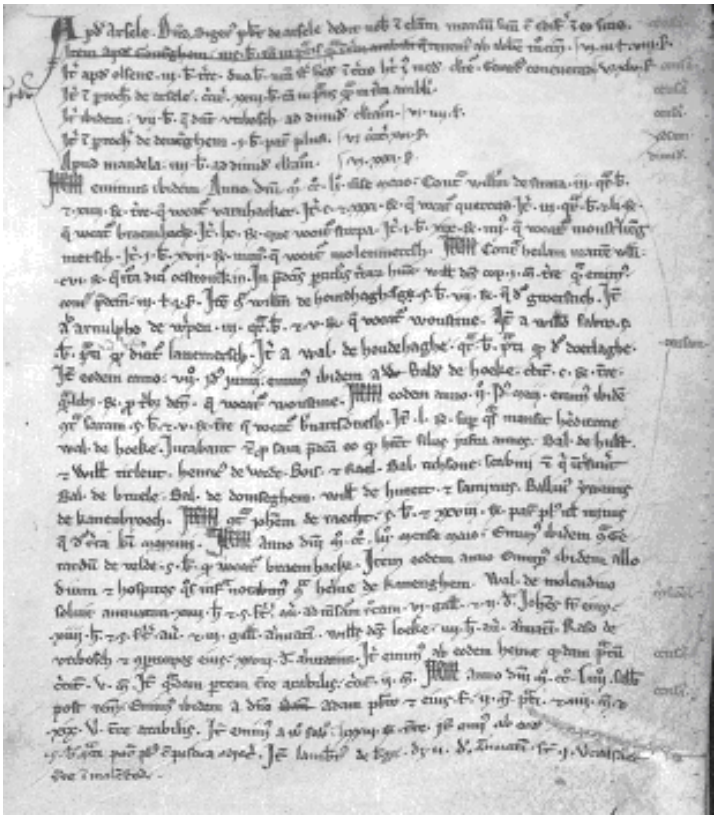
Илл. 3: R 43, f.40r



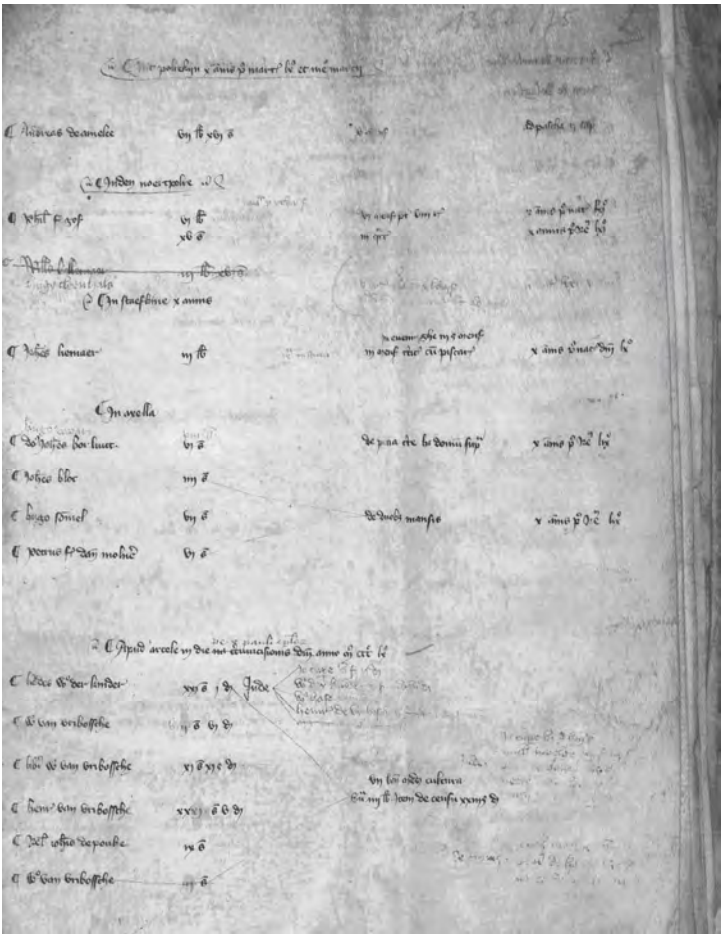
Илл. 4: Lib. Inv., f.79r



Илл. 5: RAG, StP, I, 386, f.1r



Илл. 6: RAG, Boudelo, 552, f.8r



Илл. 7: RAG, Boudelo, 553, f.2r

Владимир Рудаков
(МПГУ)

«Погибель» или «пленение» Русской земли? Два способа осмысления повседневности русскими книжниками второй половины XIII в.

Исследователи давно обратили внимание на специфическое отношение древнерусских книжников к монголо-татарскому нашествию. «Представление о татарах было неясное», – писал в начале прошлого века С.К. Шамбинаго. Современники татарами «как-то не заинтересовались». «Все тогдашнее общество, выразителем идей которого была литература, не имело стремления поближе узнать своих поработителей»[1], – отмечал исследователь. Повседневность в широком смысле слова (мир обыденной жизни ордынцев) – все то, что интересовало западных современников нашествия, путешествовавших в земли татар, – русских авторов занимала, похоже, в гораздо меньшей степени. В чем крылась причина такого пренебрежения и что в действительности интересовало книжников?

Одна из причин состояла, вероятно, в том, что русские книжники изначально стремились обнаружить в татарах общие черты «нечистых» народов, а не их уникальные особенности. Такой подход прослеживается уже в летописных статьях, посвященных первой встрече русских и татар на Калке (1223 г.). «Кто суть?», «отколе изидоша?», «что языкъ ихъ?», «которого племени суть?» и «что вера ихъ?»[2] – вот вопросы, ответы на которые искали книжники, прибегая при этом не столько к анализу непосредственных наблюдений, сколько к текстам Священного писания и предсказательной литературы[3]. Эта же

[1] *Шамбинаго С.К.* Русское общество и татарское иго // Русская история в очерках и статьях. М., 1909. Т. 1. С. 576–578.

[2] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Изд. 2-е. Л., 1927. Стб. 445; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 62.

[3] Вероятно, это общая черта и для православного Востока, и для католического Запада. Например, «средневековая литература по исламу создавалась преимущественно теологами, информация

тенденция доминирует и в памятниках последующего периода.

Другая возможная причина кроется в том, что дошедшие до нас русские источники о нашествии создавались спустя некоторое время после описываемых в них событий и в этом смысле представляют собой результат переосмысления первичной информации о походе Батыя.

Действительно, самые ранние из дошедших до нас сообщений о нашествии были составлены не ранее второй половины XIII в.[4] Эти рассказы содержатся в Новгородской первой старшего извода (далее – НПЛ), Лаврентьевской (далее – Лавр.) и Ипатьевской (далее – Ипат.) летописях, представляющих, соответственно, летописание северо-запада, северо-востока и юга Руси. Сами по себе они «являются довольно цельными произведениями, родившимися в составе летописей и на их основе», но при этом «характеризуются некоторой обособленностью внутри летописного окружения»[5].

Несмотря на то, что все три рассказа посвящены одной и той же теме, это совершенно разные повествования, в которых не так много общих черт. Сразу во всех трех летописных рассказах упомянуты всего лишь пять событий, связанных с нашествием Батыя (нападение татар на Рязанское княжество, взятие ими Коломны, отъезд великого князя Юрий Всеволодович из Владимира, осада Владимира татарами и, наконец, гибель князя Юрия). Но даже повествуя об одних и тех же событиях, летописцы существенно расходились не только в

отбиралась предвзято, факты сознательно или бессознательно искажались». В итоге поиск информации о «нехристях» осуществлялся, как правило, в «своих» текстах, прежде всего, в Библии. Как писал Г.Г. Пиков, свойственный средневековому религиозному сознанию «фанатизм стимулировал поиски доказательств своих взглядов, хотя и невежественных, а не стремление узнать и понять учение Мухаммеда». См.: *Пиков Г.Г.* Библия и представления европейцев VIII–XII вв. об исламе и арабах // Традиции и инновации в истории культуры. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1995. С. 61.

[4] *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009. С. 55.

[5] *Бородихин А.Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. Машинопись. Новосибирск, 1989. С. 45.

изложении, но и в трактовке произошедшего[6]. Все это позволяет говорить не только о «совершенной текстуальной несводимости» этих рассказов друг к другу[7], но и усматривать за данной текстуальной «несводимостью» различия в концептуальных подходах. И, прежде всего, в оценке феномена нашествия. Цель статьи – выявить подходы древнерусских летописцев второй половины XIII в. к осмыслению событий 1237–1242 гг.

***

Более или менее схожие подходы книжников можно обнаружить в рассказах НПЛ и Лавр. Причем это касается не только сходства «идеологий» обоих сообщений, о чем будет сказано ниже, но и приемов их написания. Так, и в НПЛ, и, особенно, в Лавр. огромную смысловую роль играют цитаты – заимствованные из других частей летописи куски текста.

Составитель НПЛ использовал в своем рассказе о нашествии Батыя фактически только одну, но зато весьма пространную цитату из ПВЛ – фрагмент статьи, помещенной под 6576 (1068) годом, т.н. «Поучение о казнях Божиих». Самое начало сообщения о нашествии Батыя совпадает с началом этого «Поучения», а концовка статьи 6746 (1238) года НПЛ и вовсе представляет собой точно процитированный отрывок из статьи 6576 года ПВЛ, в которой речь шла о нашествии половцев. Основная мысль, которую передавал автор при помощи этой обширной цитаты – «наводить Богъ, по гнѣву своему, иноплеменьникы на землю, и тако съкрушеномъ имъ въспомянутся къ Богу»[8].

---

[6] *Рудаков В.Н.* Указ. соч. С. 55–82.

[7] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 45; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 442.

[8] Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Изд. 2-е. Л., 1926. Стб. 167–168, 170; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 156–159; Новгородская первая летопись. С. 74, 76–77. Интересно, что в НПЛ под 6576 годом читается совершенно другой текст. В.А. Кучкин считает, что при рассказе о событиях 1237–1238 гг. составитель НПЛ опирался на источники, в которых «события XI в. были изложены более подробно, чем в самой НПЛ старшего извода»: *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая половина XIV в.) // Русская культура в

В рассказе НПЛ татары также действовали в качестве орудия Божьей кары. Вероятно, по мнению книжника, это обстоятельство и предопределило принципиальную невозможность русских противостоять «промыслу Господнему», карающему Русь «за грѣхи». «Но уже бяше *Божию гнѣву не противитися*, – писал книжник, – яко речено бысть дрѣвле Исусу Наугину Богомь; егда веде я на землю обѣтованую, тогда рече: азъ послю на ня преже васъ недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ. *Такоже и преже сихъ отъя Господь у насъ силу*, а недоумение, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи в нас за грѣхы наша»[9]. Подобное «недоумение» проявилось в поведении многих персонажей летописного повествования.

Так, великий князь Юрий Всеволодович, «не послуша князии рязанскыхъ молбы», на конфликт с татарами не пошел, «самъ хотѣ особь брань створити». Но как только «поганые» подступили к Владимиру, великий князь «*бѣжа*» «на Ярославль», оставив в осажденном городе сына Всеволода, жену, владыку Митрофана и прочих жителей. Татары «погнашася» за Юрием. Однако летописец был далек от того, чтобы рисовать картину героического сопротивления великого князя: «Внезапу татарове приспеша, князь же *не успѣвъ ничтоже, побѣже*, и бы на реце Сити, и *постигоша и*, и живот свои сконча ту»[10].

В изложении автора НПЛ полную растерянность перед лицом захватчиков проявил и сын великого князя – Всеволод. Он остается практически безучастным к событиям: князь «затворился» в городе, а утром уже «*увидѣ*», что Владимир взят. Дальнейшие действия Всеволода были таковы: вместе с другими он принял постриг («и стригошася вси въ образъ, таже в скиму») и, увидев, что город подожжен и «людье уже огнемь кончеваются», «вбѣгоша въ святую Богородицю и затворишася в полатѣ», после чего «скончашася, предавше душа своя Господеви». Фактически молодой князь показан человеком, готовым, скорее погибнуть, нежели бороться.

условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в. Вып. 1. М., 1990. С. 61. Прим. 48.

[9] Новгородская первая летопись. С. 75 (здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, курсив мой – *В.Р.*).

[10] Там же. С. 76.

Рассказ о нашествии Батыя, содержащийся в Лавр., в еще большей степени опирается на цитаты, представляя собой сложную мозаику из многочисленных вкраплений различного по происхождению и времени появления материала[11]. Текст содержит значительное количество заимствований из предшествующего летописного массива, дополняющих или раскрывающих смысл оригинальных частей сообщения о нашествии. «Эта особенность резко выделяет текст повести (о нашествии Батыя) из окружающей ее среды, – писал Г.М. Прохоров, предпринявший кодикологический анализ Лавр. – Вне ее пределов, на протяжении 170 листов летописи, удается заметить не более полутора десятков несомненных повторений периодов, фраз или оборотов. На шести же занимаемых повестью листах оказывается тридцать три разновеликих вкрапления. В целом эта мозаика составляет примерно треть объема повести»[12]. При этом повествование Лавр. является «самым литературным» из всех рассказов о нашествии[13].

Значительная часть (больше половины) этих вставок, так же как и вставка в тексте НПЛ, касается темы «казней Божиих» и заимствована из летописных статей ПВЛ, посвященных нашествиям половцев[14]. Однако, как отмечал И.У. Будовниц, «есть принципиальная разница между тем, как русские книжники трактовали «казни Божии» в применении к половцам, и последующей трактовкой этого понятия в

---

[11] См. подробнее: *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 136–145; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947. С. 282–288; *Насонов А.Н.* Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII века // Проблемы источниковедения. Т. 11. М., 1963. С. 449–450; *Комарович В.Л.* Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 32–40; *Лурье Я.С.* Лаврентьевская летопись – свод начала XIV века // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 66–67, и др.

[12] *Прохоров Г.М.* Повесть о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1973. С. 78.

[13] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 61.

[14] Случаи заимствования приведены Г.М. Прохоровым: *Прохоров Г.М.* Указ. соч. С. 78–83. Речь идет, в первую очередь, о нашествиях 1068 и 1093 гг.

отношении татар»[15]. Если книжники XI в. фактически призывали дать отпор врагу, то книжники конца XIII – начала XIV вв. выступали с совершенно иных позиций. Как и составитель НПЛ, автор Лавр. исходил из того, что сопротивление Господнему гневу в принципе греховно, а потому – обречено на поражение[16].

Именно в рамках такой логики действуют в рассказе Лавр. владимирский князь Юрий Всеволодович и его сыновья. Юрий «выѣха из Володимеря в малѣ дружинѣ … и ѣха на Волгу», «оурядивъ» для защиты города «сыны своя в собе место Всеволода и Мьстислава», а также воеводу Петра Ослядюковича. Но увидев, что «безбожнии» водят с собой их родного брата – захваченного в плен Владимира Юрьевича, князья Всеволод и Мстислав Юрьевичи «плакахуся» и «рекоста дружине своеи и Петру воеводе: братья, *луче ны есть оумрети* перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру х(рист)ьяньскую. *И не да воли ихъ быти* Петръ Ослядюковичь»[17].

Книжник описывает ситуацию полного отказа князей от сопротивления. Характерно, что именно потенциальные руководители обороны борьбе предпочитают либо жертвенную смерть, либо смиренное – в молитве – ожидание гибели, либо бегство, но никак не защиту стольного града от «поганых». «И рекоста оба князи: *си вся наведе на ны Богъ грѣх ради нашихъ*, яко же пророкъ глаголеть: *несть человеку* мудрости, ни е(сть) мужства, ни ес(ть) думы *противу Господеви*. *Яко Господеви годе быс(ть), тако и быс(ть), буди имя Господне благославено в вѣкы*»[18].

Воля Господня исполняется: татары вскоре, не встретив

---

[15] *Будовниц И.У.* Духовенство и татарское иго // Религия и церковь в истории России. М., 1975. С. 99.

[16] Причем, судя по всему, такой подход отражал представления книжников рубежа XIII–XIV вв., а не их предшественников, повествовавших о нашествиях половцев. По крайней мере, в ПВЛ, текст которой активно цитировали составители НПЛ и Лавр., из указания на то, что нашествие – это «кара за грехи», вовсе не следовало, что сопротивление половцам обречено на неудачу. См.: Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 73–75, 91–95.

[17] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 461.

[18] Там же.

особого сопротивления, все равно берут город. Видя это, «*бѣжа* Всеволод и Мстислав, и вси людье *бѣжаша* в Печерний город»[19]. Другая часть горожан («епископъ Митрофанъ и княгини Юрьева съ дочерью и с снохами и со внучаты и прочие княгини Володимеряа с детми, множства *много* бояръ и *всего народа* люди») «затворишася в церкови святыя Богородица и тако огнемъ без милости запалени быша» или же погибла под ударами ворвавшихся в церковь захватчиков[20].

Великий князь Юрий Всеволодович, в представлении составителя рассказа Лавр. также, скорее, персонаж, олицетворяющий собой смирение, нежели борьбу. Неслучайно в тексте повести именно в его уста вкладывается фраза о том, что он (Юрий) – «новыи Иовъ быс терпѣнием и вѣрою». Видимо, именно «новый Иов», а не «князь-защитник» являлся «идеалом человека в понимании автора Лавр.»[21].

По мнению книжника, путь к спасению лежал через мученичество во имя веры, через жертвенность. Кара за грехи настолько тяжела, что уже одно это дает «гарантии» спасения, вечную жизнь людям: «Се нам сущюю радость скорбь, да и не хотяще всякъ в будущий вѣкъ обрящем милость. Душа бо сдѣ казнима всяко в будущий суд милость обрящет и лгыню от мукы»[22]. Поэтому, по справедливому замечанию Я.С. Лурье, «едва ли можно говорить об “активной антитатарской тенденции” рассказа 1237–1240 гг.; основная его тема – отчаяние, “страх и трепет”, покорность перед Божьими казнями

[19] Там же. Стб. 463.

[20] Там же. В более поздних летописных редакциях Повести о нашествии Батыя поведение князей существенно корректируется. Герои меняются ролями: теперь уже князья изъявляют желание, в одном случае, *погибнуть, нежели оказаться в неволи*, в другом – *с оружием в руках встать «на бой» с «погаными»*. Воевода Петр из фигуры активной превращается в фигуру пассивную. Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* Сыновья великого князя во время осады Владимира: К проблеме восприятия борьбы с монголо-татарами в летописании // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 191–193.

[21] См.: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 142–143.

[22] ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 464.

и “напастями”, дающими право “внити в царство небесное”»[23].

***

На первый взгляд, примерно такой же подход к оценке ордынского нашествия исповедовал и составитель Ипат. Используемые автором рассказа в отношении татар эпитеты мало чем отличались от тех, которыми награждали захватчиков составители НПЛ и Лавр. Татары – это, в первую очередь, «*безбожнии Измаилтяне*», «*безбожнии Агаряне*», «*иноплеменьныхъ языкъ*»; они – «*беззаконные*», «*поганые*», «*нечестивые*».

Однако, наряду с подобным указанием на «нечестивость» татар в рассказе Ипат. практически полностью отсутствуют столь популярные в то время сентенции относительно нашествия безбожных как «кары Господней за грехи наши». Как отмечает А.Ю. Бородихин, Ипат. не содержит подобно другим ранним рассказам о нашествии «развернутых объяснений всеобщей беды в духе религиозной дидактики, обращенной с призывом к покаянию»[24].

При этом Ипат. в гораздо большей степени, чем другие летописи, повествует о деталях нашествия. Так, в ней содержится описание войска Батыя («и не бѣ слышати от гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ его, и рьжания от гласа стадъ конь его, и бѣ исполнена земля Руская ратных»[25]), сообщаются имена прибывших с ним полководцев, при этом указывается, что данная информация была получена у взятого в плен татарина («яша же в них татарина именемь Товрулъ, и тъ исповѣда имъ всю силу ихъ. Се бяху братья его силныи воеводы: Урдю и Байдаръ, Бирюй, Кайданъ, Бечакъ и Меньгу и Кююкь, – иже вратися увѣдавъ смерть канову, и бысть каномь, не от роду же его, но бѣ воевода его перьвый – Себѣдяй богатуръ и Бурунъдаии багатырь, – иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую, – инѣхъ бе-щисла воеводъ, ихже не исписахомъ зде»[26]), наконец, Батыю приписываются поступки, не вполне соотносящиеся с его характеристикой как

[23] *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 63. С мнением Я.С. Лурье согласен и А.Ю. Бородихин (*Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 80).
[24] Там же. С. 160–161.
[25] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 785.
[26] Там же.

«нечестиваго». В частности, упоминается, что он помиловал киевского тысяцкого, в отсутствии князя руководившего обороной города: «Дмитрѣя же изведоша язвена, и не убиша его мужьства ради его»[27].

При этом вместо темы покаяния, присущей Лавр. и НПЛ, в Ипат. присутствует тема противостояния: если в указанных памятниках сопротивление «поганым» представлено как дело, заранее обреченное на провал, то в Ипат. борьба с ордынцами выглядит как наиболее предпочтительный способ поведения.

Автор сопоставляет действия защитников двух русских городов – Владимира-на-Клязьме и Козельска. Поступки жителей Владимира в версии Ипат. мало чем отличаются от того, как ведут себя владимирцы в версиях НПЛ и Лавр. Батый пытается «прельстить» горожан. В ответ епископ Митрофан – духовный пастырь владимирцев – старается ободрить защитников города: «Чада, *не оубоимся* о прельщьньи от нечестивых и не приимемь си во оумъ тленьнаго сего и скоро миноующаго житья, но ономь не скоро миноующѣмь житьи попечемься, еже со ангельскыи житье. Аще градъ нашь пленьше копиемь возмоуть и смерти ны предасть, азъ о томь чада пороучьникъ есмь, яко вѣнца нетлѣньнаа от Христа Бога приимете». Далее в Ипат. отмечено, что «о сем же словеси слышавше, вси начаша крѣпко боротися»[28].

Однако увидев, что натиск татар усилился, Всеволод «*оубояся*», поскольку, – объясняет причины такого поведения князя летописец, – «бѣ бо и сам *млад*». Надеясь на снисхождение татар, Всеволод «изъ града изииде с маломъ дроужины и несы со собою дары многии, надѣяше бо ся от него (Батыя. – *В. Р.*) животъ прияти». Ордынский хан, «яко свирѣпый звѣрь не пощади оуности его, велѣ предъ собою зарѣзати и градъ всь избье», при этом епископ и прочии горожане погибают в огне, «душа своя предаша в роуце Богу»[29]. Таким образом, Всеволод поступает вопреки призыву епископа Митрофана: в надежде получить «живот» от Батыя, думая о «тленьном сего и скоро миноующем житии», он забывает о своей обязанности заботиться о более важном для христианина

[27] Там же.
[28] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779–780.
[29] Там же. Стб. 780.

«житьи» – «не скоро миноующемь».

Явно контрастирует с таким поведением следующий далее рассказ об обороне Козельска. Возглавляющий оборону города князь Василий так же, как и Всеволод, «*младъ*». Однако, уже на подступах к стенам города, Батый, узнав, что жители Козельска «оумъ *к*рѣпк*одушный* имеють», понимает, что «словесы лестьными *не возможно* бѣ град приятии»[30]. «Крепкодушные козляне» совет «створше не вдатися Батыю, рекше яко аще князь нашь *млад есть, но положим животъ свои за нь, и зде славоу сего свѣта приимше, и там небесные вѣнца от Христа Бога приимемь*»[31]. Жители Козельска героически защищают свой город. От их рук гибнет, по словам летописца, четыре тысячи «поганых», и, несмотря на то, что город все-таки был взят (татары «*изби вси* и *не пощаде от отрочатъ до сосоущих млеко*»[32]), захватчики не смели «его нарещи град Козлескъ, но град злыи, понеже бишася по семь недель»[33]. Итак, в отличие от владимирцев, жители Козельска поступают прямо противоположно: решившись на героическую, пусть и безнадежную, борьбу с татарами, козляне (а вместе с ними и князь Василий) выбирают «гибель в бою».

Таким образом, в рассказе Ипат. совершенно определенно проводится мысль о том, что борьба с татарами является праведным делом, а гибель при сопротивлении – настоящим христианским подвигом, способным обеспечить воинам «жизнь вечную»[34].

Такой подход может объясняться тем, что нашествие татар воспринималось автором рассказа Ипат. не столько как «казни Божии», сколько в качестве козней дьявола.

Важно отметить, что определение козлян как «крепкодушных», видимо, не являлось случайным. Сам термин не часто встречается в русских средневековых памятниках[35].

---

[30] Там же.

[31] Там же. Стб. 780–781.

[32] Этот же оборот использовался автором и при описании взятия Рязани: Там же. Стб. 778–779, 781.

[33] Там же. Стб. 781.

[34] Ср.: *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 18.

[35] См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 33–34. Ср.: *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1.

Тем более интересно его обнаружить в произведении, современном рассказу Ипат. и также посвященном событиям ордынского нашествия – четвертом «Поучении» Серапиона Владимирского: «*Врагъ нашь дьяволъ*, видѣвъ ваш разум, *крѣпкодушье*, и *не възможеть* понудити вы на грѣхъ, но посрамленъ отходит»[36]. Можно предположить, что, по замыслу автора Ипат., жители Козельска не просто обладали мужеством, необходимым в борьбе с захватчиками, но и имели более важное для православных христиан качество, позволявшее им противостоять даже происка дьявола.

В отличие от Лавр. и НПЛ, поступками татар в Ипат. руководит не столько «само Провидение», сколько их собственный «злой», «льстивый» умысел. Весьма характерно, что, по мнению книжника, в наибольшей степени татарам была присуща именно *«лесть»*. Дважды при описании татарского взятия Рязанской земли летописец указывает, что ордынцы князя и княгиню «изведоша *на льсти*... и убиша», а «всю землю избиша»[37]; при осаде Владимира Батый с «*льстью*» обращается к горожанам, а епископ Митрофан молится о том, чтобы паства не «убоялась *прельщения* нечестивых»[38]; рассказывая о мужестве обороняющих Козельск людей, книжник подчеркивает, что «словесы *лестьными* не возможно бе град прияти»[39]; осадив Киев, татары «хотя *прельстити*» горожан, но те их «не послоушаша»[40].

Указание летописца на «лесть» татарскую позволяло многим исследователям делать вывод о том, что в восприятии книжника «успехи татар были вызваны не столько их силой, сколько коварством и вероломством», и что «это люди без чести и совести, с которыми нельзя иметь никакого дела»[41]. Но, судя по всему, летописец имел в виду не только татарскую хитрость.

СПб., 1893. Стб. 1353; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4. М., 1991. С. 322.

[36] ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 452.

[37] Там же. Стб. 778.

[38] Там же. Стб. 779.

[39] Там же. Стб. 780.

[40] Там же. Стб. 782.

[41] *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. XI–XIV вв. М.-Л., 1960. С. 303; *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 19–20.

Характеристика татар как «льстивых», коварных находит аналогии с определениями, данным в текстах Священного Писания именно дьявольским силам[42]. Исполненным «всякого *коварства* и всякого злодейства» назван «*сын дьявола*»[43]; слово «льстивый» имеет среди прочих значение «*антихрист*»[44]; сам Батый сравнивается со «*зверем* свирепым»[45]. По мнению Ефрема Сирина, антихрист, во времена, когда «исполнится нечестие мира», «духом *лести*» будет искушать людей и «*обольщать* мир своими знамениями и чудесами по попущению Божию»[46].

Указание на «льстивость» как свойство дьявола есть в ПВЛ (в том числе, и в тексте, читающемся в Ипат. под 1068 г.): в уже цитировавшемся «Поучении о казнях Божиих» отмечается, что «сими *дьяволъ льстить* и другыми нравы, всячьскыми *лестьми* превабляя ны от Бога»[47]. А в Повести о Михаиле Тверском (была составлена в конце 1319 – начале 1320 г.[48]) содержится указание на то, что «един *дьявол* сѣтовашеся», поскольку оказался «побеждаем» христианами: «Сего не терпя врагъ душь наших, опромѣташеся *льстивыи*, како бы съвратити съ праваго пути их, и въложи в сердце их

---

[42] Ср. значения слов «льстивый», «лестный» в древнерусском языке: «коварный», «являющийся хитростью», «имеющий целью обман», «лживый», «обманчиво влекущий», «таящий в себе опасность», «пагубный» и даже «антихрист»: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 214–215, 322–323. Ср.: «нечестивый народ» «придет без шума и *лестью* овладеет царством» (Дан. 11: 21, 32), а также: Пс. 9: 28; Пс. 54: 3–12; Пр. 6: 12; Пр. 26: 24 и др.

[43] Деян. 13: 10.

[44] СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 323.

[45] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780. Ср. образ «зверя» в пророческих книгах Священного Писания (Иез. 5: 17; 14: 15, 21; 34: 25; Дан. 7: 3–23; Откр. 11: 7; 13: 1–18; 14: 9-11; 15: 2 и др.)

[46] См. подробнее: *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 84.

[47] Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 74. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 159.

[48] *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974. С. 232–235; *Конявская Е.Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. С. 30-31.

зависть, ненависть, братоубийство»[49].

Кстати, в летописном рассказе Ипат., читающемся под 6758 (1250) годом и повествующем о поездке в Орду Даниила Галицкого, татары также напрямую связываются с дьяволом: князь «нача болми скорбѣти душею, видя бо *обладаемы дьяволомъ*: сквѣрная ихъ кудѣшьская бляденья, и Чигизаконова мечтанья, сквЬрная его кровопитья, многыя его волъжбы»[50].

Таким образом, мы имеем дело с двумя, отличающимися друг от друга концептуальными подходами к феномену татарского нашествия.

Один подход (НПЛ, Лавр.) заключался в том, что нашествие – это «кара Господня», а татары – инструмент наказания. Они действуют в рамках Промысла Божьего, и, значит, противостоять им с оружием в руках бессмысленно. Единственный путь спасения – смирение и покаяние.

Другой подход (Ипат.) состоял в том, что нашествие – это беда, погибель Русской земли *«от нечестиваго Батыя»*[51]. Татары – это люди, несущие в себе дьявольские черты, «беззаконные» и «нечестивые», «измаильтяне, преже бившъшеся со князи Роускими на Калкохъ»[52]. Противостоять им необходимо, даже если этот путь «зде» – на этом свете, приведет к гибели: только такое поведение дает право приобщиться к жизни вечной, приняв «вѣнцы нетлѣньнаа от Христа Бога».

***

Осмысление событий периода нашествия, вероятно, являлось составной частью более масштабного интеллектуального процесса, связанного с выявлением причин произошедших с русскими землями невзгод и поиска наиболее адекватных способов адаптации к новым условиям. Речь, прежде всего, идет о рефлексии по поводу феномена ордынской власти, отношения к ней, а также – дальнейшей судьбы Русской земли. Есть основания полагать, что и по этим вопросам точка

[49] *Кучкин В.А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 129.
[50] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806.
[51] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786–787.
[52] Там же. Стб. 778.

зрения южнорусских книжников отличалась от подходов авторов, живших и писавших на севере и северо-востоке Руси.

Одним из ключевых понятий, определявших характер отношений ордынских ханов к русским князьям в период после нашествия, являлась «честь».

Подавляющее большинство князей Северо-Восточной Руси через несколько лет после нашествия поехали в Орду для подтверждения своих властных полномочий. Представление о массовости этого явления дает помещенный в самом конце рассказа Лавр. о нашествии Батыя список князей, которых, по словам летописца, «*Богъ избавилъ отъ руки иноплеменныхъ*». Всего в тексте перечисляются тринадцать спасшихся во время нашествия князей Северо-Восточной Руси. Из них Орду (либо Сарай, либо Каракорум) в период с 1243 по 1277 г. посетили одиннадцать человек (о том, были ли в Орде двое оставшихся князей, источники не позволяют судить[53]). Пропорция получается весьма красноречивая: как минимум 85% (11 из 13!) уцелевших князей Северо-Восточной Руси в течение первых десятилетий после нашествия отправились на поклон к ханам. Лавр. описывает их поездки по стандартным формулам. Либо «поеха» князь имярек «в Татары» и «приехаша с *честью* в свою землю» (варианты – «с честью *великою*», «с честью *достоиною*»), либо хан имярек «*почтилъ* князя и отпустилъ в свою отчину»[54]. При этом каких-либо негативных сентенций по поводу характера этих отношений («злой чести») в Лавр. не высказывается. В НПЛ также сообщается о поездках князей в Орду, однако и здесь оценочных комментариев на этой счет не содержится: «Князь Ярославъ Всеволодичь позванъ цесеремъ татарьскымь Батыемь, иде к нему въ Орду» или «поѣха князь Олександръ в Татары» и т.д[55].

Иначе относится к «чести татарской» автор рассказа Ипат. «О *злѣе зла честь Татарская*! – восклицает автор рассказа о поездке в Орду галицкого князя Даниила Романовича. – Даниилови Романовичю князю бывшу великом, обладавшю Русскою землю, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ си инѣми странами, *ньне сѣдить на колѣноу и*

[53] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.
[54] Там же. Стб. 470–475.
[55] Новгородская первая летопись. С. 79.

холопомъ называется, и дани хотять, и живота не чаеть, и грозы приходять. О *злая честь Татарьская*!». В последующих статьях летописец неоднократно возвращается к теме зависимости князей от Орды: под 6790 (1282) годом – «тогда бо бяхуть князи русции в *воли* татарьской»[56], под 6791 (1283) годом – «тогда же бяху вси князи в *нево*лѣ татарьской»)[57], под 6795 (1287) годом – «тогда бяхуть вси князи русции в *воли* татарьской»[58] и т.д.

По-разному трактуют летописи смысл татарского нашествия. Еще одной особенностью Ипат. является отношение к произошедшему на Руси как к «погибели» (поражению) Русской земли. Дважды автор южнорусского рассказа о нашествии Батыя возвращается к этой формуле. Первый раз, повествуя о том, что киевский тысяцкий Дмитр, руководивший обороной города и оставленный татарами в живых «мужьства ради его», дает совет Батыю не оставаться «в землѣ сей (т.е. в Киеве. – *В.Р.*) долго время» и продолжить поход «на Угры». Дмитр, поясняет составитель рассказа Ипат., дает такой совет, «види, бо землю гибноущоу Рускоую от нечестиваго»[59]. Второй раз тема возникает в рассказе о воссоединении князя Даниила Романовича с семьей: «возрадовашася о совокупленьи своемъ и жалишася о побѣде (т.е. о поражении[60] – *В.Р.*) землѣ Руское и о взятьи град от иноплеменьникъ множьства»[61].

В отличие от Ипат., Лавр. трактует произошедшее куда более противоречиво. С одной стороны, в самом рассказе о нашествии книжник неоднократно обращает внимание на то, что приход «поганых» – это наказание Божье за грехи: «Грѣхъ ради нашихъ и неправды, *за оумноженье беззаконии наших попусти Богъ поганыя*, не акы милуя ихъ, но нас кажа, да быхом *встягнулися от злыхъ дѣлъ* (…) от пути своего злаго»[62]. С другой стороны, уже под 6746 (1238) годом составитель Лавр.

---

[56] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 888.
[57] Там же. Стб. 892.
[58] Там же. Стб. 897.
[59] Там же. Стб. 786.
[60] Среди значений слова «победа» – «поражение», «беда». См. подробнее: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 120.
[61] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.
[62] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462.

пишет о том, что «Ярославъ снъ Всеволода великаго сЬде на столЬ в Володимери». «И быс радость велика христианомъ их же *избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожных Татаръ*»[63], – отмечает книжник. «Сдея Господь *спасенье велико князем нашим, избавилъ ес от врагъ нашихъ (…) избавил отъ рукы иноплеменних*», – пишет он в другом месте, в статье под 6747 (1239) годом[64]. Создается впечатление некоторой неискренности составителя Лавр., для которого «избавление от безбожных татар» происходит существенно раньше отказа русских «от злых дел и пути своего злаго». В лучшем случае можно говорить о том, что у книжника не было четкой картины произошедшего, аналогичной той, что представлена в сообщениях Ипат.

Возможно, это связано с тем, что более или менее непротиворечивая формула, объясняющая произошедшие несчастья, а также характер отношений русских князей и ордынских ханов, в северо-восточной Руси появляется несколько позже – в 70-е гг. XIII в. Речь идет о т.н. «идеологии ордынского плена», которая, по мнению ряда исследователей, может быть реконструирована на основе анализа целого ряда произведений, появившихся в период, начиная с последней четверти XIII в.

По справедливому замечанию А.В. Лаушкина, «человеку, знакомому с Библией, все случившееся с Русью, не могло не напомнить историю гибели Иудейского царства – один из центральных эпизодов Ветхого Завета, описанный сразу в нескольких библейских книгах». Жителям Иудеи, которые все чаще стали забывать Бога и отступать от Него, были посланы наказания, которые, однако, не отвратили евреев от нечестивого поведения. Тогда чаша терпения Господа переполнилась, и евреи были преданы в руки суровому язычнику – вавилонскому царю Навуходоносору и должны были служить ему «и сыну его, и сыну сына его, дондеже придет время земли его» (Иер 27:7). При этом, «через своих пророков Бог грозно потребовал от наказанного народа не бежать заслуженной кары и не сопротивляться власти Навуходоносора, но при этом заповедал твердо хранить

[63] Там же. Стб. 467.
[64] Там же. Стб. 469.

отеческую веру». Как отмечает А.В. Лаушкин, «сохранение веры в «вавилонском плену» было тем условием, при выполнении которого Господь обещал в будущем не только избавить свой народ от рабства, но и жестоко наказать его поработителей». «Главным элементом идеологии «плена» являлась вера в то, что гнев Господень есть свидетельство избранности наказанного народа, проявление заботы Бога о его спасении, – пишет А.В. Лаушкин. – В ситуации, когда борьба с Ордой была еще невозможна, эта вера помогали пережить унижение тяготы иноплеменного владычества, в свете этой веры (…) подчинение и даже служба «царю неправедну», «лукавнейшу паче всея земли» (Дан 3:32) представлялось прежде всего средство доказать свое смирение пред лицом карающего Владыки»[65].

***

Плюрализм мнений по поводу того, кто такие татары и как следует относиться к их нашествию, скорее всего, свидетельствует в пользу того, что в середине – второй половине XIII в. в русском общественном сознании не существовало единых канонов восприятия ордынцев и их власти. Представление о татарах как «каре Господней», равно как и противоположная точка зрения, в соответствии с которой завоеватели – проводники дьявольской воли, являлись всего лишь дискурсами, возникновение которых, было вызвано, возможно, в том числе, и определенной идеологической конъюнктурой[66].

---

[65] *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. С. 212. См. также: *Он же*. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 3–25; *Он же*. Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 26–29.

[66] О формировании одного из дискурсов см. подробнее: *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II. С. 211–224; *Рудаков В.Н.* Русские книжники XV–XVI вв. в поисках героев борьбы с татарами // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 181–183.

Какая из этих точек зрения была первичной, более непосредственной? Судя по всему, та, что оказалась представлена в Ипат. Во-первых, ее рассказ о нашествии Батыя возник раньше сообщений НПЛ и Лавр. (возможно, даже вскоре после описываемых событий)[67]. Во-вторых, данный рассказ, в отличие от НПЛ, и особенно Лавр., не отягощен вставками «идеологического» характера, он более цельный. Составители же последних, используя цитаты из предшествующего летописного материала, явно стремились не столько рассказать о событиях, сколько интерпретировать их.

Один из возможных мотивов предложенной книжниками трактовки событий – объяснить, почему князья северо-восточной Руси фактически не оказали сопротивления врагу: «ветхозаветная «идеология выживания» как нельзя лучше подходила для разъяснения политики тех князей, которые сознательно «пощои на подчинение ханам»[68]. Объяснение в рамках идеологии «казней Господних за грехи» им было дать тем более проще, что, скорее всего, и составители рассказа Лавр., и составители рассказа НПЛ являлись лицами духовного звания[69]. Позиция же русского духовенства по поводу ордынских властей была весьма специфична: фактически оно выступало с проповедью смирения, приняв покровительство со стороны ордынских ханов[70].

Справедливости ради стоит отметить: южнорусские князья (в частности, Михаил Черниговский и Даниил Галицкий) также не отличились успехами в борьбе с нашествием Батыя – они от него попросту бежали на Запад. Однако южнорусское летописание, дошедшее до нас в составе Ипат., очевидно не

---

[67] *Ужанков А.Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: Редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1 (XI–XVI вв.). М., 1989. С. 268–269; *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995. М., 1997. С. 110–118.

[68] *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II. С. 212.

[69] *Комарович В.Л.* Указ. соч. С. 44–46; *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 69–70.

[70] См.: *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. II. Вторая половина. М., 1900. С. 14; *Будовниц И.У.* Духовенство и татарское иго. С. 100.

ставило перед собой задачу объяснять такое поведение князей. Михаил к этому времени принял мученическую смерть в Орде и, в представлении того времени, смыл грехи «невинно пролитой кровью»[71], а Даниил, судя по всему, и вовсе готовился к военно-политическому реваншу[72]. К тому же составитель Ипат., вполне возможно, принадлежал к иной социальной среде, нежели авторы НПЛ и Лавр., а, следовательно, мог оценивать события с совершенно иных «идеологических» позиций.

Показательно, что в более поздний период – уже после Куликовской битвы – восприятие татар как силы, так или иначе связанной с «князем мира сего», стало преобладающим. Так, уже в летописной Повести о Куликовской битве, дошедшей в составе Новгородской IV и Софийской I летописей[73], предводитель татар Мамай был назван воплощенным дьяволом («великий князь наеха наперед на... нареченнаго *плотнаго дьявола Мамая*»[74]), а его союзник – Олег Рязанский – «*дьяволовым светником*»[75]. В более позднем произведении, посвященном Куликовской битве – «Сказании о Мамаевом побоище»[76] – движение «поганых» на Русь также связывалось с происками Нечистого. Именно «*диявол* наусти» Мамая, «како *разорити православную веру* и *оскврънити святыя церкви*»;

---

[71] Ипат. сообщала под 6753 (1245) годом, что Михаил и его боярин Феодор «мученически пострадаша и восприята венечь от Христа Бога»: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

[72] По мнению В.А. Кучкина, точка зрения Ипат. на монголо-татарское нашествие во многом была связана «с той позицией, которую занимал Даниил Галицкий, долгое время вынашивавший планы организации военного противодействия завоевателям»: *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго. С. 20.

[73] В.А. Кучкин датирует памятник 30-ми гг. XV в. (Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998), А.Г. Бобров – 1418–1419 гг. (*Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 149–160).

[74] Здесь «*плотный*» в значении «*воплощенный*»: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 103–104; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 20.

[75] Там же. С. 16.

[76] Произведение датируется началом XVI в.: *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 7; *Клосс Б.М.* Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoriam: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 259–262.

именно будучи «*диаволом* непрестанно палим», Мамай собирается в поход; видя, что русских больше, чем татар, тем не менее, продолжает подготовку к битве, будучи «разженъ *диаволом* на свою пагубу»[77]. Мамай действует «*от наваждениа диаволя*», по «*подстрекательству дьявола*», в силу чего и «вниде въ сердце его *напасть роду христианскому*», но и сам приобретает явно дьявольские черты[78].

Новый дискурс возникает не на пустом месте: фактически происходит развитие возникшего едва ли не сразу после нашествия Батыя представления о том, что татары – дьявольская сила, и противостояние ей – не просто благое дело, но и долг каждого христианина.

Что же касается повседневности, то она, как видим, занимала книжников рассматриваемого периода лишь постольку, поскольку позволяла выявлять *смыслы* тех драматических событий, которые разворачивались в недавнем прошлом. Сама по себе повседневная жизнь русских княжеств «под татарами» не интересовала летописцев и не описывалась ими в привычных нам понятиях. В произведениях древнерусской письменности этого периода нет «быта», не рассказывается о каждодневных человеческих практиках князей, знати или простолюдинов. Похоже, в представлении книжников драматический для Руси XIII век больше заслуживал осмысления, нежели описания...

---

[77] Сказания и повести. С. 25–26, 38. Ср.: ПСРЛ. Т. 26. М.-Л., 1959. С. 125–126, 137. Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары. С. 148, 154, 162–163.

[78] Сравнение Мамая с дьяволом мы находим и в молитве Дмитрия Ивановича: «Да не приидеть на нас рана смертнаа и *рука грешнича* да не погубить нас»: Сказания и повести. С. 32; ПСРЛ. Т. 26. С. 132 (курсив мой. – *В.Р.*). Судя по всему, приведенная фраза восходит к текстам Псалтыри, где под «грешничем» также подразумевается дьявол: Пс. 70: 4; 81: 4; 96: 10; 139: 4–5. Ср.: «Слово “грешный” в славянских переводах ветхозаветных текстов очень часто обозначает “дьявол” [синоним – “лукавый”]» (*Дмитриев Л.А., Лихачева О.П.* Историко-литературный комментарий // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 397).

Светлана Лучицкая
(ИВИ РАН)

«Бедненькие рыцари святого Лазаря»: из истории повседневной жизни прокаженных в Иерусалимском королевстве

На протяжении многих веков проказа наряду с чумой была одной из самых страшных болезней. Долгое время она считалась совершенно неизлечимой и заразной, а потому представлялась загадочной; с ней было связано множество мифов и легенд, многие из которых возникли именно в средневековую эпоху.

Только в Новое время проказа начинает постепенно утрачивать свой орел таинственности. В 1873 г. норвежский ученый Герхард Хансен обнаружил возбудитель проказы – т.н. *mycobacterium leprae*[1]. Как оказалось, проказа – болезнь, которая передается воздушно-капельным путем и кожным контактом, – не более заразна, чем туберкулез. Ее инкубационный период длится от нескольких месяцев до 40 лет, и она протекает в двух формах – лепроматозной и туберкулоидной. Проказа характеризуется поражением нервных и кожных тканей, которые под влиянием болезни утрачивают чувствительность: человек перестает чувствовать удары, раны и другие механические повреждения. Происходят существенные изменения во внешнем облике: вследствие болезни ноги и голени опухают и покрываются коростой напоминающей кожу слона (не случайно древнее название болезни – *elephantina*). По мере отмирания нервных узлов изменяется кожа на лице, которое сильно опухает, приобретая черты львиной морды (отсюда другое название болезни – *leonina*). Проказа поражает слизистую – голос больного становится хриплым – а также действует на зрение, часто приводя к слепоте.

Как известно, болезнь в средние века воспринималась совершенно иначе, чем сегодня. Совершенно справедливо писал в своей книге «Повседневная жизнь в средние века» Отто Борст: «В мире, где болезнь и телесное уродство рассматриваются как

[1] См. краткую историю болезни в: *Jankrift K.P.* Krankheit und Heilkunde. Darmstadt, 2003. P. 114–116.

внешний знак греха и божественного гнева, люди с подобными недостатками должны считаться проклятыми Богом»[2]. Несомненно, описанная выше деформация внешнего облика больного, вызываемая проказой, не могла не усугубить средневековый взгляд на болезнь.

Проказа и не считалась в средние века обычной болезнью. Ей придавали особое символическое значение, а прокаженные подвергались остракизму. В медиевистике обострение интереса к этой социальной группе было связано с открытием «образа Другого», когда в поле зрения историков оказались средневековые маргиналы – те, кого по тем или иным причинам отвергал христианский социальный порядок и кого вслед за источниками исключали из своего исследования историки – иноверцы, чужаки, сумасшедшие, люди презренных профессий и др.[3] Социальной и ментальной истории проказы в средние века посвящены многие труды, в которых отношение к этой группе населения в различных регионах Европы и в различные периоды исследуется с разных точек зрения – в рамках истории медицины, церкви, права, теологии[4]. Среди этих работ немалую долю составляют региональные исследования[5]. Как ни странно, эпоха

---

[2] *Borst O.* Alltagsleben im Mittelalter. Frankfurt am Main, 1983. S. 486. О восприятии болезни в средние века см.: *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. М., 1991; *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые. Антропология болезни в средние века. СПб., 2004.

[3] Одна из первых работ на эту тему появилась еще в XIX в.: *Ulysse R.* Les signes d'infamie au Moyen Age. Juifs, Sarrasins, hérétiques, lépreux, cagots et filles publiques. P., 1891. Всплеск интереса к теме наблюдался в 1970–1990-е гг. Обзор этих работ см. в: *Martin H.* Mentalités médiévales. P., 1996. P. 405–455.

[4] *Pichon-Berruyer G.* Essai sur la lèpre du Haut Moyen-Age // Le Moyen Age. 1984. P. 331–356. См. также неопубликованную диссертацию этого автора, посвященную анализу средневековых христианских представлений о проказе: *Pichon-Berruyer G.* La représentation médiévale de la lèpre. P., 1979. 2 vol. См. также: *Moreau-Neret A.* L'isolement des lépreux au Moyen Age et le problème des "lépreux errants" // Mémoires de la Fédération des Sociétés d'histoire et d'archéologie de l'Aisne. 1970. Vol. 16. P. 22–36.

[5] См., например: *Albe E.* Les lépreux en Quercy. P., 1908; *Bourgeois Dr.L.* Lépreux et maladreries du Pas-de-Calais. X^{e}–XVIIIe siècles. Psychologie collective et institutions charitables. Arras, 1972.

крестовых походов, когда, как считается, проказа получила самое большое распространение в средневековом обществе, изучена намного меньше[6]. В настоящей статье мы попытаемся выявить специфику восприятия проказы и особенности статуса прокаженных в Иерусалимском королевстве, сравнив ситуацию на латинском Востоке с Западной Европой. Для этого нам придется вначале обратиться к истории христианских представлений о болезни, а затем выявить основные черты положения прокаженных в западноевропейском обществе, чтобы на этом фоне объяснить своеобразие ситуации в Иерусалимском королевстве.

***

В формировании средневековых представлений о проказе большую роль, несомненно, сыграла иудео-христианская традиция. Конечно, библейские тексты не могли не повлиять на восприятие этой болезни европейцами. В «Книге Левита» (гл. 13–14) подробно описаны признаки проказы, даны предписания как ее лечить и как предотвратить заражение болезнью. Уже в Ветхом Завете проказа рассматривалась не только как телесный недуг, но ассоциировалась с религиозной нечистотой, отсюда проистекали указания изолировать больного: «У прокаженного, на котором эта язва, должна быть разодрана одежда, и голова его должна быть непокрыта, и до уст он должен быть закрыт и кричать: нечист! нечист! Во все дни, доколе на нем язва, он должен быть нечист, нечист он; он должен жить отдельно, вне стана жилище его» (Лев.13, 45–46).

---

[6] Внимание исследователей привлекает преимущественно история ордена св. Лазаря, причем на более поздних ее этапах. См.: *Bertrand de la Grassière P.* L'Ordre militaire et hospitalier de Saint-Lazare de Jérusalem. Son histoire – son action P., 1960; *Morris of Balgonie Stuart H., Ygr.* The Insignia and Decorations of the Military and Hospitaller Order of Saint Lazarus of Jerusalem. Perthshire, 1986. Последняя работа на эту тему появилась в 2003 г.: *Marcombe D.* Leper Knights The Order of St Lazarus of Jerusalem in England, c. 1150–1544 N.Y., 2003. Отдельный этюд об ордене в XII–XIII вв. был написан С. Шахар: *Shahar S.* Des lépreux pas comme les autres. L'ordre de Saint-Lazare dans le royaume latin de Jérusalem // Revue historique. 1982. T. CCLXVII. № 1. P. 18–41. См. также исследования статуса прокаженных до крестовых походов: *Kurth G.* La lèpre en Occident avant les Croisades. P., 1907.

Не менее существенным для средневековой культуры был библейский текст из четвертой книги Царств (4 Цар. 5, 1–27): в нем рассказано о страдавшем проказой сирийском военачальника Немане, через которого Господь даровал победу сирийцам. Сирийский царь Вендад, прослышав о пророке из Самарии Елисее, обладавшем даром исцелять больных, послал Неемана к израильскому царю Иораму, чтобы тот «снял с него проказу». Прибывший к царскому двору Елисей дал Вендаду совет: «Пойди омойся семь раз в Иордане, и обновится тело твое у тебя и будешь ты чист» (4 Цар. 5, 10). Нееман сначала разгневался, а потом послушался пророка и, очистившись, избавился от недуга. Исцелившийся военачальник хотел отблагодарить пророка, но Елисей отказался от вознаграждения, а его слуга Гнезий тайком попросил у Неемана одежды и денег. Обнаружив обман, Елисей наказал слугу: «Пусть же и проказа Неманова пристанет к тебе и потомству твоему» (5 Цар. 27) Проклятие сбылось, и Гнезий был поражен проказой: «И вышел он от него белый от проказы как снег» (5 Цар. 27). Примечательно, что в средние века этот библейский текст воспринимался буквально: известно, что многие прокаженные отправлялись в паломнические путешествия с целью омовения в Иордане и исцеления, Гнезий же рассматривался как пример немедленного наказания за грехи. Новые нюансы в образе прокаженного появляются в «Книге Иова», рассказывающей о благочестивом человеке, которого Господь поразил «проказою лютой от подошвы ноги его по самое темя его» (Иов 2, 7). В этом тексте болезнь интерпретируется прежде всего как средство испытания праведника, как путь к Спасению.

Новый Завет утверждает иное по сравнению с Ветхим Заветом отношение к проказе. Два новозаветных персонажа (оба носили имя Лазарь) были восприняты в позднейшей культурной традиции как страдавшие проказой. Евангелие от Иоанна рассказывает о Лазаре из Вифании, брате Марфы и Марии, который почил в бозе и четыре дня лежал в гробу, пока Христос не пришел его воскресить (Иоан. 11, 44). В Новом Завете не говорится ни о том, болел ли Лазарь проказой, ни о том, отчего он умер. Тем не менее в средневековой культурной традиции он стал покровителем страдавших от проказы. Заступником прокаженных считался и другой Лазарь – один из героев Евангелия от Луки (Лук. 16, 19–31) – истекающий гноем и покры-

тый струпьями нищий, который лежал у ворот богача и желал напитаться крошками. Струпья и гной были восприняты в средние века как признаки проказы. Конец притчи известен: нищий после смерти оказывается в лоне Авраамовом, а богач в аду. Образы двух Лазарей смешались в средневековом сознании, а само имя св. Лазаря (*st. Ladre*) стало нарицательным – от него во многих языках произошли название приютов для прокаженных (франц. *ladrerie*) или обозначение нищих (итал. *lazzarone*, ср. рус. *петь Лазаря* и пр.)[7].

Таким образом, средние века получили в наследство богатую культурную традицию. Ветхозаветная идея болезни как наказания за различные грехи, прежде всего сладострастия, периодически всплывала в средневековой культуре, а наказанные за свои проступки прокаженные Ветхого Завета — Гнезий (5 Цар. 27), сестра Моисея Мариам (Числ. 12, 10) – стали в христианской культуре прообразом евреев или еретиков[8]. Вообще лепра нередко интерпретировалась как аллегория греховного состояния человека. В проповедях и теологических трактатах грешник изображался как прокаженный душой[9], о чем свидетельствует известный эпизод из «Истории Людовика Святого» Жуанвиля[10].

С другой стороны, существовал и позитивный религиозный образ этой болезни: Иисус своим примером показал мило-

---

[7] Смешение образов двух Лазарей произошло, видимо, отнюдь не вследствие поверхностного чтения Евангелия. Истории обоих персонажей наделены в Новом Завете морально-эсхатологическим смыслом: Бог избавляет одного от земных страданий, а другого от физической смерти ради новой жизни. Так оба Лазаря становятся «бедняками Христовыми». См. подробнее об этом: *Bériac F.* Histoire des lépreux au Moyen âge. P., 1988. P. 127–128 .

[8] См. об этом: *Pichon-Berruyer G.* Essai sur la lèpre. P. 333–356.

[9] В раннесредневековой патристике лепра становится фигурой первородного греха, а священник рассматривается как медик души. См.: *Bériac F.* Op. cit. P. 94–105.

[10] В этом эпизоде св. Людовик говорит своему сенешалю, что нет более безобразной лепры, чем смертный грех, так как душа грешная подобна дьяволу: “Il n’y a pas de lèpre si laide que d’etre en péché mortel, parce que l’ame qui est en péché mortel et semblable au diable: c’est pourquoi il ne peut y avoir de lèpre si laide…” (Histoire de saint Louis par Jean Sire de Joinville / Ed. par N. de Wailly. P., 1878. P. 26).

сердное отношение к прокаженным, он исцелил Симеона-прокаженного (Лук. 17, 11–19) и облегчал страдания прокаженных. В сочинениях теологов и проповедников милосердное отношение к этим несчастным постепенно осмысляется как обращение к Богу, а проказа – как напоминание о страданиях Христа, да и сам Спаситель нередко является в агиографической литературе в облике прокаженного. Многие христианские святые – от Елизаветы Тюрингнской до Франциска Ассизского и Людовика Святого – по примеру Христа заботились о прокаженных, проявляя тем самым высшую христианскую добродетель – смирение (*humilitas*).

Помимо библейской на отношение средневекового общества повлияла и античная традиция. Оценки проказы заимствовались не только из Библии, но и из произведений античной медицины – прежде всего Гиппократа. В этих сочинениях утверждалась идея того, что проказа – болезнь заразная и передается половым путем. Так, считалось, что чрезмерная чувственность или половые контакты, идущие вразрез с библейскими запретами, могут стать причиной заболевания: дети от этого союза рождаются прокаженными, а сама лепра передается по наследству[11]. Нередко этиологию болезни возводили к гуморальной теории, объясняя ее возникновение разлитием черной желчи[12]. В любом случае представления, сформированные античной медициной, оказывали влияние на образы прокаженных в теологических сочинениях и проповедях, и часто моральная теология, заимствуя медицинские знания, усугубляла связь между болезнью и грехом.

Античная и христианская традиции, которые определяли отношение средневекового общества к проказе, были настолько сложны и противоречивы, что позволяли людям Средневековья занимать самые разные, а порой и противоречившие друг другу позиции в отношении лепры и ее жертв.

---

[11] Именно поэтому каноническое право настаивало на телесном разделении супругов, один из которых заболевает проказой: *Moreau-Neret A.* Op. cit. P. 25.

[12] *Bériac F.* Op. cit. P. 19.

***

Статус прокаженного в христианской Европе не был стабилен, он менялся со временем, и его по-разному трактовало как светское, так и церковное законодательство. Однако в целом уже в раннее Средневековье больные лепрой стали рассматриваться как социальные маргиналы – они были Другими. Как правило, прокаженных насильственным образом изолировали от общества, причем не столько из опасения заразы, сколько из боязни религиозной нечистоты, и относились к ним как к мертвецам. Уже в 643 г. эдикт Ротари требует изгнания прокаженного из дома и лишения его имущественных прав. Та же тенденция просматривается и в более позднем средневековом законодательстве: от каролингских капитуляриев до «Саксонского зерцала». О жесткой изоляции в средневековом обществе свидетельствует лапидарная формула французского юриста XIII в. Филиппа Бомануара: «Тот, кто поражен этой болезнью, умер для мира (*tost comme il est pris de cele maladie, il est mors quant au siècle*)».

На протяжении классического Средневековья формируется, хотя и не приобретает универсальный характер, особый литургический обряд ритуальных похорон больного проказой. В соответствии с этой процедурой, получившей название *separatio leprosorum*, прокаженный, болезнь которого удостоверял специальный совет (как правило, состоявший из врачей, священников и других больных), несколько дней готовился к переходу в новый статус. Затем с лицом покрытым черной вуалью он слушал мессу перед алтарем, сидя на застеленных черным покрывалом подмостках. В некоторых случаях после мессы разыгрывалась зловещая пародия на похороны: больного вели к открытой могиле на местном кладбище, затем он должен был войти в яму для погребения, над которой священник служил своего рода похоронную мессу — три раза бросал на голову прокаженного горстку кладбищенской земли и произносил речь, которая заканчивалась словами «*Sis mortuus mundo, vivens iterum Deo*» (Будь мертв для мира, вновь родившись для Бога)[13]. Священник внушал «мертвецу», что хотя его тело повреждено,

[13] Подробнее об этом см.: *Bériac F.* Mourir au monde. Les ordines de séparation des lépreux en France aux XVe et XVIe siècles // Journal of medieval history. 1985. Vol 11. № 3. P. 245–268.

но душа останется неприкосновенной, если он со смирением будет переносить тяготы болезни, которые сродни страданиям Христа. После этого больной получал специальную одежду прокаженного: короткую, с кусочком ткани (в виде гусиной лапки), как правило красного цвета, на груди, а также трещотку или колокольчик (**Илл. 1**), и его вели в хижину на краю селения или же в лепрозорий. Отныне этот человек не имел права появляться в местах скопления народа и входить в общественные здания, его свобода в повседневной жизни была существенно ограничена[14]. Как евреи, проститутки, сарацины и другие отверженные средневекового общества, прокаженные имели свой знак отличия[15] и подобно им подвергались социальной стигматизации.

Больной лепрой был оторван от своих родственников, семьи, и ему не оставалось ничего другого, как ждать приближения смерти. Хотя проказа не могла стать достаточным основанием для расторжения брака (Александр III (1159–1181) и Григорий IX (1227–1241) в своих «Декреталиях» окончательно подтвердили принцип нерасторжимости брака), каноническое право повсеместно декретировало телесное разделение супругов, стремясь таким образом предотвратить распространение проказы[16]. В результате иногда создавалась парадоксальная ситуация, когда супруги, оставаясь в браке, не виделись друг с

---

[14] Так, в некоторых регионах Франции в отношении прокаженных действовали самые различные запреты: они не должны были мыть руки и одежды в источнике и ручье, снимать одежду прокаженного, ходить по узким тропкам, по лугам; от них требовали касаться кустов только в перчатках, не прикасаться к детям и молодежи, не брать их вещей, есть и пить только в компании себе подобных: *Moreau-Néret A.* Op. cit. P. 25.

[15] См.: *Ulysse R.* Op. cit. P. 146–158.

[16] Как уже отмечалось, в средние века считалось, что она передается половым путем и по наследству: *Bériac F.* Histoire des lépreux. P. 207. Согласно распространенным представлениям, проказа передавалась косвенным путем: женщина, пообщавшаяся с прокаженным, не рисковала заболеть этой болезнью, однако могла в будущем заразить ею другого своего партнера. В «Тристане» Беруля переодевшийся в одеяние прокаженного главный герой, освободив Изольду из логова прокаженных, объясняет королю Марку, что он заразился этой болезнью от своей подруги, муж которой страдал проказой: «Ses sires ert mesiaus» (*Béroul.* Roman de Tristan / Ed. E. Muret. P., 1922. V. 3771).

другом. Третий Латеранский собор 1179 г. запретил совместную жизнь больных и здоровых, провозгласив принцип «*Leprosi inter sanos amodo non consevantur*»[17]. Прокаженному предписывалось не только уйти из семьи, но и оставить свое сословие, а также прекратить прежнюю профессиональную деятельность. Если у больного и могло быть имущество, у него не должно было быть наследников, и кто угодно мог унаследовать его собственность. И хотя общих правил для подобных юридических казусов в средневековой Европе не существовало, совершенно очевидно, что проказа означала для такого человека социальную смерть. Неслучайно Жуанвиль на вопрос св. Людовика отвечал, что предпочел бы скорее иметь 30 смертных грехов, нежели превратиться в прокаженного[18].

Поначалу в средневековом обществе забота о прокаженных возлагалась в основном на церковь, и именно местный епископ или аббат обязан был построить лепрозорий. Первые подобные учреждения представляли собой деревянные хижины, которые в случае необходимости было легко сжечь[19]. Священник также осматривал больного с целью подтверждения диагноза. Однако приблизительно с XII в. уже не церковная, но светская власть, в частности, городская, начинает заниматься прокаженными, привлекая медиков для засвидетельствования болезни[20], собирая средства у жителей города и создавая приюты (хосписы) для больных. Жизнь в таких лепрозориях походила на монастырскую: прокаженные давали обет послушания и целомудрия. Распорядок дня также напоминал монашескую общину: обитатели хосписа беспрестанно молились и выполняли различные религиозные обязанности – причащались, испо-

[17] *Fréville R.* Latran II, III et Latran IV. P., 1965. P. 221.

[18] “Et moi, qui jamais ne lui mentis, je lui répondis que j’aimerais mieux en avoir fait trente que d’etre lepreux” (Histoire de saint Louis par Jean Sire de Joinville. P. 28).

[19] В 550 г. был построен лепрозорий в Шалон-сюр-Сен, в 636 г. – в Метце, в 656 г. – в Вердене: *Jankrift K.P.* Op. cit. P. 114–116.

[20] Обычно специальное жюри состояло из медиков, цирюльников, хирургов и самих прокаженных. Некоторые из способов определения болезни были заимствованы у известных средневековых медиков – так, в соответствии с методами Арнольда из Виллановы, полагалось вливать в кровь прокаженного уксус, и если они смешивались, то это было доказательством болезни: Ibid. P. 114.

ведались, постились. После III Латеранского собора 1179 г., согласно булле Александра III, прокаженным была предоставлена определенная духовная автономия – у них появилось право иметь свою капеллу, капеллана и кладбище[21]. В стенах этих приютов протекала вся жизнь больных. Однако средств на их содержание часто не хватало, и далеко не всех принимали в лепрозорий, так что большая часть несчастных была обречена на нищенство и непрерывные скитания в поисках милостыни. Во время религиозных праздников (чаще всего в Пасху) им разрешалось входить в город и самим искать добычу. В надежде на исцеление прокаженные отправлялись в религиозные паломничества, и толпы больных можно было видеть у могил св. Мартина в Туре, св. Сульпиция в Бурже или св. Элуа в Нуайоне.

Несомненно, образ жизни людей знатных, но пораженных проказой, отличался от скудного быта основной массы больных. Среди прокаженных было немало представителей высшей знати – граф Рауль Вермандуа, который умер от проказы в 1167 г., герцогиня Бретани Констанция († 1201), граф Блуа Тибо VI († 1208) и другие. Таким больным разрешалось жить, пусть и в уединении, но в своем жилище; некоторые попадали в приюты для представителей своего сословия, принося туда свое приданое, благодаря чему жили в более благоприятных, чем их компаньоны, условиях. Но и эти привилегированные больные переставали выполнять свои профессиональные обязанности. То же правило сегрегации действовало и относительно лиц духовного звания: священники лишались звания и отправлялись в хоспис, прокаженные монахи либо изолировались в своих монастырях, либо отправлялись в приюты, с которыми монастырь заключал специальное соглашение.

В целом, несомненно, пораженные этой болезнью люди подвергались остракизму в обществе, которое относилось к ним с глубоким презрением. Они были отверженными в полном смысле слова. Во время эпидемий и прочих бедствий именно прокаженные вместе с евреями становились «козлами отпущения»: их обвиняли в колдовстве и общении с демонами, им приписывали самые разные преступления — от детоубийства до отравления колодцев, как это случилось, например, во

[21] *Avril J.* Le IIIe concile de Latran et les lépreux // Revue Mabillon. 1981. T. LX. № 284. P. 21–32.

Франции в 1321 г., когда они вместе с евреями оказались жертвами подобных подозрений[22].

***

Вопреки мнению Жюля Мишле, полагавшего, что распространение проказы в Европе в эпоху классического Средневековья являлось «грязным осадком» крестовых походов, эта болезнь, как мы видели, стала бичом общества значительно раньше. Однако нужно учитывать и то обстоятельство, что крестовые походы, безусловно, способствовали распространению лепры и уж во всяком случае именно в XII–XIII вв. в Европе возникло наибольшее число лепрозориев[23].

Многие авторы свидетельствуют, что проказа была достаточно распространенной в государствах крестоносцев болезнью. Хроника Готье Канцлера рассказывает о графе Серданьи Роберте, который во время битвы при *Ager Sanguinus* в 1119 г. попал в плен к эмиру Дамаска Тогтекину и погиб мученической смертью, отказавшись принять ислам. Хронист сообщает о том, что мусульмане, которые подвергли пленника пыткам, «не осмелились его касаться» (*non audent eum tangere*), намекая на его болезнь, о которой *expressis verbis* сообщает другой автор – арабский историк Кемаль-ад-Дин[24]. Жителям Иерусалимского королевства приходилось постоянно сталкиваться с проказой в повседневной жизни, например, на невольничьем рынке. В «Книге Ассиз Суда горожан», той части «Иерусалимских ас-

---

[22] *Guillaume de Nangis* Chronique // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. P., 1825. P. 78.

[23] "L'institution des léproseries, ladreries, maladreries, le sale residu des croisades, était mal vue, mal voulue, tout comme l'ordre du Temple, depuis qu'il n'y avait plus rien à faire pour la Terre Sainte" (*Michelet J.* Histoire de France depuis les origins jusqu'à la fin du XVe siècle. Bruxelles, 1840. T. 3. Livre V. P. 456). Во времена св. Людовика только во Франции было уже около 800 лепрозориев: *Bériac F.* Histoire des lépreux. P. 210.

[24] "Ad ipsum quai ad monstusm confluent, non ut a poenis redimant, sed ut hunc admirando illudere, illudendo cruciare et cruciando membratim valeant discerpere, et hoc saevo vindicare genere dolorem sum ab ipso eisdem ex longo tempore illatum gaudeant minuere; domino vero prohibente, non audent eum tangere" (*Galterius Cancelarius* Bella Antiochena // RHC. Hist. Occ. P., 1895. P. 125–126). См. также: *Kemal-ad-Din* Extrait de la Chronique d'Alep // RHC. Hist Or. P., Vol. III. P. 621–622.

сиз» (основного свода законов государства крестоносцев)[25], которая регулировала отношения между неблагородными жителями государства, говорится о продаже рабов, которые, как выясняется уже после сделки, оказывались прокаженными. В этом случае покупатель имел право в течение 1 года и 1 дня вернуть их продавцу и потребовать возмещения за убытки[26].

Пораженных этой болезнью людей – а их, судя по всему, было достаточно много – в Иерусалимском королевстве содержали в лепрозориях. Как известно из исследований Сильвии Шайн, еще до крестовых походов в Святой Земле для паломников было создано большое число странноприимных домов и госпиталей[27]. Некоторые из них были связаны с военным орденами, другие зависели от церквей и монастырей. Наиболее известный госпиталь для прокаженных в Иерусалиме был основан армянскими монахами еще до крестовых походов и находился под покровительством греческого патриархата[28]. Именно на его основе уже под протекторатом латинского патриархата

---

[25] О нем см.: *Лучицкая С.И.* Источниковедческие особенности «Иерусалимских ассиз» в медиевистике XIX–XX вв. // Средние века. М., 1988. Вып. 51. С. 51–68.

[26] "S'il avient que un home ou une feme vende à un autre home ou à une feme un esclaf ou une esclave, et il avient puis que l'esclaf ou l'esclave chiet dou mauvais mau dedens l'an et le jor qu'il fu vendu, seluy ou cele qui l'aura acheté le peut bien rendre à celuy qui li vendy dedens l'an et le jor. Et celuy est tenus par dreit de recouvrer la, et de rendre li ce que il en aura pris. Mais puis que l'an et le jor est passé, celuy qui acheta l'esclaf ou l'esclave ne la peut puis rendre à celui qui li vendi, par dreit ne par l'asise dou reaume de Jerusalem" (Livre des Assises de la Cour des Bourgeois / Ed. M. Le Comte Beugnot // Recueil des Historiens des Croisades. Lois. P., 1843. Vol. 2. Cap. XXXV).

[27] *Schein S.* Latin Hospices in Jerusalem in the Late Middle Ages // Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins. 1985. Bd. 101. H. 1. S. 81–92. См. также: *Richard J.* Hospitals and Hospital Congregations during the First Period of the Frankish Conquest // Outremer / Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem Presented to Joshua Prawer. Jerusalem, 1988. P. 89–100.

[28] Еще в 30-е гг. XII в. армянский монах дает хоспису цистерну в обмен на пропитание, о чем сообщают хартии из картулярия, опубликованные в «Архивах латинского Востока»: *Comte de Marsy.* Fragment d'un cartulaire de l'ordre de St-Lazare en Terre Sainte // Archives de l'Orient latin. P., 1881. Vol. II. Doc.1 (далее: Cartulaire).

был создан т.н. дом св. Лазаря (*domus sancti Lazari*), в котором жили страдавшие лепрой рыцари-крестоносцы. В их распоряжении за пределами города (*extra muros*) располагалось здание (*maladerie*), которое, судя по источникам, и было пристроено с правой стороны к воротам св. Стефана и находилось рядом с носившей также имя св. Лазаря потерной, через которую можно было тайно пробраться в Иерусалим[29].

Что представляло собой это учреждение? Судя по всему, вначале это была просто больница при церкви, где врачи и священники ухаживали за больными, но со временем она превратилась в конвент (наподобие монастыря), состоявший из прокаженных рыцарей и обладавший правами самоуправления. В хартиях это учреждение называется то «домом прокаженных св. Лазаря» (*domus leprosorum sancti Lazari*)[30], то «церковью св. Лазаря» (*ecclesia sancti Lazari*)[31], иногда «конвентом прокаженных Иерусалима» (*conventus leprosorum Jerusalem*)[32] или «конвентом немощных» (*conventius infirmorum Sancti Lazari*)[33]; в некоторых хартиях встречаются выражения «прокаженные церкви св. Лазаря» (*leprosi sancti Lazari*)[34] или же «немощные св. Лазаря» (*infirmi sancti Lazari*)[35]. Почти невозможно проследить по документам, когда этот хоспис превратился в т.н. орден св. Лазаря — аристократическую организацию рыцарей, которых объединял их общий недуг. Во всяком случае уже в «Книге для короля» — другой части «Иерусалимских ассиз» — гово-

[29] “A main destre de la porte Saint Estienne estoit la Maladerie de Jherusalem tenant aux murz. Devant a la Maladerie avoit une posterne que l’on apeloit la posterne de Saint Ladre” (L’Estoire de Eracles empereur. Continuation de Guillaume de Tyr de 1221 a 1261 dite du manuscript de Rothelin. RHC. Hist. Occ. T. II. P., 1859. P. 500). Продолжатель хроники Гийома Тирского рассказывает о том, как монах-шпион воспользовался этой потерной во время борьбы придворных группировок: “Il vaint a la maladerie de Jerusalem qui tient as murs. Là avoit une posterne petite, par la on entroit en la cite” (Continuation de Guillaume de Tyr par Bernard le Tresorier. P., 1924. P. 39).

[30] Cartulaire. Docs. I, VI, XVII, XXXIX.

[31] Ibid. Docs. III, XIII, XXII.

[32] Ibid. Doc. XVI.

[33] Ibid. Docs. XI, XXIII.

[34] Ibid. Docs. VIII–IX.

[35] Ibid. Docs. V, VII, VIII.

рится об «Ордене св. Лазаря» *(l'ordre de st Ladre*), в котором должны содержаться пораженные этой болезнью люди[36]. То, что «дом прокаженных» в Иерусалиме действительно имел статус ордена, подтверждает и устав тамплиеров, согласно которому заболевший проказой рыцарь должен был удалиться в «орден св. Лазаря»[37]. Все те же хартии подтверждают, что примерно к середине XII в. *domus sancti Lazari* являлся уже не просто церковью (*ecclesia*) и даже не монастырем (*conventus*), но в нем, как в настоящих рыцарских орденах, были свои магистры: магистр Варфоломей впервые упоминается в хартии под 1153 г.[38], известны и имена других магистров – Гуго де Сен-Поль (*fratri videlicet Hugoni de Sancto Paulo qui nunc est magister locis illius*)[39], Ламберт (*Lambertus*)[40], Рейно де Флори (*Rainaldo de Flori, magistro domus leprosorum*)[41], Готье де Невшатель[42]. Прокаженные рыцари жили по уставу монахов-августинцев, о чем свидетельствует поздняя (1255 г.) грамота папы Александра IV, закрепившая уже существовавшие правила жизни ордена св. Лазаря[43].

Судя по всему, «дом св. Лазаря» был привилегированным аристократическим учреждением, в пользу которого с середины XII в. короли и высшая знать государства крестоносцев осуществляли регулярные пожертвования. Среди дарителей значились королева Мелизанда и ее сын Бодуэн III[44], король Амори I[45], сеньор Тивериады и Бейрута[46], регент Бодуэна IV

---

[36] См.: "Il deit estre rendue en *l'ordre de saint Ladre*, là où est estably que les gens de tel maladie deivent estre" (Livre au Roi. Assises de Jérusalem // Recueil des Historiens des Croisades. Lois. P., 1841. Vol. 1. Cap. LXII, далее: Assises de Jérusalem).

[37] "Que il demande congié de la maison et que il se rende a saint Ladre" (La Règle du Temple / Publ. par H. de Curzon. P., 1886. § 442).

[38] Cartulaire. Doc. XI.

[39] Cartulaire. Doc. XV (упоминается под 1155 г.).

[40] Cartulaire. Doc. XI (хартия 1164 г.).

[41] Cartulaire. Doc. XXXVII (1224 г.).

[42] Cartulaire. Doc. XXV (1228 г.).

[43] Regesta Pontificum Romanorum / Ed. A. Potthast. B., 1875. Vol. II. № 15761.

[44] Cartulaire. Doc. II (дарение от 1142 г.); Doc. VII (дарение от 1150 г.).

[45] Ibid. Docs XV, XXII.

[46] Ibid. Docs. III, XXIII.

Раймунд Триполитанский[47], представители знатной семьи Онфруа ле Торон[48]. Кроме представителей светской власти дарителями выступали и высшие церковные сановники: епископ Рамлы[49], архиепископ Цезарии[50], а также известные юристы Иерусалимского королевства, в частности, Жоффруа Ле Тор[51]. Ордену жаловались пахотные земли[52] и виноградники[53], дома[54], деревни[55], но еще чаще продуктовые ренты, как, например, урожай от виноградника[56] или даже вино[57], а также (и прежде всего) денежные ренты – например, право взимать рыночные и портовые сборы в Триполи[58], Тивериаде[59], Акре[60]. Как видим, не земля, а право на получение различных рент было основной собственностью больных рыцарей. Следует отметить, что такой источник доходов, как денежные ренты, был очень характерен для Иерусалимского королевства, в котором знать владела главным образом различными видами городской собственности, прежде всего рентными фьефами[61].

Орденом св. Лазаря интересовались не только государи Иерусалимского королевства, но даже французские монархи – судя по хартиям, видимо, в 1154 г. французский король Людовик VII подарил ордену замок Буаньи (*Balivicum*) за пределами Иерусалимского королевства, во Франции[62], тем самым заложив фундамент для будущих командорств ордена. В хартиях

---

[47] Ibid. Doc. XXX.
[48] Ibid. Doc. VI.
[49] Ibid. Doc. IV.
[50] Ibid. Doc. XXXVII.
[51] Ibid. Doc. XVII.
[52] Ibid. Docs. II–III, VII, IX.
[53] Ibid. Docs. VIII, XI.
[54] Ibid. Doc. XVIII.
[55] Ibid. Doc. XV.
[56] Ibid. Docs. IV–VI.
[57] Ibid. Doc. XIX.
[58] Ibid. Doc. XXX.
[59] Ibid. Doc. XXXVI.
[60] Ibid. Docs. XXVIII–XXIX.
[61] См. об этом: *Лучицкая С.И.* Господствующий класс Иерусалимского королевства: структура, эволюция, особенности. М., 1989. С. 79–108 (на правах рукописи).
[62] Cartulaire. Doc. XII.

говорится о том, что все эти дарения осуществлялись в благочестивых целях – за упокой души: «за души моих отца и матери» (*pro animabus patris et matris mee*)[63], «во спасение их душ» (*pro remedium animarum suarum*)[64], а также в качестве безвозмездного пожалования – в виде милостыни (*elemosina*)[65]. Нигде не сообщается о том, что рыцари обязаны были какой-то службой за предоставляемые им земли и ренты.

Судя по всему, уже в эпоху Первого Иерусалимского королевства орден обладал собственностью, пусть и не такой значительной, какой владели тамплиеры и госпитальеры. После падения Иерусалима в 1187 г. и распада Первого Иерусалимского королевства лазариты вынуждены были переместиться в Акру – новую столицу. Тамплиеры, с которыми они были, видимо, тесно связаны, передали им часть своей земли в северном квартале Монмусар около ворот св. Лазаря за незначительный ежегодный взнос в 15 безантов[66]. В XIII в. орден продолжал получать пожалования в виде портовых доходов[67], денежных рент[68], недвижимости[69] и земли[70]. Кроме того император Фридрих II подтвердил права ордена на прежде пожалованные ему земли[71], но в целом приобретения ордена в XIII в. оказались менее значительными по сравнению с предыдущим периодом.

Как была организована повседневная жизнь в ордене? Судя по хартиям, чтобы стать его членом, нужно было внести определенный взнос. Так, в 1248 г. некий Этьен из Салерно передал братьям 10 су с целью пристроить в хоспис своего больного проказой сына[72]. В 1164 г. сеньор Бейрута Готье Брисбарр пе-

---

[63] Ibid. Doc. XVIII.
[64] Ibid. Doc. III и другие.
[65] Ibid. Docs. II, XI, XVI, XXV, XXVII.
[66] Об этом свидетельствует зафиксированная в 1240 г. в хартии сделка магистра тамплиеров Армана де Перигора и лазаритов: “De communi consilio…fratris…dedimus et concessimus magistro et fratribus domus sancti Lazari leprosorum Jerosolimitani in civitate Accon” (Ibid. Doc. XXXIX).
[67] Ibid. Doc. XXXII.
[68] Ibid. Doc. XXXVI.
[69] Ibid. Doc. XXVII.
[70] Ibid. Doc. XXXIX.
[71] Ibid. Docs. XXXIV–XXXV.
[72] Ibid. Doc. XL.

редал половину своего виноградника ордену на тот случай, если он пожелает присоединиться к братьям[73]. Примечательно, что даритель сообщал о причинах своего пожертвования — стремлении к отречению от мира: «Я желаю стать братом этого дома, если, быть может, пожелаю отречься от мира»[74]. Именно этот мотив, а отнюдь не болезнь, склонял рыцаря к выбору братства. Это обстоятельство скорее всего свидетельствует о том, что жесткой сегрегации в ордене не было. Членами конгрегации становились рыцари, происходившие из весьма знатных и известных семейств латинского Востока — например, как уже упомянутый Готье Брисбарр или Эусташ сеньор Цезарии[75], или Готье сеньор Бейрута[76]. Становясь членами братства, они передавали ордену и свои владения, иногда весьма значительные (так, Эусташу, вступившему в орден, его брат Гуго отдал рощицу (*viridarium*) и дом), и могли вести достаточно непринужденный образ жизни.

Конечно, среди братьев были и нуждающиеся — именно так назвал их король Амори, предоставляя в качестве *elemosina perpetua* доходы от ворот Давида (*degentibus elemsinam perpetuam*)[77]. Содержание хосписа и обеспечение всех братьев средствами существования оставалось главной проблемой их повседневной жизни, и без пожалований высшей аристократии было, конечно, трудно обойтись. Так, в 1234 г. архиепископ Цезарии Петр передал ордену дом и церковь *Pain Perdu* для обеспечения «пропитания прокаженных и других служащих там Богу» (*ad sustentationem leprosorum et aliorum ibidem deo servientium*)[78]. Впрочем похоже, что орден св. Лазаря, пользуясь поддержкой королей и знати, был в состоянии удовлетворить нужды госпиталя иначе, чем это делалось на средневековом Западе. Так, если в Европе в лепрозории не хватало мест, то «лишних» больных выгоняли. А о том, как поступали на латинском Востоке, свидетельствует хартия от 1159 г., в которой

---

[73] Ibid. Doc. XXI.
[74] “Ego G(ualterius) Brisebarre domus istius frater esse volo, et si forte renuntiare speculum voluero” (Ibid.).
[75] Ibid. Doc. XVIII (дарение от 1160 г.).
[76] Ibid. Doc. XXXIII (дарение от 1226 г.).
[77] Ibid. Doc. XXVII (дарение от 1171 г.).
[78] Ibid. Doc. XXXVII.

упоминается о новом пожаловании королевы Мелизанды — правительница предоставляла прокаженным рыцарям пустошь (*gastinam*) с той целью, чтобы разместить на этой территории больных, для которых в госпитале не нашлось места[79]. Возможно, предполагалось, что эти новые члены братства будут возделывать незаселенный участок земли.

Внутри ордена явно существовала своя иерархия, судя по хартиям, в ордене имелись «прокаженные братья» (*fratres leprosi*) и те, «кто им служат» (*eorum servientibus*)[80]. Непонятно, какие между ними складывались взаимоотношения. Возможно, подразумевались больные члены ордена и здоровые, которые их обслуживают, как это было в ордене госпитальеров[81]. Во многих хартиях упоминается о том, что в ордене св. Лазаря прокаженные рыцари служат Богу (*Deo servientes*)[82]. Сама формулировка «*Deo servire*», конечно, предполагает, что члены братства выполняли обязанности, какие в то время надлежало исполнять монахам[83]. К сожалению, устав ордена св. Лазаря не сохранился, поэтому мы не знаем, что означало для лазаритов «служить Богу» и в чем заключались их религиозные обязательства, но мы можем судить об этом хотя бы по аналогии – на основании того, что нам известно о повседневной жизни тамплиерам и госпитальерам. Например, устав тамплиеров говорит о том, что рыцари должны были помогать капеллану во время службы, а в канонические часы дня (утреню, лауды, вечерню, комплеторий и пр.) читать определенное число *Pater noster* — от 14 до 26 раз в каждый молитвенный час[84]. Что касается госпитальеров, то, судя по их уставу, только во время заупокойной мессы по умершему брату они должны были 150 раз прочитать

[79] “Quendam leprosum super numerum” (Ibid. Doc. XV).
[80] “Sancti Lazari leprosis fratribus eorum servientibus” (Ibid. Doc. X).
[81] Например, в хартии от 1234 г. говорится о «прокаженных и других служащих Богу» (*leprosorum et aliorum ibidem deo servientium*): Ibid. Doc. XXXVII.
[82] “Infirmis ibidem Dei servientibus” (Ibid. Doc. XXVI); “Toti leprosorum ibidem Do(mi)nio servienti modo conventui” (Ibid. Doc. X) .
[83] См. о повседневной жизни монахов: *Moulin L.* La vie quotidienne des religieux au Moyen Age, X^{e}–XVe siècles. P., 1978.
[84] См.: La Règle du Temple. §§ 29–30, 287–290. 300–308, 362–365.

Отче наш[85]. Можно предположить, что лазариты молились, постились, исповедовались и исполняли другие ритуалы во спасение души. К сожалению, у нас нет сведений о том, были ли внутри ордена священники, но скорее всего должны были быть – ведь, как уже говорилось, булла Александра III от 1179 г. разрешала прокаженным иметь капеллу и собственного капеллана.

Разумеется, одна из функций ордена прокаженных, который возник на основе госпиталя, заключалась в том, чтобы лечить больных, облегчать их страдания. Кроме того братья выполняли различные хозяйственные функции — ведь в их руках было сосредоточено немало собственности, о которой нужно было заботиться. Примечательно, что они, по-видимому, своими силами обрабатывали подаренные им знатью пахотные земли и виноградники. Такое предположение можно сделать на основе хартии 1164 г., в которой сообщается, что пожалованным сеньором Бейрута виноградником «владеет магистр Ламберт», который и «должен его обрабатывать»[86]. В хартии от 1144 г. королева Мелизанда и ее сын Бодуэн III подтверждали владение прокаженными виноградником, который они сами насадили (*leprosi plantaverunt*)[87].

Наконец, одна из важных функций ордена прокаженных заключалась в ведении войны. На то, что к военным походами и экспедициям они имели отношение, косвенно указывает хартия от 1164 г. где говорится о том, что иерусалимский король Амори обещал ордену передавать по одному рабу нерыцарского происхождения в каждом походе, в котором удастся пленить 10 рабов[88]. Из хроник известно, что прокаженные рыцари действительно принимали участие в ряде важнейших сражений крестоносцев против мусульман. Как уже отмечалось, проказа – болезнь, которая развивается медленно, и это обстоятельство, видимо, позволяло братьям св. Лазаря на какой-то стадии принимать участие в боевых действиях. Можно предположить, что

[85] Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem (1100–1310) / Ed. par Joseph Delaville Le Roulx. P., 1898. T. 1. § 14.
[86] "Vineam istam magister Lambertus renet et laborare debet" (Cartulaire. Doc. XXI).
[87] Ibid. Doc. III.
[88] Ibid. Doc. XXII.

устрашающий внешний вид прокаженных рыцарей должен был производить на их противников большое впечатление. В 1244 г. лазариты наравне с другими воинами сражались в битве при Ла Форби (около Газы) против армии хорезмшаха. Как явствует из писем иерусалимского патриарха Роберта, которые приводятся в хронике Салимбене, все члены ордена погибли в этом бою[89]. В известной битве при Мансуре, состоявшейся в феврале 1250 г., во время которой был пленен Людовик Святой, лазариты находились рядом с королем[90]. Правда, их военные успехи были, вероятно, не столь значительны, как об этом свидетельствует рассказ Жана Жуанвиля о военном рейде прокаженных рыцарей в 1252 г. Сенешаль достаточно обстоятельно повествует об этой неудавшейся экспедиции. Пока король находился в лагере около Яффы, магистр лазаритов охотился за добычей в нескольких лье от Рамлы. Неожиданно на него напали сарацины и перебили все его войско, только четырем рыцарям удалось спастись. Глава ордена стал взывать о помощи к единоверцам, и Жуанвиль, услышав его крик, попросил короля отправиться на помощь, взяв с собой несколько тамплиеров и госпитальеров. Когда они прибыли на место происшествия, то обнаружили на равнине, где магистр потерпел поражение, других сарацин, которых атаковали сопровождавшие сенешаля арбалетчики[91].

Известно, что рыцари ордена св. Лазаря участвовали и в битве при Хитине в 1187 г. и в других сражениях[92]. Никто из крупных средневековых историков крестовых походов не пишет об этом, хотя роль тамплиеров и госпитальеров отмечается ими всегда. Тем не менее, сам факт участия братьев-лазаритов в битвах и сражениях представляется совершенно уникальным,

---

[89] *Salimbene de Adam*. Chronica / Ed. G. Scalia Bari, 1966. P. 255.

[90] *Matthei Parisiensis* Historia Anglorum // Rolls Series. L., 1869. Vol. 3. P. 84.

[91] “Tandis que le roi était au camp devant Jaffe, le maître de St Ladre ot espié delez Rames, à trois grans lieus, bestes et autres choses la ou il cuidoit faire un grant gaaing, et il qui ne tenoit nul convoy en l’ost, ainçois fesoit sa volentei en l’ost sanz parler au roy ala là. Quant il ot aqueillie sa partie, li Sarrazin li coururent sus et le desconfirent en tel maniere**,** que toute sa gent que il avoit avec li en la bataille, il n’en eschapa que quatre…” (Histoire de saint Louis par Jean Sire de Joinville. P. 296).

[92] *Grousset R.* Histore des croisades et du royaume franc de Jérusalem. P., 1935. T. 2. P. 628.

особенно если вспомнить, что на средневековом Западе в это время прокаженные, даже рыцари благородного происхождения, не имели права выполнять свои сословные и профессиональные обязанности. Еще более поразительно, что и во главе самого ордена долгое время стоял прокаженный рыцарь. Только в 1253 г. папа Иннокентий IV отступил от существовавшего обычая и разрешил лазаритам избирать своего магистра из числа здоровых братьев[93].

О том, что сегрегация в Иерусалимском королевстве не была столь жесткой, как в Западной Европе, свидетельствует и устав тамплиеров, поясняющий статус прокаженного рыцаря. Заболевшего умоляли покинуть орден, но ему приличествовало самому предупредить о своей болезни братьев и попросить их «отпустить его к св. Лазарю». Примкнув к лазаритам, бывший тамплиер не порывал со своей общиной — она должна была заботиться о том, «чтобы он не испытывал нужды в вещах, которые ему будут предоставлены для его бедного существования, пока он будет жить»[94]. Но сегрегация была вовсе не обяза-

[93] См.: “Fuit nobis humiliter supplicatus ut eligendi de cetero aliquem sanum ex fratribus predicte domus in magistrum ipsius” (Le Registre d’Innocence IV. P., 1857. Vol. 3. № 6204).

[94] «Когда случится с братом так, что по воле Господа нашего он станет прокаженным и сие будет доказано, прюдом ордена должен его предупредить и умолять о том, чтобы он покинул орден и отправился к Святому Лазарю, и больной брат, если он человек доброй воли, должен их послушаться, а еще лучше бы он для них сделал, если бы попросил их отпустить его к святому Лазарю, прежде чем его предупредили и просили об этом. И если брат просит его отпустить туда, магистр или тот, кому он доверяет, должен его отпустить, но он должен его также показать братьям, а после этого магистр и прюдом дома должны его обеспечить и помочь ему облачиться в одеяние св. Лазаря. И они должны тщательно заботиться о том, чтобы этот брат, который таким образом будет определен к св. Лазарю, не испытывал нужды в вещах, которые ему будут предоставлены для его скудного существования пока он будет жить» (Quant il avient a aucun frere que par la volenté de nostre Seigneur il chiet en meslerie et la chose est provée, li prodome frere de la maison le doivent amonester et prier que il demande congié de la maison et que il se rende a saint Ladre, et le frere malade se il est hom de bien lor en doit obeir, et encores lor seroit bele chose que il requiert le dit congié par sei meismes devant que l’on l’eust amonesté ne

тельна: если заболевший проказой брат проявлял строптивость и не желал уходить из своего ордена, то тамплиеры были не вправе «отнимать у него облачение» и выгонять его из дома — он, пусть и изолированно от других братьев, продолжал жить среди них, и они обязаны были его содержать[95].

Как уже отмечалось, в хартиях, зафиксировавших крупные пожалования ордену св. Лазаря, ничего не говорится о военной службе за фьефы, хотя, как мы видели, лазариты участвовали во многих сражениях. Однако недостающие сведения на этот счет мы можем найти в упоминавшемся выше законодательном своде – «Иерусалимских ассизах». В частности, «Книга для короля» поясняет прежде всего права и обязанности т.н. лигиев (*homes liges*) – непосредственных вассалов правителя, представителей высшей знати Иерусалимского королевства, которые в случае болезни направлялись в орден св. Лазаря. Как подчеркивается в «Иерусалимских ассизах», даже *home lige* мог находиться в ордене и пользоваться своим фьефом и привилегиями лишь до тех пор, пока обеспечивал военную службу за свой

---

prié. Et se le frere requiert ledit congié, le Maistre ou celui a qui il afiert li doit doner ledit congié, mès il li doit faire esgart des freres; et après, le Maistre et li prodome de maison li doivent porchacier et aidier com li abit de saint Ladres li soit donés. Et se doivent prendre garde estudiousement que tel nostre frere, que en tel maniere sera rendus a saint Ladre, n'ait grant mesaise de les choses qui li soient mestier a sa povre soustenance tant come il vivra) (La Règle du Temple. § 443).

[95] «И однако знайте, что если брат, который так станет прокаженным, будет столь суров, что не пожелает попросить его отпустить из ордена и уйти из дома, не можно и не должно отнимать у него его облачение или выгонять из дома, но, как это сказано и относительно других, имеющих скверные болезни, его нужно удалить из общества рыцарей и в этом месте давать ему его содержание» (Mais toutesfois bien sachiés que si le frère qui en tele maniere sera devenu meseaus fust si durs que il ne vousist demander le congié devant dit ne partir soi de la maison, l'on ne le doit ni ne puet jeter l'abit ni oster, ni jeter fors de la maison, mais, ensi come dessus est dit des autres qui ont laides maladies, le doit l'on metre a une part fors de la compaignie des frères et en cele place doner li sa soustenance) (La Règle du Temple. § 444). Примечательно, что устав одинаковым образом обустраивает жизнь внутри общины тамплиеров как прокаженного, так и страдающего эпилепсией или получившего серьезные ранения рыцаря: Ibid. § 438 и § 442.

фьеф. Это не значит, что он сам нес военную службу – как говорится в ассизах, он мог, не покидая своих братьев-лазаритов, нанять какого-то другого рыцаря или сержанта, а оставшиеся после этого средства – видимо, рентные фьефы – потратить на себя[96]. Кто были эти рыцари и сержанты, которые соглашались выполнять, видимо, за определенную плату, военные обязательства, возложенные на привилегированных членов ордена св. Лазаря? Очевидно, они находились на другом полюсе рыцарской корпорации, и их правовой и имущественный статус был намного ниже. Подобная поляризованная структура ордена вполне соответствует идеальной картине рыцарского общества, нарисованной в «Иерусалимских ассизах». В этом памятнике выделяются высшие слои рыцарства: четыре барона (*des barons et des haus homes dou dit roiaume*)[97], располагающие прерогативами публичной власти и обеспечивающие службу сотне вассалов, а также лигии (*homes liges*) – сеньоры 22-х крупнейших сеньорий, также обладающие исключительными правами и выполняющие значительные военные обязательства[98]. На другом относительно высших аристократов полюсе находились обычные рыцари, арьер-вассалы, которые не имели таких прав и могли совершать пожалования из своего фьефа только с согласия сеньора[99]. Сохранившийся в «Книге Жана Ибелина» список вассальных служб, которые было необходимо обеспечивать для защиты государства крестоносцев[100], свидетельствует, что большинство рыцарей владели т.н. безантовыми фьефами, полученными ими от более крупных сеньоров (*homes liges*) при найме к ним на службу. В числе этих крупных сеньоров были, как ни странно, и прокаженные рыцари, о которых говорит

[96] “Si juge la raison que tant come il vivra, si peut faire deservir son fié par un autre chevalier en son leuc ou par un sergent, se le fié est de sergent ; et le remanant des biens de son fié det il aver tant come il vivra là où il est rendu” (Livre au Roi. Cap. LXII).

[97] Livre de Jean d’Ibelin // Assises de Jérusalem. Cap. III; “…Les homes qui tiennent fie dou chief seignor seit baronie ou seignorie…” (Ibid. Cap. CXLII).

[98] Ibid. Cap. CCXLI.

[99] “Ciaus qui donent aucune chose de leur fié…le deivent faire en la court dou seignor de qui il tienent cel fié” (Ibid. Cap. CLXXXIX).

[100] *Richard J.* Les listes de signeuries dans “Le livre de Jean d’Ibelin”. Recherches sur l’Assebebe et Mimars // RHDFE. 1954. T. 32. № 4. P. 565–577.

«Книга для короля». Если вспомнить о том, что, судя по приведенным ранее хартиям, эти сеньоры владели землями и рентными фьефами, то можно представить, что таким состоятельным феодалам, как, например, упомянутые Эусташ из Цезарии или Готье Брисебаррский, было совсем не трудно нанять на службу менее состоятельных и бесправных рыцарей.

«Книга для короля» не делает различия между здоровыми и прокаженными высшими вассалами короля, которые, несмотря на болезнь, продолжали выполнять свои сословные и профессиональные обязательства Судя по «Книге для короля», похоже, что проказа, которая на Западе была настоящим клеймом, не оказывала существенного влияния на положение представителей высшей знати государства крестоносцев. Даже будучи прокаженными, они оставались рыцарями и входили в высший привилегированный слой знати.

Это не удивительно, если вспомнить о том, каким высоким статусом пользовались в Иерусалимском королевстве рыцари. В ассизах отражена идея социальной избранности и превосходства рыцарского сословия перед всеми другими. Как подчеркивает крупнейший иерусалимский юрист Жан Ибелин, социальной статус рыцаря был обусловлен «честью и привилегиями, которые рыцари и рыцарство имеют и должны иметь перед всеми прочими»[101]. К середине XIII в. иерусалимские феодалы получили две исключительные и характерные только для для местной знати привилегии. Согласно ассизе этого времени, ни рыцарь, ни знатная дама не могли быть заключены в тюрьму[102]. Другая ассиза XIII в. провозглашала исключительное право высших сеньоров-лигиев не слезать с лошади во время осады города[103]. «Иерусалимские ассизы» в целом подчеркивали при-

[101] “Por l’honor et la hautece que chevaliers et chevalerie a et doit avoir sur totes autres manieres de gens” (Livre de Jean d’Ibelin. Cap. III).

[102] “Chevalier ne ne puet ne ne deit par l’assises dou reaume de Jerusalem estre aresté por dette que il deit” (Ibid. Chap. CXV).

[103] Эта ассиза сохранилась лишь в составе венецианской рукописи, опубликованной Флорио Бустроном: “L’assisa del re Amelrico fatta nella città de Belfes…cha cavaleria non sia tenuta far lo servitio nella expugnation de città o de castell ne in loco dove non lo potesse portar il cavallo senon fosse assediato por defender la sua persona….” (*Bustrone F.*

вилегированное положение рыцарства по отношению к другим сословиям, они свидетельствовали о все большей аристократизации и юридическом обособлении высшей знати Иерусалимского королевства. Вследствие этого многие правовые и прочие ограничения (в частности, те, что влекло за собой положение прокаженного), которые на средневековом Западе действовали даже в отношении крупнейших феодалов, не имели подобной силы в государстве крестоносцев.

Но скорее всего исключительное положение Иерусалимского королевства, которое находилось в состоянии постоянной войны и испытывало недостаток в воинах, явилось причиной того, что даже прокаженные рассматривались здесь как потенциальные вассалы или же как рыцари, которые, пусть сами и утратили способность воевать, но все же могли обеспечить военную службу. Видимо, именно ради этой цели ассизы специфическим по сравнению с Западом образом определяли и имущественные, и юридические права прокаженных лигиев. Это хорошо видно по тем разделам данного правового памятника, которые регулируют семейное право. В случае болезни рыцаря (*home lige*) «Иерусалимские ассизы» разрешали супругам, вопреки каноническому праву, развестись, требуя, как и на Западе, телесного разделения супругов и помещения их в разные хосписы[104]. Судя по всему, в Иерусалиме рядом с госпиталем св. Лазаря существовал и женский лепрозорий[105]. Таким обра-

---

L'alta e la bassa cortem le assise ele bone usanze de Hyerusalem. Venetia, 1535. P. 167).

[104] «Но если это лигий имеет жену, согласно праву их брак должен быть расторгнут, и они не должны находиться вместе, так что его жена должна уйти в женский монастырь, так как другие мужчины, которые будут с ней плотски общаться, могут быть также изуродованы этой болезнью» (Mais se celuy home lige avoit feme, la raison et le dreit juge que celui mariages det estre partis, si que mais ne devent estre ensemble, ains det estre sa moiller rendue en l'ordre des femes nounains, por ce que ce autres homes touchassent à luy charnelment, si porreent estre mahaignés de cele maladie; et por ce det estre en ordre auci com ses maris) (Livre au Roi. Cap. XLII).

[105] Продолжатель хроники Гийома Тирского сообщает, что в 1187 г. Саладин осадил оба здания: "Le vednredi par matin il assegea de lez la maladerie des femes et por devant la maladerie des homes et devant la tor

зом, живя раздельно, но по соседству друг с другом, бывшие супруги могли к тому же, как утверждается в «Иерусалимских ассизах», делить поровну доходы от фьефа, но при одном непременном условии: если они обеспечивали военную службу за фьеф[106]. Вразрез с существующими на средневековом Западе принципами прокаженный рыцарь мог передать свой фьеф наследнику[107]. Не только его супруга, но и дети, а также другие родственники имели право на это владение и получали его по наследству, но опять-таки лишь при условии выполнения за него военной службы[108]. В противном случае супруга прокаженного лишалась имущественных прав и, соответственно, не могла больше оставаться в госпитале. Ее дети также лишались фьефа, если отказывались выполнять военные обязательства. Как видим, правила наследования собственности больного рыцаря исходили из того же главного принципа – обеспечить военную службу на благо государству. Видимо, именно это определяло своеобразие положения прокаженных в сравнении с обычной для средневекового Запада практикой.

Однако особый статус этой группы населения в Иерусалимском королевстве иллюстрируют не только ассизы, посвященные правам высшей знати, и не только история ордена св. Лазаря. Подобная специфика латинского Востока, по-

---

David jusques a la porte de saint Estiene" (Continuation de Guillaume de Tyr. P. 82).

[106] "Et si comande la raison que, faisant faire le service que leur fié doit au seignor, que entre le mari et la moiller, tant com il vivront, devent aver le remanant des rentes de lor fié: ce est que le mari doit avoir, là où il est rendus, l'une mite, et l'autre moitie de moiller, là où elle est rendue, car ce est droit et raison" (Livre au Roi. Cap. XLII).

[107] Лишь в случае смерти рыцаря его фьеф передавался сеньору: "Et après sa mort, s'il na nul heir, si torne tot au segnor de par qui il teneit celyu fié" (Ibid. Cap. XLII).

[108] "Et c'il avient que li maris meurt avant que sa moiller, et celuy fié mut de par sa mere, la raison juge qu'elle peut yssir du mostier qu'elle est rendue et venir en la Haute Cort et requerre son fié come dreit heir qu'elle est et a esté. Et le seignor ou la dame desous cui elle est, si est tenue par dreit de rendre ly, par enci qu'elle le peut douner et revestir son fis ou sa fille qui est au ciecle ou aucun de ces parens ou parentes et au plus proisme après lui, qui le deserve au seignor si come le fié porte, et puis deit rentrer en l'abaye, si coume dreis est" (Ibid.).

видимому, касалась, помимо аристократов, и простых жителей, о чем свидетельствует «Книга ассиз суда Горожан». Судя по этим постановлениям, в отличие от Западной Европы, в государстве крестоносцев допускалось совместное проживание и для незнатных супругов, даже если один из них был болен. Однако в подобном случае мужу прокаженной женщины разрешалось развестись с ней – правда, не сразу, а лишь тогда, когда болезнь прогрессировала настолько, что жизнь под одной крышей становилась невыносимой. После осмотра прокаженной на предмет выявления правдивости заявлений мужчины (для чего ее помещали в специальный дом, где в течение месяца за ее состоянием наблюдали три женщины) супруг мог не только развестись со своей больной женой, которая удалялась в хоспис при церковном учреждении, но даже жениться повторно. Примечательно, что и супруга прокаженного мужа в той же ситуации обладала, как утверждается в ассизах, точно такими же правами[109].

Перечисленных фактов вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что статус прокаженных на латинском Востоке был во многом исключительным. Теперь настало время спросить: в какой мере такое положение дел отражало специфическое для Иерусалимского королевства отношение к ним со стороны общества, присущие ему представления о проказе и ее жертвах? Возможно, это отношение было действительно более нейтральным и толерантным в сравнении с Западом, о чем свидетельствуют описания болезни в источниках. Как мы видели, совершенно беспристрастным является рассказ о проказе в «Книге Ассиз Суда Горожан»: юрист упоминает об обезобра-

[109] “S’il avient que uns hons ait prise une feme…l’Iglise les det despartir par dreit. Mais l’Iglise det , tout premier avant qu’il les parte, prendre la feme et metre en un hostel o trois autres bounes femes, qui soient o elle quinse jors ou un més, por veyr se ce est verité que ses maris dit; et c’il veent et counoissent par celes femes que elle ait la tache que ces maris dit, dreis est que il seient partis et que celuy ou cele qui avera la tache que dite est desus soit rendus en religion. Et le maris peut puis bien prendre autre moullier par droit, puis que il sera partis de l’autre feme qui se cera rendue en ordre de religion. Et tout autel raison est dou marit, s’il avoit le mahaing que dit est desus, et sa moillier n’en eust point dou mahaing ; et tout en autele maniere deit estre jugés com est dite la raison devant de sa feme, et ce est dreit et raison par l’asise” (Livre des Assises des Bourgeois. Cap. CLXXV).

женных чертах прокаженной женщины, неприятных запахах и других побочных эффектах болезни, и это описание больше похоже по своей точности и подробности на медицинский анамнез, чем на правовое постановление[110]. В описанной «Книгой для короля» ситуации, когда прокаженным является лигий, звучат нотки фатализма, но нет и намека на присущий латинскому Средневековью взгляд на данную болезнь как на наказание за грехи. Эта глава в своде начинается словами: «Если случится так, что по воле Господа лигий становится прокаженным…»[111]. Так же нейтрально описывает положение прокаженного рыцаря устав тамплиеров: «Когда по воле Божьей случается с каким-то братом так, что он заболевает проказой…»[112]. В хартиях же ордена св. Лазаря жертв лепры называют прежде всего «бедненькими» (*miselli*)[113]. Употребляется весьма характерный эпитет – *misellus* – слово, которое представляет собой уменьшительную форму от слова *miser* («несчастный», «обездоленный», «убогий») и которое переводится как «бедненький», «несчастненький». В специальной литературе, посвященной статусу прокаженных, неоднократно подчеркивалось, что этот термин становится более употребительным в средневековых текстах именно тогда, когда в общественном сознании утверждается более позитивный образ прокаженных и когда они рассматриваются прежде всего как объект сострадания, отождествляются с «беднякам Христовым»[114]. Примечательно, что подобные религиозные чувства отражены и в других хартиях, где о больных рыцарях можно встретить такие высказывания: рыцари ордена – «прокаженные, т.е. весьма благочестивые мужи» (*leprosi scilicet magnae pietatis viri*)[115]. В этих словах скво-

[110] “Cele feme devient puis mezele, ou chiet dou mauvais mau trop laidement, ou li put trop fierement la bouche et le nés, ou pisce aucune nuit au lit, si que tout se gastent ces drap” (Ibid. Cap. XLV).
[111] “S’il avient que par la volonté de nostre Seignor un hom lige deviant mesel…” (Livre au Roi. Cap. XLII).
[112] “Quant il avient a aucun frère qu par la volonté de nostre Seigneur il chiet en meslerie” (La Règle du Temple. § 442).
[113] “Conventui infirmorum qui miselli vocantur” (немощные, которых называют «бедненькими»): Cartulaire. Doc. II.
[114] *Bériac F.* Histoire des lépreux. P. 247.
[115] Cartulaire. Doc. VII.

зит почтительное отношение к прокаженным, которые, как уже говорилось, в позднесредневековой культурной традиции считались неким подобием Христа.

Да и как иначе могли относиться к прокаженным жители Иерусалимского королевства, если даже их правители страдали этой болезнью? Об этом свидетельствует судьба Бодуэна IV, «прокаженного короля» (*roi mesel*), который исполнял обязанности иерусалимского правителя, несмотря на болезнь, более 10 лет, причем в самый напряженный период истории государства крестоносцев – с 1174 по 1185 г.[116]. Болезнь будущего монарха была обнаружена его воспитателем – придворным историком Амори I, Гийомом Тирским, одним из самых образованных в Иерусалимском королевстве людей и к тому же сведущим в медицине. Вот что он писал о детстве будущего правителя:

> «Случалось, что он беспрестанно играл со своими знатными сверстниками и часто, как это бывает у детей, которые вместе шалят, они щипали друг друга за руки и кисти, и когда чувствовали боль, все выражали ее криком. Но он переносил это с необычайным терпением и как бы не испытывал никакой боли, хотя товарищи его нисколько не жалели. Это происходило довольно часто, и сначала я приписывал это его способности к терпению, а не отсутствию чувствительности. Подозвав его, я взялся исследовать, в чем дело, и, наконец, я обнаружил, что его правая рука и кисть было наполовину парализованы, так что он вовсе не чувствовал никаких щипков, ни даже укусов»[117].

---

[116] О нем см.: *Aubé P.* Baudouin IV de Jerusalem. Le roi lépreux. P., 1986; *Hiestand R.* Kranker König-Kranker Bauer // Der kranke Mensch in Mittelalter und Renaissance / Hg. v. P. Wunderli. Düsseldorf, 1986. S. 66–68.

[117] “Accidit quod colludentibus pueris nobilium qui secum erant, et se invicem, ut mos est pueris lascivientibus, unguibus per manus et brachia vellicantibus, alii sensum doloris clamoribus significabant; ipse autem quasi doloris expers patienter nimis, quamvis ei coaetanei ejus non parcerent, supportabat. Hoc autem cum semel et saepius accidisset, mihique nuntiatum esset, credidi prius, de virtute patientiae, et non ex insensibilitatis vitio procedere; vocansque eum, percunctari coepi, quidnam esset; tandemque comperi brachium ejus dexterum manumque eamdem, pro parte dimidia, obstupuisse, ita ut penitus vellicationes, aut etiam morsus non

Тогда Гийом вспомнил слова Гиппократа о том, что «нечувствительная часть тела нездорова, и тот, кто не чувствует боли, находится в еще большей опасности»[118], и, забеспокоившись о здоровье переданного ему на воспитание ребенка, сообщил новость его отцу – королю Амори I. Начались консультации с медиками, больного лечили всевозможными средствами, изнуряли припарками и мазями, но все эти заботы и усилия оставались бесплодными (*sed frustra*). Интересно, вспомнили ли они о ветхозаветном Немане, и совершил ли прокаженный наследник иерусалимского престола омовение в Иордане с целью исцеления? Скорее всего да, хотя Гийом Тирский об этом не упоминает. Он лишь замечает, что время подтвердило: то были первые признаки более серьезной и неизлечимой болезни, которую он на античный лад именовал *morbus elephantinus*. О ней хронист пишет со знанием дела, явно опираясь на свои познания в средневековой медицине[119].

Как и у создателей «Книги Ассиз Суда Горожан», его рассказ совершенно беспристрастен и весьма точен с медицинской точки зрения. Когда Бодуэн стал подростком, симптомы проказы ясно обозначались на его теле, и Гийом рассказывает об этом в присущей медицинским текстам натуралистической манере: «Болезнь прогрессировала день ото дня и распространилась на все конечности его тела и на его лицо, так что христиане не могли взирать на него, не испытывая живейшего сострадания»[120]. В 1174 г. 13-летний подросток был, несмотря на проказу, коронован и стал последнем в XII в. правителем Иерусалимского королевства[121]. Ему удавалось в течение нескольких

---

sentiret" (*Guillaume de Tyr*. Chronique / Ed. R.B.C. Huygens. Turnhout, 1986. T. 1. Lib. XX. Cap. I. P. 961).

[118] "Certum est a salute plurimum abstinere membrum quod obstupuit, et aegrum se non sentientem periculosius laborare" (Ibid. P. 962).

[119] Похоже, что хронист неплохо знал арабскую медицну. См. об этом: *Bériac F.* Histoire des lépreux. P. 66–67.

[120] "Per dies singulos ingravescente nimium, extremitatibus maxime laesis et facie, fidelium suorum corda, quoties eum intuebantur, compassionis affectu molestabat" (*Guillaume de Tyr*. Chronique. P. 962).

[121] Английский историк С. Лей считает, что болезнь Бодуэна IV еще не была столь явной к моменту коронации: *Lay S.* A leper in purple: the coronation of Bladwin IV of Jerusalem // Journal of medieval history. 1997. Vol. 23. № 4. P. 117–134.

лет поддерживать существование теснимого со всех сторон мусульманами государства крестоносцев и даже выиграть у Саладина сражение при Монжизаре в 1177 г. Последние месяцы жизни короля пошли в атмосфере ожесточенной борьбы придворных группировок, возглавляемых Раймундом Триполитанским и Ги Лузиньяном. Государство, раздираемое внутренними противоречиями, неспособное противостоять внешней опасности, стремительно шло к своему концу, и точно так же болезнь подтачивала силы правителя. Все в том же натуралистическом духе придворный хронист рисует последние дни жизни Бодуэна IV:

> «По прибытии в Назарет короля вдруг охватила лихорадка, из-за которой он серьезно страдал.. Проказа (morbus elephantinus), которой он был поражен с самого начала своего правления, или, лучше сказать, воздействие которой он почувствовал с первых лет своего отрочества, тем временем распространялась быстрее обычного: он утратил зрение, конечности его тела были поражены и окаменели; он совершенно не мог управлять ни своими руками, ни ногами…»[122].

Несмотря на прогрессирующую болезнь, Бодуэн IV продолжал оставаться у власти и мужественно и с достоинством переносил свои страдания, о чем свидетельствует все тот же Гийом Тирский:

> «И тем не менее он сохранял королевское достоинство и до сего времени отказывался оставить управление государством, хотя некоторые люди пытались ему внушить, что было бы лучше от этого отказаться и обеспечить себя средствами спокойной жизни на почетном отдыхе. Слабый телом и физически бессильный, он еще сохранял большую душевную силу и предпринимал необы-

[122] “Contigit regem apud Nazareth febre repentina gravissime laborare ; morbo quoque elephantioso, quo ab initio regni sui et a primis adolescentiae auspiciis molestari coeperat, praeter solitum ingravescente, lumen amiserat, et corporis extremitatibus alesis et computrescentibus omnino, pedes manusque ei suum denegebant officium” (*Guillaume de Tyr*. Chronique. T. 2. Lib. XXII. Cap. XXVI (XXV). P. 1049).

чайные усилия, чтобы скрыть свою болезнь и все время нести бремя дел…..»[123].

Судьба прокаженного короля, несомненно, свидетельствует о том, что отношение к проказе в Иерусалимском королевстве было достаточно толерантным: несмотря на болезнь, Бодуэн был коронован, правил государством крестоносцев в течение десятка лет и перед смертью сам короновал на царство своего малолетнего племянника — будущего Бодуэна V (**Илл. 2**). Гийом Тирский пишет о прокаженном правителе с нескрываемым восхищением, и это понятно, ведь Бодуэн IV был не только его государем, но и воспитанником. Вот почему его болезнь описывается хронистом не как наказание за грехи, но, скорее, как милость Божья, как испытание, посланное Богом, а см король под пером хрониста превращается в праведника Иова из Ветхого Завета.

***

Итак, мы видели, что статус прокаженных и восприятие проказы в Иерусалимском королевстве отличались существенным своеобразием. На латинским Западе отношение к прокаженным, которое изначально определялось библейскими текстами, колебалось от милосердия к презрению. Однако общая тенденция, безусловно, тяготела к изоляции подобных членов общества. Они были ограничены в юридических и имущественных правах и переставали выполнять свои сословные и профессиональные обязательства. В этом смысле прокаженные в средневековой Европе были маргиналами и находились на са-

[123] “Regiam tamen dignitatem, et administrationem nihilominus (licet a nonnullis ei suggereretur ut cederet, et de bonis regiis sibi tranquillam seorsum eligenti vitam, honeste provideri) hactenus detrectaverat deponere. Licet enim corpore debili esset et impotens, forti tamen pollebat animo, et ad dissimulandam aegritudinem et ad supportandam regiam sollicitudinem supra vires enitiebatur. Febre igitur, ut praemissum est, est correptus ; et de vita desperans, convocatis ad se principibus, praesente matre et domino patriarcha, Guidonem de Liziniaco sororis suae maritum, comitem Joppensem et Ascalonitanum, de quo in superioribus saepissimam fecimus mentionem, regni constituit procuratorem, salva sibi regia dignitate, retentaque sibi sola Hierosolyma cum reditu decem millium aureorum, annuatim solvendorum” (Ibid.).

мом дне общества[124]. На этом фоне ситуация на латинском Востоке представляется во многих отношениях уникальной, как это подтверждают факты из истории повседневной жизни в Иерусалимском королевстве прокаженных, относящихся к самым разным социальным прослойкам. Несмотря на болезнь, члены ордена св. Лазаря продолжали вести присущий рыцарству благородный образ жизни и несли вассальную службу. Иерусалимское законодательство специфическим по сравнению с Западом образом регулировало их семейные отношения, они обладали большими имущественными правами, им позволялось передавать свои фьефы по наследству. Все это, конечно, объясняется не только исключительным положением рыцарства и знати, зафиксированном в «Иерусалимских ассизах», но и, как мы видели, тем обстоятельством, что Иерусалимское королевство постоянно нуждалось в воинах и в качестве потенциальных вассалов рассматривало даже пораженных столь страшной болезнью людей. Юридические и хозяйственные документы говорят и о более мягком отношении к прокаженным простолюдинам, их более привилегированном положении, которое позволяло им не чувствовать себя отверженными в обществе государства крестоносцев. Наконец, даже коронованным особам эта болезнь давала возможность выполнять возложенные на них обязанности. Для объяснения уникальности данной ситуации могут быть выдвинуты самые разные гипотезы. Впрочем, мы можем прибегнуть и к самому простому объяснению, которое заключается в том, что проказа в принципе была на Востоке намного более распространенным явлением и в большей мере стала самым обычным фактом повседневной жизни иерусалимского общества, где здоровые вынуждены были находиться в постоянном контакте с больными.

[124] См. об этом: *Ulysse R.* Op. cit; *Арнаутова Ю.Е.* Указ. соч. С. 99–109.

Иллюстрации

Илл. 1. Прокаженный. Миниатюра из сочинения Варфоломея Английского «О свойствах вещей», XV в., Национальная библиотека Франции.

Илл. 2. Смерть Бодуэна IV (верхний ярус) и коронация Бодуэна V (нижний ярус). Миниатюра из «Хроники» Гийома Тирского, XIII в., Национальная библиотека Франции.

Ольга Тогоева
(ИВИ РАН)

«Продажная» любовь в средневековом обществе: история Джона Райкнера (1394 г.)

Свои рассуждения о «продажной» любви в средневековом обществе, ее великом разнообразии и вместе с тем ее общей противозаконности я начну с одной удивительной и совершенно уникальной истории. Речь пойдет о судебном документе, сохранившемся в свитках прошений в архиве Лондонской городской корпорации и опубликованном сравнительно недавно американскими исследователями Дэвидом Бойдом и Рут Каррас[1]. Эта запись содержит достаточно пространные первичные показания задержанного полицией Лондона человека, и вот о чем в ней говорится[2].

11 декабря 1394 г., в 18-й год правления Ричарда II, Джон Бритби из графства Йорк, оказавшийся проездом в английской столице, по завершении всех своих дел решил поразвлечься и снять проститутку. Дело было в воскресенье, между 8 и 9 часами вечера на центральной улице Чипа, одного из районов лондонского Сити. Именно здесь Бритби приглянулась некая девица, с которой он завел разговор и которая при знакомстве назвалась Элеонорой и предложила ему свои интимные услуги. Бритби согласился уплатить запрошенную сумму, и они удалились в сторону «торговой лавки» на Соперс Лейн. Там они и расположились, надо думать, со всеми возможными удобствами, однако на их беду мимо проходил патруль, который застал проститутку и ее клиента в самый разгар их встречи. Арестованные были отведены «в тюрьму», где предстали перед мэром

[1] *Boyd D. L., Karras R.M.* The Interrogation of a Male Transvestite Prostitute in Fourteenth-Century London // GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies. 1995. Vol. 1. P. 459–465. Я благодарна Франку Рексроту (Гёттинген), который предоставил мне ксерокопию этой публикации и с которым мы много обсуждали данный судебный казус.

[2] Латинский текст документа и его русский перевод см. в «Приложении» к статье.

Лондона Джоном Фрешем и его олдерменами, которые и допросили каждого по отдельности.

И здесь выяснилось самое удивительное. Проститутка Элеонора оказалась… мужчиной, который совершенно добровольно, «поклявшись спасением собственной души», заявил, что на самом деле его зовут Джон Райкнер и что переодеваться женщиной и заниматься проституцией он начал довольно давно. Этому «искусству» его научили другие женщины легкого поведения. Так, некая Анна, сожительница слуги сэра Томаса Блаунта, первой рассказала ему, как следует заниматься подобным «развратным и неописуемым ремеслом» (как его назвал судебный писец). А Элизабет Броудерер показала ему, как, собственно, одеваются женщины, и привлекла к данной афере свою собственную дочь Элис. В темноте, не зажигая света, она подкладывала ее в постель к клиентам-мужчинам, дабы услаждать их потребности, а рано утром заставляла уходить. Вместо Элис Элизабет предъявляла посетителям Джона Райкнера в женском обличье, называя его Элеонорой и заявляя, что именно с ним (с ней) они и провели время.

Совершив данный, весьма обстоятельный экскурс в историю своего превращения в проститутку, Райкнер поведал также на первом слушании по его делу, что от отсутствия спроса он никогда не страдал. В частности, он рассказал, что в течение пяти недель проживал в Оксфорде, где – постоянно пребывая в образе женщины – подрабатывал вышивальщицей. Одновременно он продолжал заниматься и проституцией, имея трех постоянных клиентов из числа студентов: сэра Уильяма Фокли, сэра Джона и сэра Уолтера (фамилий которых он не знал или не захотел назвать). Вслед за тем он отправился в городок Бурфорд в Оксфордшире и нанялся к некоему Джону Клерку в качестве буфетчика. В этот период он имел интимные отношения с двумя францисканцами, братом Майклом и братом Джоном (последний подарил ему золотое кольцо), а также с одним кармелитом и шестью «иностранцами». Затем он перебрался в Биконсфилд, где не стал выдавать себя за женщину: напротив, в своем собственном мужском обличье он завел интрижку с некоей Джоан, дочерью Джона Мэтью. Однако и там у него были клиенты-мужчины (снова два брата-францисканца), с которыми он познакомился и виделся исключительно в образе женщины.

В завершение своих показаний Джон Райкнер рассказал, что в последний его приезд в Лондон его услугами постоянно пользовались некий сэр Джон, бывший ранее капелланом церкви св. Маргариты в Истчипе, а также два других капеллана, оставшиеся в тексте допроса неназванными. Все трое встречались с ним на задворках церкви св. Екатерины в Лондоне, недалеко от лондонского Тауэра.

Райкнер также сообщил своим слушателям, что многократно в мужском обличье вступал в интимные отношения с монахинями, а также с замужними и незамужними женщинами, количество которых столь велико, что всех он не упомнит. Столь же велико было число священников, воспользовавшихся его услугами и принимавших его за женщину. Именно с ними Джон, если верить его словам, предпочитал иметь дело, поскольку они всегда были в состоянии больше заплатить[3]…

К сожалению, на этом история Джона Райкнера (или Элеоноры) заканчивается. Мы не знаем, чем кончилось дело с его арестом, поскольку никаких иных документов о нем в нашем распоряжении не имеется, и мы даже не можем предположить, какое решение приняли судьи и как они поступили со своим необычным арестантом[4]. Впрочем, возможно, это и не столь важно, поскольку для нас данный судебный казус, скорее, – повод поразмышлять о том, как воспринималось в средневековом обществе такое явление как «продажная» любовь и, соответственно, как оно описывалось в источниках.

---

[3] Данную фразу из протокола возможно, впрочем, интерпретировать совершенно иначе. Дело в том, что средневековые лондонские олдермены не слишком жаловали священников, а потому характеристика их как весьма неразборчивых, похотливых и при этом состоятельных людей, вполне вероятно, принадлежала не самому Джону Райкнеру, но его судьям. Подробнее об отношениях светской и церковной властей в средневековой Англии и, в частности, в Лондоне см.: *Röhrkasten J.* The Mendicant Houses of Medieval London, 1221–1539. Münster, 2004. P. 279–300. За указание на данное исследование я благодарна А.Ю. Серегиной.

[4] О судьбе Джона Бритби, незадачливого клиента «Элеоноры», нам также ничего неизвестно, за исключением того, что его допрашивали в суде мэра Лондона первым и что его показания были зачитаны Джону Райкнеру, который подтвердил их своим рассказом.

Из текста нашего документа со всей очевидностью следует, что Джон Райкнер занимался проституцией на улицах Лондона, а также в других достаточно крупных населенных пунктах, т.е. выступал в роли *городской* проститутки. Это «ремесло» начало активно развиваться в Западной Европе с XII в., что было связано прежде всего с ростом городов и товарно-денежных отношений. Очень быстро проституция заняла значительное место в повседневной жизни общества[5], и, как следствие, превратилась в своеобразный объект рефлексии как для обывателей, так и для представителей образованных кругов, пытавшихся осмыслить данное явление и определить, представляет ли оно опасность для окружающих или его можно считать вполне естественным, а потому – извинительным[6].

В целом, отношение к проституции, насколько можно судить по дошедшим до нас источникам самой различной жанровой направленности, в средневековом обществе складывалось, скорее, негативное[7]. Допускались, однако, и исключения: в частности, весьма приветствовалось существование *армейских* проституток, которые, по мысли некоторых авторов, были необходимы для того, чтобы предупредить возникновение гомосексуальных отношений среди солдат, а также – случаи самоудовлетворения. Как писал Жан Жерсон, проституция лучше, чем мастурбация[8].

Тем не менее, очень быстро проститутки превратились в нежелательных членов общества. Уже с середины XIII в. во многих европейских странах места их проживания были строго ограничены пригородами – либо они вовсе изгонялись из городов (и их имущество конфисковывалось)[9]. Впрочем, частота

---

[5] *Karras R.M.* Common Women. Prostitution and Sexuality in Medieval England. N.Y., Oxford, 1996. P. 14–24; *Rossiaud J.* Amours vénales. La prostitution en Occident, XIIe–XVIe siècle. P., 2010. P. 36.

[6] Подробный обзор высказываний средневековых теологов о проституции см. в: *Rossiaud J.* Op. cit. P. 36–41, 74–77. Анализ особенностей английской религиозной мысли: *Karras R. M.* Op. cit. P. 102–130.

[7] Подробнее об этом см.: *Rossiaud J.* Op. cit. P. 69–78.

[8] *Rossiaud J.* Prostitution médiévale. P., 1988. P. 100.

[9] Так, королевским указом 1393 г. лондонским проституткам было официально разрешено заниматься своим ремеслом лишь на одной улице – Кокс Лейн (*Cock's Lane*): *Karras R. M.* Op. cit. P. 15. Любо-

публикаций подобных постановлений свидетельствует, что в действительности мало что изменялось. В Лондоне и Йорке запреты на занятия проституцией издавались постоянно (в 1277, 1301, 1310, 1320 гг. – и так вплоть до XVI в.)[10], но, как кажется, не оказывали должного воздействия на обывателей, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что уже в XIV в. здесь существовали *официальные* публичные дома[11]. Таким образом, о полном изгнании проституток из столицы Английского королевства речь в принципе не шла.

То же самое можно сказать и о подавляющем большинстве других европейских городов, правители которых, возможно, отчаявшись полностью избавить население от столь греховного времяпрепровождения, предпочитали поставить его под собственный контроль[12]. Любопытно, что на сохранившихся до наших дней миниатюрах с изображением различных вариантов средневековых публичных домов мы очень часто, пусть и на заднем плане, видим представителей властей, пристально наблюдающих за проститутками и их клиентами **(Илл. 1-2)**.

Тем не менее, следует отметить, что уже в XIII–XIV вв. проституция в Западной Европе в ряде случаев рассматривалась все же как *преступление*, которым активно интересовались светские суды[13]. В частности, в Англии именно в XIV в. произошла постепенная систематизация наказаний, применяемых в подобных ситуациях. Если ранее задержанная «при исполнении» проститутка должна была быть публично выпорота перед

пытно отметить, что Джон Райкнер был пойман совсем в другом месте, и одно это уже могло стать причиной его ареста.

[10] Ibidem. P. 13–24; *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 42.

[11] *Karras R.M.* Op. cit. P. 14–24, 35, 43–47. Как отмечает Рут Каррас, к коммерциализации проституции вело именно создание публичных домов, которые были связаны в сознании обывателей с предоставлением сексуальных услуг за деньги. То, что Джон Райкнер действовал в одиночку, также отличало его от «коллег по цеху»: Ibidem. P. 70–71.

[12] *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 88–98.

[13] Как отмечает Жак Россьо, только в XV в. население и власти западноевропейских городов стали более толерантными в отношении «своих» проституток: Ibidem. P. 88–94. Напротив, Рут Каррас пишет об усилении наказаний за городскую проституцию в Англии того же периода: *Karras R.M.* Op. cit. P. 15.

церковью или на рыночной площади[14], то отныне повсеместно вводилась система штрафов (причем в Лондоне они имели фиксированный вид)[15].

Вне всякого сомнения, уже в этот период к проституткам относились как к особой *социальной группе*, которую выделяли в качестве самостоятельной как обыватели, так и представители власти. Внутри этой группы имелась своя, достаточно жесткая классификация. Так, различались городские (как Джон Райкнер), деревенские, армейские проститутки. Существовала и более дробная градация: например, на уличных и банных девиц легкого поведения[16].

Вместе с тем нужно отметить, что само понятие «проституция» трактовалось средневековыми (в том числе английскими) обывателями весьма широко (и эта особенность их мировоззрения прослеживается прежде всего по судебным документам). Проституткой часто называли женщину, покинувшую своего мужа и решившую отныне проживать отдельно от него. Или ту, что регулярно изменяла законному супругу или имела постоянного любовника. Так же относились к женщине, вступавшей в многочисленные любовные связи, не освященные таинством брака, либо к той, что сожительствовала с каким-то одним конкретным мужчиной, также не выходя за него замуж. Таким образом, *любую* представительницу слабого пола, по тем

---

[14] Данное наказание относилось к телесным. В других европейских городах проституток наказывали схожим образом: при помощи выставления к позорному столбу, насильственного обривания, ношения позорной короны, и т.п.: *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 91–94; *Ruggiero G.* Constructing Civic Morality, Deconstructing the Body: Civic Rituals of Punishment in Renaissance Venice // Riti e rituali nelle società medievali / A cura di J. Chiffoleau, L. Martines, A. Paravicini Bagliani. Spoleto, 1994. P. 175–190; *Zorzi A.* Rituali e cerimoniali penali nella città italiane (secc. XIII–XVI) // Ibidem. P. 141–157; *Ruggiero G.* The Boundaries of Eros. Sex Crime and Sexuality in Renaissance Venice. N.Y., 1985. P. 17–19, 21–24, 43–49, 70–75, 90–92.

[15] *Karras R.M.* Op. cit. P. 14, 20, 22–23; *Kelly H.A.* Bishop, Prioress, and Bawd in the Stews of Southwark // Speculum. 2000. Vol. 75. № 2. P. 342–388.

[16] *Rossiaud J.* Prostitution médiévale. P. 20–23, 67–68; *Geremek B.* Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles. P., 1991. P. 261–263.

или иным обстоятельствам оказавшуюся одинокой, легко можно было не только *считать* проституткой, но и *судить* за это[17].

Интересно, однако, отметить, что в данном контексте, насколько можно понять из сохранившихся документов, проблема денег и заработка никогда *специально* не поднималась[18]. Тем не менее, само понятие «платы» за предоставление сексуальных услуг присутствовало не только в судебной практике, но и, к примеру, в трудах средневековых богословов: признавая само занятие проституцией греховным и ужасным, многие авторы (вслед за Фомой Аквинским) полагали подобный заработок совершенно законным[19]. Наиболее подробно данную проблему разрабатывал английский теолог, помощник настоятеля собора в Солсбери Томас Чобэм в своей *Summa confessorum* (1216–1217 гг.)[20]. Формальным поводом для появления его развернутых размышлений стал, казалось бы, весьма незначительный факт. Морис де Сулли, епископ Парижский (1160–1197), отказался принять от местных проституток деньги в дар на изготов-

---

[17] См. исследования данной проблемы на английском материале: *Brundage J.A.* Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. Chicago, 1987. P. 248, 308–310, 389–390, 463–465; *Karras R. M.* The Latin Vocabulary of Illicit Sex in English Ecclesiastical Court Records // The Journal of Medieval Latin. 1992. Vol. 2. P. 1–17, здесь P. 6–9; *Eadem.* Common Women. P. 3, 52, 55–57. Примеры из континентальной Европы: *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 94–96.

[18] *Karras R. M.* The Latin Vocabulary of Illicit Sex. P. 6–7; *Karras R.M., Boyd D.L.* "Ut cum muliere". A Male Transvestite Prostitute in Fourteenth–century London // Premodern Sexualities / Ed. by L. Fradenburg and C. Freccero. N.Y.; L., 1996. P. 101–116, здесь P. 104; *Karras R.M.* Common Women. P. 3, 16–17, 27, 115–118, 131–132. Интересно отметить, что тема неразрывной связи проституции и денег в английских средневековых источниках присутствовала лишь в агиографических текстах: авторы житий Марии Магдалины, Таис, Пелагии и других подобных святых стремились таким образом подчеркнуть *перерождение* своих героинь, обретение ими новых моральных качеств, далеких от стяжательства и разврата: Ibidem. P. 122–126.

[19] *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 39.

[20] См. о нем: *Baldwin J.W.* Masters, Princes and Merchants: The Social Views of Peter the Chanter and His Circle. Princeton, 1970. T. 1. P. 34–36; T. 2. P. 266–271; *Evans G.R.* Thomas of Chobham on Preaching and Exegesis // Recherches de théologie ancienne et médiévale. 1985. T. 52. P. 159–170.

ление одного из витражей в строящемся соборе Парижской Богоматери. Первым на это событие откликнулся известный французский моралист Петр Кантор, отметивший, что подобный дар следовало бы преподнести частным образом[21]. Являвшийся его учеником в Парижском университете (он окончил его в 1192 г.), Томас Чобэм рассмотрел данный вопрос более подробно.

Безусловно, писал он, проститутки заслуживают в целом такого же отношения к себе, как и мужчины-развратники: и тем, и другим полагается одинаковое наказание за их недостойное поведение[22]. Тем не менее, в некоторых случаях подобные занятия являются вполне извинительными: нельзя называть проституткой женщину, которая «торгует собой тайно» или совершила такой поступок лишь однажды[23]. Точно так же снисхождения заслуживают и те, что обратился к этому ремеслу «из-за нужды». Но если кто-то занимается проституцией постоянно и для «собственного сексуального удовлетворения», его поведение следует признать предосудительным, впрочем, как и сам заработок[24].

---

[21] *Baldwin J.W.* The Language of Sex. Fives Voices from Northern France around 1200. Chicago, 1994. P. 81–82.

[22] "Dicitur autem meretricium in muliere et scortatio in viro, quia sicut mulier dicitur meretrix, ita vir dicitur scortator. Unde et eadem penitentia que debetur meretrici videtur deberi scortatori" (*Thomae de Chobham* Summa confessorum / Ed. by F. Broomfield // Analecta Medievalia Namurcensia. T. 25. Louvain-P., 1968. P. 346).

[23] "Si enim aliqua in occulto se venderet, non ideo diceretur meretrix. Et iterum si tantum uni se venderet, non ob hoc nomen meretrix haberet" (Ibidem. P. 347).

[24] "Notandum autem si qua se multis exponit pro explenda libidine et alia pre inopia, prior deterior est, et tamen non iniungitur ei sollemnis penitencia, quia non profitetur publice meretricium suum. Ipsa autem professio inducit sollemnem penitentiam" (Ibidem). Влияние идей Томаса Чобэма ощущается, в частности, в тексте английского молитвенника XIV в., предлагающего рассматривать проститутку (*meretrix*) как «женщину, которая отдает себя любому, никому не отказывает и получает за это денежное вознаграждение» (*Fasciculus Morum*. A Fourteenth-Century Preacher's Handbook / Ed. by S. Wenzel. University Park, 1989. Book 7. Chap. 7. P. 669).

То же отношение к оплате труда девиц легкого поведения, как к вполне естественному (хотя и не слишком нравственному) явлению, сохранилось в обществе позднего Средневековья и раннего Нового времени, о чем свидетельствуют, к примеру, хорошо знакомые нам иконографические сюжеты: соблазнение молодого человека проституткой, обнимающей его одной рукой, а второй открывающей его кошель; корыстная любовь молодой девицы к старику; «портреты» древнегреческой гетеры Лаис Коринфской… **(Илл. 3-5)**

Трудно сказать, получал ли Джон Райкнер удовольствие от своих занятий, и уж тем более, раскаивался ли он в содеянном, но в его случае проблеме заработка было уделено центральное место, что также отличает данный казус от других дел о проституции. Судьи обратили на этот аспект деятельности обвиняемого самое пристальное внимание: в своих показаниях (в том виде, в котором они дошли до нас) он говорил *исключительно* о деньгах. Причем – и данное обстоятельство следует особо подчеркнуть – о плате за сексуальные услуги Райкнер упоминал лишь в тех случаях, когда описывал свои контакты с *мужчинами*, перед которыми представал в образе Элеоноры, т.е. переодевшись женщиной и «превратившись» в проститутку.

Таким образом, перед нами (как, вероятно, и перед лондонскими судьями в 1394 г.) встают два взаимосвязанных вопроса: кем следовало бы считать Джона Райкнера и чем для него являлись занятия проституцией.

Прежде всего, по всей видимости, стоит задуматься над тем, не могли ли современники нашего героя рассматривать его как гомосексуалиста. Содомия (еще со времен Фомы Аквинского включавшая в себя собственно гомосексуализм, а также мастурбацию и скотоложество) была хорошо известна в Западной Европе, где она во все времена считалась уголовным преступлением и всегда наказывалась смертной казнью через сожжение[25]. **(Илл. 6)** При этом, безусловно, различалась активная и пассивная формы гомосексуализма, и вторая, насколько можно судить, рассматривалась как менее опасная и даже, возможно,

[25] *Hergemöller B.U.* Sodomiter, Schuldzuschreibungen und Repressionsformen im späten Mittelalter // Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft / Hrsg. von B.U. Hergemöller. Warendorf, 1990. S. 319; *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 253–270.

как заслуживающая снисхождения со стороны властей, особенно в тех случаях, когда человека насильно склоняли к противоестественным отношениям[26].

Однако в деле Джона Райкнера мы не найдем ни единого намека на подобное обвинение. С одной стороны, это объясняется тем, что в Англии гомосексуализм вплоть до XVI в. являлся преступлением, подпадавшим исключительно под церковную юрисдикцию, а потому никаких светских постановлений относительно его преследования не существовало[27]. С другой стороны, судьи, собственно, и не могли посчитать арестованного «содомитом», ибо при контактах с мужчинами он притворялся женщиной, а при контактах с женщинами, напротив, выступал в своем естественном – мужском – обличье. Да и его клиенты-мужчины даже не подозревали, что их обманывают, и

---

[26] Как отмечает Дэвид Бойд, само определение «содомит» часто применялось лишь в отношении активного партнера: *Boyd D.L.* Disrupting the Norm: Sodomy, Culture and the Male Body in Peter Damian's *Liber Gomorrhianus* // Essays in Medieval Studies / Ed. by A.J. Frantzen and D.J. Robertson. Vol. 11. Chicago, 1994. P. 63–74, здесь P. 69–70. Подтверждением такого отношения к активным и пассивным гомосексуалистам может служить уголовное дело мэтра Раймона Дюрана из Вильфранша, советника Парижского Парламента, в 1333 г. привлеченного к уголовной ответственности за принуждение к сексуальной близости (*pour le fait de sodomie*) двух своих слуг, Перро и Бернара, которые проходили по данному делу как свидетели, но не как обвиняемые: "Et à prouver le fait contre lui, on amena d'office les II valez dessusdiz *en tesmoins*" (Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319–1350) / Ed. par M. Langlois et Y. Lanhers. P., 1971. P. 80–84, 108–111, курсив мой. – *О.Т.*).

[27] *Boswell J.* Christianity, Homosexuality, and Social Tolerance. Gay People in Western Europe from the Beginning of the Christian Era to the Fourteenth Century. Chicago, 1980. P. 292–293; *Goodish M.* The Unmentionable Vice: Homosexuality in the Later Medieval Period. Santa Barbara, 1979. P. 77. Следует также отметить, что и в английской церковной практике обвинения в гомосексуализме встречаются крайне редко. В частности, от XV в. до нас дошли всего два таких случая: одно было рассмотрено в Лондоне, другое – в Йорке (*Wunderli R.* London Church Courts and Society on the Eve of the Reformation. Cambridge (Mass.), 1981. P. 83–84; *Karras R.M., Boyd D.L.* Op. cit. P. 112, n. 4). Архивы лондонских церковных судов от XIV в., к сожалению, не сохранились: Ibidem. P. 102.

заключали с ним сделку как с настоящей проституткой, о чем свидетельствуют показания Джона Бритби. Иными словами, эти люди не искали гомосексуальных связей на стороне[28].

Может быть, как полагали издатели дела Джона Райкнера и практически все специалисты, так или иначе упоминавшие этого персонажа в своих исследованиях, следовало назвать его трансвеститом[29]? Однако в средние века *мужской* трансвестизм не имел сексуальных коннотаций и не преследовался судом как преступление. Об этом справедливо напоминает Жак Россьо, ссылающийся в своей недавней монографии о проституции на средневековом Западе на одно, весьма похожее на случай Джона Райкнера судебное дело[30]. Речь в нем шла о некоем Роландино Ронкайя (*Ronchaia*), проживавшем в XV в. в Венеции, который (вероятно, вследствие гормонального сбоя в организме) внешне более напоминал женщину. Тем не менее, он вырос и изначально осознавал себя именно как мужчина[31]. Несмотря на то, что у него имелась вполне заметная грудь и его отличало совершенно женское поведение в быту, он даже был женат. Впрочем, через какое-то время жена все же оставила его: как полагали судьи, рассматривавшие позднее его дело, по причине отсутствия у него эрекции. **(Илл. 7)** Роландино уехал в Падую, где жил у родственника, в гостях у которого получил первый опыт сексуальных контактов с мужчиной. В конце концов, он сменил собственное имя, стал зваться «Роландиной» и под видом женщины вернулся в Венецию, где начал промышлять про-

---

[28] Догадаться о том, что перед тобой мужчина, а не женщина, при физическом контакте было не всегда просто, учитывая позу, в которой чаще всего должно было (при нежелании проститутки забеременеть) происходить подобное соитие: *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 193–195, 198–199.

[29] См. прим. 1. См. также: *Karras R.M., Boyd D.L.* Op. cit.; *Karras R.M.* Common Women. P. 77; *Dinshaw C.* Getting Medieval. Sexualities and Communities, Pre– and Postmodern. Durham, 1999. P. 107–108; *Normington K.* Gender and Medieval Drama. Cambridge, 2004. P. 57–59; *Beattie C.* Gender and Femininity in Medieval England // Writing Medieval History / Ed. by N.L. Partner. L., 2005. P. 153–170.

[30] *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 266.

[31] Случай Роландино Ронкайя подробно разобран в: *Ruggiero G.* The Boundaries of Eros. P. 136.

ституцией около моста Риальто[32]. Когда его арестовали, он – как и Джон Райкнер – клялся, что никто из его многочисленных клиентов не догадывался, что они имеют дело с переодетым мужчиной. Суд приговорил Ронкайя к смерти, однако казнили его вовсе не за трансвестизм, о котором венецианские судьи XV в. еще ничего не знали, а за занятия проституцией и за гомосексуальную связь, имевшую место в Падуе.

Крайне мало внимания мужскому трансвестизму уделяли, как кажется, и средневековые богословы. Показательно, что рассуждения на эту тему мы можем встретить буквально у одного единственного автора – Александра Галенского (ок. 1185–1245), английского теолога, учившегося, а затем преподававшего в Парижском университете[33]. Его главное произведение – *Summa theologica*, более известное как *Summa Alexandri* или *Summa Halensis*, оказало большое влияние на схоластику XIII в.[34] Именно в этом сочинении Александр останавливался на проблеме (предосудительного) переодевания мужчин[35]. Он допускал, что эти последние могут надеть женское платье лишь в двух исключительных ситуациях: если им угрожает опасность и они таким образом пытаются спасти свою жизнь или если они исполняют обязанности, обычно возлагаемые на женщин[36]. Во

---

[32] Любопытно отметить, что промышлял Роландино в том районе Венеции, который традиционно считался прибежищем низов общества: его потенциальными клиентами, очевидно, становились преступники, профессиональные попрошайки и нищие: *Gonthier N.* Cris de haine et rites d'unité. La violence dans les villes, XIIIe–XVIe siècle. Montrouge, 1992. P. 102, 192.

[33] См. о нем: *Poirel D.* Alexandre de Halès // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992. P. 45–46; *Cullen C.M.* Alexander of Hales // A Companion to Philosophy in the Middle Ages / Ed. by J.J.E. Gracia and T.B. Noone. Oxford, 2002. P. 104–108.

[34] *Alexander Halensis.* Summa theologica / Ed. Collegium s. Bonaventurae. Quaracchi, 1924–1948. T. 1–4.

[35] Ibidem. T. 3. Lib. II. Pars. II. Quest. III: De ornatu corporis. Cap. II: Utrum peccatum sit viris habere vestimenta muliebria. P. 477–478.

[36] "Nonne legitur de Debbora, quae ivit ad praelium? Et praesumitur quod in armis militaribus, quae ad viros pertinent. Pari ratione, ex causa aliqua posset vir veste muliebri indui, ut si quaereretur ad mortem et per hoc occultaretur, vel si faceret officium quod mulieri competeret" (Ibidem. P. 477).

всех остальных случаях мужчина, взявший за обыкновение ходить в платье, нарушает Божественные установления и совершает грех[37]. Любопытно, что данное утверждение не было проиллюстрировано автором ни единым – библейским или средневековым – примером. Не будучи, очевидно, в состоянии вспомнить хотя бы одного героя прошлого, надевавшего хоть раз женскую одежду[38], Александр был вынужден обратиться к истории Деборы, избравшей мужские доспехи ради участия в сражении[39], несмотря на то, что средневековая иконография библейской пророчицы была крайне бедна и ни на одной из известных миниатюр она не изображалась в мужском облачении[40].

Тем не менее, в отличие от мужского, *женский* трансвестизм довольно часто упоминался в средневековой литературе, прежде всего, в агиографических сочинениях: подобные «казусы» использовались в данном контексте как специфический шаблон для описания поведения героини *in extremis*. В сложных жизненных ситуациях или в ситуациях выбора, когда существовала угроза непорочности или даже жизни той или иной

---

[37] "Ad quod dicendum quod non pertinet ad honestatem viri veste muliebri indui: utrique enim sexui diversa indumenta natura dedit. Unde, si homo uteretur ex consuetudine veste muliebri, nisi in aliquo casu necessitatis, peccaret" (Ibidem).

[38] Александр Галенский мог вспомнить хотя бы римского императора Гая Калигулу, о манере которого в одежде уподобляться женщине с явным презрением писал Светоний: «Одежда, обувь и остальной его обычный наряд был недостоин не только римлянина и не только гражданина, но и просто мужчины и даже человека. Часто он выходил к народу в цветных, шитых жемчугом накидках, с рукавами и запястьями, иногда в шелках и женских покрывалах, обутый то в сандалии или котурны, то в солдатские сапоги, а то и в женские туфли» (*Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 165. Кн. 4. § 52, перевод М.Л. Гаспарова). Сочинение Светония было хорошо известно в средневековой Европе, начиная уже с Эйнхарда: *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 60–99.

[39] См. прим. 36.

[40] Об иконографии Деборы см.: *Тогоева О.И.* «Портрет» Жанны д'Арк на полях журнала Клемана де Фокамберга // Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. М., 2010. С. 67–90.

юной особы, переодевание в мужское платье и, как следствие, сокрытие собственной идентичности оказывалось *вынужденным*, но оправданным шагом[41]. В реальной жизни женский трансвестизм также встречался, однако в основе его лежало отнюдь не желание *скрыть* свою сущность, но, скорее, *открытая* демонстрация нового социального статуса. Так было, к примеру, с Гаитой (Сигельгаитой), супругой Роберта Гвискара, герцога Апулии, Калабрии и Сицилии, наравне с ним участвовавшей в военных операциях; с Изабель де Конш, возглавившей войско своего мужа в его отсутствие; с Жанной д'Арк, ставшей одним из военачальников Карла VII; с Елизаветой I Тюдор, а также с многими другими женщинами-правительницами, присвоившими себе не только эту, сугубо мужскую функцию, но и соответствующие ей атрибуты, в том числе – одеяние, что также, безусловно, как и в случае в Деборой, описанном Александром Галенским, рассматривалось как вполне оправданный, а потому допустимый шаг[42].

Возвращаясь к предполагаемому трансвестизму Джона Райкнера, следует отметить, что слабая разработанность проблемы мужского трансвестизма в трудах средневековых авторов находила отражение и в судебной практике. Помимо уже упоминавшегося выше дела Роландино Ронкайя, мне на сегодняшний день удалось обнаружить лишь одну запись, в которой речь бы шла о подобном переодевании[43]. В регистре заключенных королевской тюрьмы Шатле в Париже, помещен-

---

[41] Подробнее см.: *Delcourt M.* Le complexe de Diane dans l'hagiographie chretienne // Revue de l'histoire des religions. 1958. T. 153. P. 1–33; *Anson J.* The Female Transvestism in Early Monasticism: the Origin and Development of a Motif // Viator. 1974. T. 5. P. 1–33; *Patlagean E.* L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la saintété féminine à Byzance // Studi medievali. 1976. Ser. 3. V. 17. Fasc. II. P. 597–623.

[42] Подробнее см.: *Тогоева О.И. Virgo/Virago*: Женщина у власти на средневековом Западе // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов и Ф.Б. Успенский. М., 2010. С. 256–274.

[43] В недавнем обобщающем труде по истории сексуальных преступлений и наказаний, полагающихся за них, в разделе о мужчинах, переодетых женщинами-проститутками, по-прежнему приводятся лишь два случая из средневековой судебной практики: дела Джона Райкнера и Роландино Ронкайя: *Berkowitz E.* Sex and Punishement. Four Thousand Years of Judging Desire. Berkley, 2012. P. 165–167.

ных туда в период с 14 июня 1488 по 31 января 1489 г., сообщалось о неких «монахах», пойманных в таверне, «являющейся местом разврата и превращенной в бордель». Все они предстали перед ночной стражей в женских платьях и головных уборах, т.е. в «одежде, которую им не позволено носить в ущерб собственному одеянию», за что, вероятно, были избиты и помещены под арест[44]. Дальнейшая судьба монахов осталась неизвестной, что роднит их дело с казусом Джона Райкнера, хотя они, в отличие от него, и не скрывали свой половую принадлежность. С этой точки зрения, Роландино Ронкайя оказывается, безусловно, ближе к нашему герою, хотя у последнего явно не возникало никаких сложностей с потенцией, да и выглядел он в обычной жизни как нормальный мужчина: не случайно у него помимо клиентов-мужчин были и любовницы-женщины – и не одна.

Иными словами, проблемами психического и физического здоровья периодические превращения Джона в Элеонору не могли объясняться. А потому «обвинение» в трансвестизме мы вынуждены с него снять, несмотря на утверждения современных исследователей, видящих в данном казусе пример «смешения гендерных ролей» (*gender transgression*)[45]: думается, что понятие «гендер» еще не было знакомо европейским обывателям конца XIV века.

Следует, скорее, предположить, что Джон Райкнер был бисексуален, ибо вступал в интимные отношения как с мужчинами, так и с женщинами. Но и этого понятия – «бисексуальность» – люди Средневековья, похоже, не знали[46]. Вот почему данное дело повергло лондонских судей в такое замешательство. Не думаю, что они специально постановили не фиксировать

---

[44] “En une taverne…qui est lieu dissolu et ou l’en fait bordeau, lesquelz religieulx estoient vestus de robbes, chappeaulx et cornettes quy est habit qu’ils ne doivent porter pour laissier l’abit de leur ordre et estoient embastonnes d’espeez et de dagues” (Archives Nationales de France. Y 5266^{A}. Fol. 210, 20 janvier 1489). Цит. по: *Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A.* Le Châtelet de Paris au début du XVe siècle d’après les fragments d’un registre d’écrous de 1412 // Bibliothèque de l’Ecole des Chartes. 1999. T. 157. P. 565–606, здесь P. 584, n. 54).

[45] *Karras R.M., Boyd D.L.* Op. cit. P. 102.

[46] Ibidem. P. 103.

в письменном виде приговор, вынесенный по делу Райкнера, как полагают издатели документа[47]. На мой взгляд, они просто не знали, как к нему подступиться, – и, вполне возможно, отпустили обвиняемого на свободу, как это, вероятно, сделали веком позже их парижские коллеги с переодетыми женщинами монахами[48].

Безусловно, средневековые теологи (пусть их было и немного) осуждали мужской трансвестизм, но средневековые судьи пока еще не боролись с ним как с явлением, угрожающим устоям общества. Да, они преследовали в уголовном порядке проституток и содомитов. Но *их* представления о разнообразии продажной любви кардинально отличались от наших. Для них пока еще просто не существовало некоторых из ее проявлений[49].

Что же касается самого Джона Райкнера, то для него занятия проституцией были не просто забавой или приятным времяпрепровождением: они стали его *профессией* – и его повседневной жизнью. На протяжении некоторого времени он овладевал этим ремеслом (не случайно в его показаниях присутствовал рассказ о двух его приятельницах, научивших его притворяться женщиной и завлекать мужчин). Он имел собственный круг клиентов, и временные «подработки» в качестве вышивальщицы или буфетчика не отрывали его от основного занятия, которое, собственно, и являлось главным источником его доходов[50]. Он даже выбрал для себя «профессиональное»

---

[47] *Boyd D. L., Karras R.M.* Op. cit. P. 460.

[48] На такое предположение наводит, по мнению исследователей, сама форма записей в регистре Шатле: *Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A.* Op. cit. Косвенно о существовании для Джона Райкнера возможности выйти на свободу сразу же после ареста свидетельствует тот факт, что в конце XV в. 80% всех дел о проституции, рассматриваемых в судах Лондона, оставались без наказания: *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 77.

[49] Об этом, в частности, свидетельствует наблюдение Рут Каррас, не обнаружившей в английских средневековых судебных архивах более ни одного дела о мужской проституции: *Karras R.M.* Common Women. P. 144, n. 3.

[50] В качестве «подработки» Джон Райкнер назвал «классическое» для средневековых проституток занятие – текстильное ремесло: *Geremek B.* Op. cit. P. 263, 277; *Goldberg P.J.P.* Women in Fifteenth–Century Town Life // Towns and Townpeople in the Fifteenth Century / Ed.

имя – как делали многие средневековые проститутки[51]. Кроме того, он, безусловно, четко разграничивал «работу» и личную жизнь, в которой он являлся полноценным мужчиной и вступал в любовные отношения исключительно с женщинами.

И с этой точки зрения, Джон Райкнер в какой-то степени напоминает мне главного героя рассказа Артура Конан Дойла «Человек с рассеченной губой», который, будучи благополучным и достойным членом общества, зарабатывал на жизнь, переодеваясь в нищего и прося подаяние. Он так же четко различал эти две стороны своей жизни. И, вероятно, так же мало, как и Джон Райкнер, надеялся на понимание окружающих…

Приложение
Допрос Джона Райкнера 11 декабря 1394 г.

(Plea and Memoranda Roll A34, Corporation of London Records Office. № 1).

Латинский текст[52]:

Undecimo die Decembris anno regni regis Ricardi secundi decimo octavo, ducti fuerunt hic coram Johanne Fressh maiore et aldermannis civitatis Londoniensis Johannes Britby de comitate Eboracum et Johannes Rykener, se Elianoram nominans veste muliebri detectus. Qui die dominica ultimo preterita per quosdam dicte civitatis ministros noctanter inter horas octavam et nonam super quoddam stallum in venella vocata Sopereslane inventi fuerunt iacentes, illud vitium detestabile, nephandum, et ignominiosum committentes, pro seperali examinatione coram dictis maiore et aldermannis super premissa fienda et audienda etcetera. Qui quidem Johannes Britby inde allocutus fatebatur quod ipse per vicum regium de Chepe die dominica inter horas supradictas transiens, dictum Johannem Rykener vestitu muliebri ornatum, ipsumque mulierem fore suspicantem fuerat assecutus, petens ab eo, tanquam a muliere, si cum ea libidinose agere possit. Qui ab eo

---

by J.A.F. Thompson. Gloucester, 1988. P. 107–128, здесь P. 118; *Karras R.M.* Common Women. P. 54.

[51] *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 161.

[52] Текст приводится по изданию: *Boyd D. L., Karras R.M.* The Interrogation of a Male Transvestite Prostitute in Fourteenth-Century London // GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies. 1995. Vol. 1. P. 459–465, здесь P. 461–462.

argentum pro labore suo petens sibi consentiebat, invicem transeuntes ad illud complendum usque stallum predictum. Ipsi tamen tunc ibidem per ministros predictos in eorum maleficiis detestabilibus capti fuerunt, carcere vero mancipati hucusque, etcetera. Et predictus Johannes Rykener in veste muliebri hic adductus de materia predicta allocutus cognovit se fecisse in omnibus prout idem Johannes Britby superius fatebatur etcetera. Quesitum fuit ulterius a prefato Johanne Rykener quis ei docuit dictum vitium exercere et quanto tempore, in quibus locis, et cum quibus personis masculis sive feminis illud actum libidinosum et nephandum commisit. Qui in animam suam sponte iuravit et cognovit quod quaedam Anna, meretrix quondam cuiusdam famuli domini Thome Blount, primo docuit ipsum vitium detestabile modo muliebri exercere. Item dixit quod quaedam Elizabeth Brouderer prius vestivit ipsum veste muliebri; quae etiam conduxit quandam Aliciam filiam suam diversis hominibus luxuriae causa, ipsam cum eisdem hominibus in lectis eorum noctanter absque lumine reponens et eandem summo mane ab eisdem recedere fecit, monstrando eis dictum Johannem Rykener veste muliebri ornatum ipsum Alianoram nominantem, asserens ipsos cum ipsa sinistre egisse. Item dixit quod quidam Philippus, Rector de Theydon Gernon, concubuit cum eodem Johanne Rykener ut cum muliere in domo cuiusdam Elizabeth Brouderer extra Bisshoppesgate, quo tempore dictus Johannes Rykener asportavit duas togas ipsius Philippi. Et quando idem Philippus illas petiit a prefato Johanne Rykener, ipse dixit quod fuit uxor cuiusdam hominis, et si ipse illas repetere vellet faceret maritum suum versus ipsum prosequi. Item dictus Johannes Rykener fatebatur quod per quinque septimanas ante festum santi Michaelis ultimo elapsum morabatur apud Oxonium et operatus est ibidem in veste muliebri in arte de brouderer nominans ipsum Alianoram. Et ibidem in marisco tres scolares ignotos, quorum unus nominatur dominus Willielmus Foxlee, alius dominus Johannes, et tertius dominus Walterus, usi fuerunt sepius cum ipso abominabile vitium supradictum. Item fatebatur prefatus Johannes Rykener quod ipse die veneris proximo ante festum sancti Michaelis supradictum venit apud Burford in comitate Oxonium. Et ibidem fuit commorans cum quodam Johanne clerc atte Swan in officio de tapster per sex septimanas proximas sequentes, infra quod tempus duo fratres minores, quorum unus nominatur frater Michael et alius frater Johannes Barry, qui sibi dedit unum anulum aureum, et unus frater

carmelitus et sex diversi homines extranei commiserunt cum illo vitium antedictum. Quorum quidem fratrum et hominum supradictorum quidam dabat dicto Johanni Rykener .xii. d, quidam .xx. d, quidam .ii. s. Item fatebatur idem Johannes Rykener quod fuit apud Bekenesfeld et ibidem idem ut vir concubuit cum quadam Johanna filia Johannis Mathew, et etiam ibidem cum ipso concubuerunt ut cum femina duo fratres minores alienigenae. Item fatebatur dictus Johannes Rykener quod post eius ultimum adventum Londoniae quidam dominus Johannes quondam capellanus ecclesiae sanctae Margaretae Patyns et alii duo capellani in venellis retro ecclesiam sanctae Katerinae iuxta turrim Londoniensem commiserunt cum illo illud vitium antedictum. Item dixit dictus Johannes Rykener quod ipse sepius concubuit cum quampluribus monialibus ut vir, et etiam concubuit modo virili cum quampluribus mulieribus, tam maritatis quam aliis, quarum numerum ignorat. Item fatebatur dictus Johannes Rykener quod quamplures presbiteri fecerunt illud vitium cum illo ut cum muliere, quorum numerum ignorat, et dixit quod citius cepit presbiteros quam alios quia plus vellent sibi dare quam alii.

Перевод:

В 11-й день декабря, в 18-й год правления короля Ричарда II, были приведены [и допрошены] в присутствии Джона Фреша, мэра [Лондона], и олдерменов Лондона Джон Бритби из графства Йорк и Джон Райкнер, называющий себя Элеонорой [и] пойманный в женском платье. Эти [двое] были найдены в прошлое воскресенье, вечером, между 8 и 9 часами, несколькими городскими [судебными] исполнителями [в тот момент, когда они] предавались отвратительному, нечестивому и позорному пороку, лежа в некоей торговой лавке на улице Соперс Лейн. [Они были] приведены и допрошены раздельно в присутствии упомянутых мэра и олдерменов о случившемся, и т.д.

В связи с чем этот Джон Бритби сообщил, что он проходил по центральной улице Чипа в воскресенье в упомянутое время. [Там он] встретил Джона Райкнера, одетого как женщина, и, думая, что перед ним женщина, спросил его (как если бы говорил с женщиной), не сможет ли она удовлетворить его сексуальное желание. Запросив с [Бритби] денег за свою работу, тот согласился, и они вместе направились в упомянутую выше лавку, дабы совершить [задуманное]. Однако в то же время они были застигнуты на месте [своего] ужасного преступления

упомянутыми выше [судебными] исполнителями, арестованы и посажены в тюрьму, и т.д.

И упомянутый Джон Райкнер, приведенный в суд в женском платье и допрошенный по данному делу, признал, что все было именно так, как рассказал Джон Бритби, и т.д. Было также спрошено у этого Райкнера, кто научил его заниматься данным порочным [ремеслом], как долго, в каких местах и с кем [именно], мужчинами или женщинами, он предавался подобным развратным деяниям. Он, добровольно, поклявшись [спасением] своей души, признал, что некая Анна, сожительница бывшего слуги сэра Томаса Блаунта, первой обучила его заниматься данным отвратительным делом в облике женщины. Также [он] заявил, что некая Элизабет Броудерер первой нарядила его в женское платье. Она также приводила свою дочь Элис различным мужчинам ради [сексуального] наслаждения, подкладывая ее ночью к ним в постель, не зажигая света, [и] заставляя [ее] рано утром от них уходить, предъявляя им упомянутого Джона Райкнера, одетого в женское платье, называя его Элеонорой и убеждая тех [мужчин], что [именно] с ним они занимались недозволенным. Также [он] заявил, что некий Филипп, ректор [церкви Всех Святых в деревне] Тейдон Гарнон, занимался сексом с этим Джоном Райкнером, как с женщиной, в доме упомянутой Элизабет Броудерер, [расположенном] за Бишопсгейт, [и] в то время этот Джон Райкнер украл две мантии у упомянутого Филиппа. И когда этот Филипп потребовал их у указанного Джона Райкнера, тот заявил, что является женой некоего человека и что, если [Филипп] хочет получить назад [свое имущество], [Джон] попросит своего мужа возбудить против него [судебную] тяжбу.

Также упомянутый Джон Райкнер признался, что в течение пяти недель перед прошедшим праздником св. Михаила он пребывал в Оксфорде, где, переодевшись в женское платье и называя себя Элеонорой, работал вышивальщицей. И там, на болоте, три ни о чем не подозревающих студента, одного из которых звали сэр Уильям Фоксли, второго – сэр Джон, а третьего – сэр Уолтер, часто предавались с ним описанному выше мерзкому греху.

Также упомянутый Джон Райкнер признался, что в пятницу накануне праздника св. Михаила он прибыл в Бурфорд, в Оксфордшире. И там [он] проживал с неким Джоном Клерком,

в [таверне] «Лебедь», [где служил] буфетчиком в течение следующих шести недель. В это время два брата–францисканца, одного из которых звали брат Майкл, а второго – брат Джон Барри (который подарил ему золотое кольцо), [а также] один кармелит и еще шестеро чужестранцев предавались с ним описанному выше пороку. Кто-то из этих братьев и упомянутых мужчин дал указанному Джону Райкнеру 12 пенсов, другой – 20 пенсов, [а еще] один – два шиллинга.

Также Джон Райкнер признался, что побывал в Беконсфилде и там, [в облике] мужчины, сожительствовал с некоей Джоан, дочерью Джона Мэтью, а также, в том же [городе], сожительствовал, [уже в облике] женщины, с двумя иностранными братьями-францисканцами.

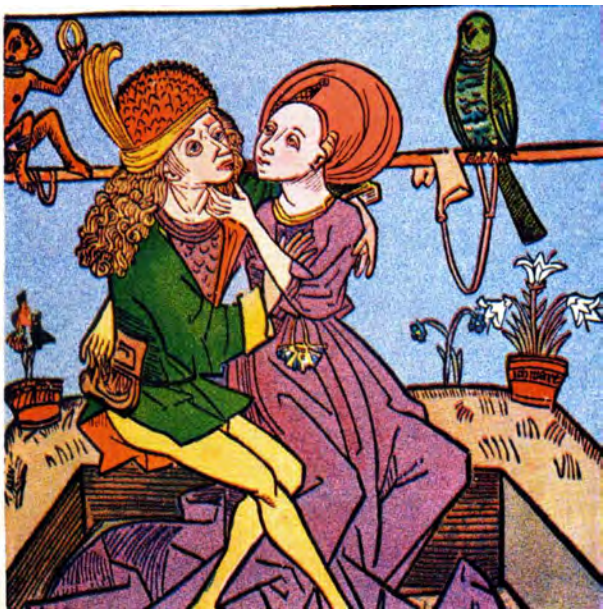
Также упомянутый Джон Райкнер признался, что в его последний приезд в Лондон некий сэр Джон, бывший ранее капелланом в церкви св. Маргариты [в Истчипе], [а также] два других капеллана предавались с ним описанному выше пороку на улицах, [расположенных] позади церкви св. Екатерины, недалеко от лондонского Тауэра.

Также упомянутый Джон Райкнер заявил, что часто занимался сексом с многочисленными монахинями, [находясь в облике] мужчины, а также сожительствовал, как мужчина, со многими замужними женщинами и [девушками], количество которых он не знает. Также упомянутый Джон Райкнер признался, что многочисленные священники совершали этот грех с ним, как с женщиной, [но] сколько их [было], он не знает, и заявил, что со священниками он имел дело более охотно, нежели с другими [клиентами], поскольку они хотели давать ему больше других.

Иллюстрации

Илл. 1. Публичный дом. Французская миниатюра XV в. Представители власти наблюдают за происходящим через окно.

Илл. 2. Публичный дом. Миниатюра из *Facta et dicta memorabilia* Валерия Максима. Французский кодекс XV в. Представители власти присутствуют на заднем плане.



Илл. 3. Юноша и проститутка. Раскрашенная гравюра на дереве, Германия, XV в.

Илл. 4. Ганс Бальдунг (1484/1486–1545). Корыстная любовь.

Илл. 5. Ганс Гольдбейн-младший (1497–1543). Лаис Коринфская. 1526 г. В образе знаменитой куртизанки из Коринфа художник запечатлел Магдалену Оффенбург, девицу легкого поведения из Базеля, которая, возможно, являлась его любовницей.

Илл. 6. Казнь содомита. Миниатюра из «Больших французских хроник». Франция, 1400–1405 гг. Крайне редкое изображение данного типа наказания, иллюстрирующее историю графа Ацерры (Италия), сожженного в 1294 г. на костре, но предварительно проткнутого железным прутом, что само по себе должно было напоминать окружающим о муках, претерпеваемых страстолюбцами в загробном мире, где, согласно представлениям людей Средневековья, их медленно поджаривали на вертеле (*Morel B.* Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtiment dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle. P., 2007. P. 65).

Илл. 7. Развод по причине импотенции супруга. Миниатюра из Декрета Грациана. Французский (фламандский?) кодекс, конец XIII в. В случае подобной аннуляции брака две специально назначенных женщины осматривали гениталии мужа. В Англии на роль таких «экспертов» часто приглашали проституток (*Karras R.M.* Common Women. P. 98).

Юлия Крылова
(ИВИ РАН)

Греховная повседневность бургундского двора: *peccata linguae*[*]

Исследовательские интересы Юрия Львовича Бессмертного в последние годы его жизни сосредотачивались на истории средневековой знати. Его начатая, но оставшаяся, к сожалению, незаконченной книга должна была называться «Рыцари, рыцарство, рыцарственность»[1]. Рыцарской повседневности XII–XIII вв. – чувствам, эмоциям, переживаниям представителей знати той эпохи – были посвящены и его последние статьи.

В конце 1998 г. Юрий Львович собрал «молодежный» семинар, который должен был, по его задумке, стать продолжением «большого» семинара по истории частной жизни и повседневности, действовавшего в Институте всеобщей истории РАН. В названии нового семинара, созданного не только для учеников Ю.Л., но и для других интересующихся медиевистикой студентов, аспирантов и молодых кандидатов наук, отразился круг интересов самого руководителя: «Западноевропейская аристократия раннего средневековья. Идеалы, культурная практика, людские судьбы». Одно из центральных мест в обсуждении планировалось уделить проблеме «индивидуальной интерпретации массовых поведенческих стереотипов», которая «реализуется в конкретных поступках и…разных человеческих судьбах»[2]. Юрий Львович предлагал своим молодым коллегам поразмышлять, «насколько [представитель знати] мог быть

[*] Работа выполнена при финансовой поддержке FMSH (Париж).

[1] *Бессмертный Ю.Л.* Другое Средневековье, другая история средневекового рыцарства // Homo historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 72.

[2] *Он же*. К идеям семинара «Западноевропейская аристократия раннего средневековья. Идеалы, культурная практика, людские судьбы». С. 1 (рукопись). Публикацию полного текста программы данного семинара см. в настоящем издании.

творцом своей собственной судьбы, а в какой [степени] – лишь игрушкой обстоятельств»[3].

Зародившаяся в западной историографии история повседневности всегда акцентировала внимание прежде всего на «маленьких людях», на «культуре угнетенных классов»[4]. Подобная тенденциозность вполне объяснима: историю повседневности начинали активно развивать левые историки. В отечественной науке ее подхватили прежде всего специалисты по советскому периоду, поскольку подходы и методы истории повседневности оказались как нельзя более подходящими для изучения реалий тоталитарного общества.

Между тем, история повседневности[5] *знати* практически выпадает из сферы интересов современных ученых – как отечественных, так и западных. Можно назвать лишь единичные работы, посвященные данной проблематике, и то в основном они затрагивают более позднюю эпоху (XVIII–XIX века)[6]. Создается впечатление, что в истории действуют либо короли и императоры (в исследованиях традиционалистского толка), либо

---

[3] Там же.

[4] *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVII в. М., 2000. С. 232.

[5] Полагаю, нет нужды пояснять, что я понимаю под историей повседневности не традиционную бытовую историю, а изучение стратегий и практик поведения людей, их восприятие и осмысление окружающего мира.

[6] В отечественной историографии см. работы самого Ю.Л. Бессмертного и отдельные статьи в изданных под его редакцией сборниках: Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Отв. редактор Ю.Л. Бессмертный. М., 1996; Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Отв. редактор Ю.Л. Бессмертный. М., 2000; Казус. Уникальное и индивидуальное в истории. Вып. 1–7; См. также: *Белова А.* «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв. СПб., 2010; *Лямина Е.Э., Самовер Н.В.* «Бедный Жозеф». Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. В лучшем случае мы имеем микроисторические этюды, в худшем – популярную бытовую историю. См., к примеру: *Бегунова А.И.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000.

рабочие-крестьяне-мелкие буржуа. При таком подходе вокруг первой группы создается своеобразный вакуум, и ничто не связывает ее с «низами» общества, причем на всем протяжении истории.

Следует, однако, заметить, что привилегированные социальные группы (весьма неоднородные по своему составу) существовали всегда, и они не были закрыты для представителей других слоев общества. Таким образом, ратуя за возврат индивида на историческую сцену, необходимо, как мне кажется, в том числе устранить неоправданную дискриминацию в изучении повседневности аристократии, как это и пытался делать Юрий Львович Бессмертный.

В отношении средневековой эпохи именно у этих групп населения (условно называемых «знатью» или «аристократией») имеется больше шансов стать интересными историку повседневности, поскольку богатая источниковая база свидетельствует сама за себя. Средневековое «безмолвствующее большинство» сложнее поддается исследованию с точки зрения повседневных практик и взаимоотношений. И одним из наиболее перспективных для специалиста по истории повседневности срезов общества мне представляется *придворная* знать позднего Средневековья. Как социальная группа она вполне заслуживает изучения, поскольку самые разные стороны ее бытования весьма неплохо отражены в источниках эпохи.

В средневековой Европе дворы властителей начинают развиваться и разрастаться примерно с XIV в. Экономический кризис, вызванный войнами и эпидемиями, повлекшими за собой падение сеньориальных доходов, вел к обнищанию аристократии, которая начала тянуться к дворам властителей в поисках средств к существованию. Особенно активно процесс развития придворной жизни и всех форм придворных отношений наблюдается в XV столетии. В это время дворы становятся уже настолько многочисленными сообществами, что при описании количества людей, собравшихся на какое-либо торжество, современники нередко используют слово «давка». Подобные изменения придворной жизни происходили меж тем при весьма ограниченном объеме ресурсов. Финансов, должностей, «вакансий» ближних друзей правителя не могло хватать на всех. С одной стороны, привлечение как можно большего числа ари-

стократов ко двору было выгодно монарху, поскольку таким образом он снимал возможные проявления сепаратизма на местах. С другой, создавалась напряженная ситуация борьбы за благосклонность властителя и получаемые от него милости. Подобная негласная конкуренция порождала глухую зависть среди придворных, вербализировавшуюся в злоречии, сплетнях, обсуждении слухов, поношении тех, кто добился большего и находился ближе к правителю. Такое поведение становилось привычной частью повседневной жизни знати, отражение которой мы находим в самых разных текстах эпохи.

Способы устно выражать собственное раздражение и недовольство критиковались церковью и считались *peccata linguae*, грехами языка. Один из самых авторитетных богословов Средневековья, Григорий Великий, видел в зависти пять составляющих: грусть при виде благ другого, радость при виде бед другого, перешептывания, хулу и ненависть[7]. Любопытно, что понятие зависти (*invidia*) не встречается в текстах до XIII в., зато в XV в. присутствует уже повсеместно[8]. Особенно наглядно это проявляется в источниках, вышедших из придворного круга. Иконография позднего Средневековья подсказывает, что завистью были не молчаливые и таящиеся в глубине души грусть, радость или ненависть. Все эти чувства выражались вербально, а потому могли изображаться через высунутый язык, в виде пламени или змеи, вылезающей изо рта персонажа[9]. Также зависть иногда изображалась в виде собаки[10], что не может не напомнить «придворных псов» – идущий от Боэция и весьма популярный в конце XIV–XV вв. образ придворных[11]. К

---

[7] *Vincent-Cassy M.* L'envie au Moyen age // Annales. E.S.C. 1980. № 35 (2). P. 254.

[8] Ibidem. P. 253.

[9] Ibidem. P. 260. Об иконографии высунутого языка как орудия дьявола см.: *Махов А.Е.* Обнаженный язык дьявола как иконографический мотив // Одиссей. Человек в истории – 2003: Язык Библии в нарративе. М., 2003. С. 332–367.

[10] *Vincent-Cassy M.* L'envie au Moyen age. P. 256.

[11] *Autrand Fr.* De l'Enfer au Purgatoire : la cour à travers quelques textes français du milieu du XIVe à la fin du XVe siècle // L'État et les aristocraties, XIIe-XVIIe siècles. France, Angleterre, Écosse / Ed. par Ph. Contamine. P., 1989. P. 52; *Vincent-Cassy M.* Les péchés de la cour de

началу XIV в. богословы насчитывали уже больше двух десятков «грехов языка»[12].

В полной мере сказанное выше относится и к жизни позднесредневековых французских дворов: королевского и герцогских, заимствовавших в той или иной мере королевскую модель функционирования. Достаточно ограниченный, но не закрытый; иерархичный, но в котором с помощью браков, денег, талантов можно было быстро продвинуться по служебной лестнице или же скатиться вниз из-за зависти недоброжелателей – придворный мир представляется беспокойным, несмолкающим, бурлящим скоплением людей. Недаром Алэн Шартье в своем сочинении «Придворный» высказывает мысль, что попасть в придворную среду «все равно, что утонуть в море»[13]. Самые разные источники – от ордонансов до новелл – показывают двор в вечном неутихающем движении: придворные передвигаются от должности к должности, от замка к замку, переходят из одной группировки в другую. При изучении позднесредневекового двора (а, возможно, и двора Нового времени) напрашивается неожиданная параллель с советской коммунальной квартирой и бытом общежития[14], в которых устанавливались свои правила «выживания», а вербальная коммуникация хотя и негласно регламентировалась, чаще выходила за рамки нормы, чем следовала ей. Для устойчивого функционирования подобного сообщества, а точнее, для адекватного взаимодействия в нем, должны были существовать этические правила, без которых при дворе воцарился бы хаос. Однако, судя по всему, ус-

---

Charles VI // La Cour du Prince. Cour de France et cours d'Europe, XIIIe-XVe siècles / Ed. par M. Gaude-Ferragu, B. Laurioux et J. Paviot. P., 2010. P. 340.

[12] *Casagrande C., Vecchio S.* « Tu ne porteras point de faux témoignage contre ton prochain »: le décalogue et les péchés de langue // La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières / Sous la dir. de D. Romagnoli. P., 1995. P. 89.

[13] *Chartier Alain.* Le curial // Coppie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy à Loÿs son fils // Lannoy B. de, Dansaert G. Jean de Lannoy le Batisseur. 1410-1493. P.-Bruxelles, 1937. P. 176. С бушующем морем сравнивает двор и Жан Мешино: *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 2002. С. 159. Этот мотив встречается и в других анти-куриальных сочинениях. См.: <*Walton T.*> Introduction // Le doctrinal du temps présent de Pierre Michault (1466) / Ed. T. Walton. P., 1931. P. XLIII.

[14] *Утехин И.В.* Очерки коммунального быта. М., 2004.

ловные границы нормы нередко преступали, поскольку в источниках самых разных жанров встречаются многочисленные свидетельства поведения, несоответствовавшего общепринятому.

В этой среде были свои «великие» и «маленькие» люди со своими большими и малыми заботами и устремлениями. Несмотря на личные и внутрисоциальные различия, они все же существовали в рамках одного этоса, что позволяет рассматривать их индивидуальные стратегии поведения в рамках группового контекста. «Выудить» из многообразия документов свидетельства о жизненных приоритетах придворных, их задумках и планах, отношении к окружающим людям и событиям представляется кропотливой, но интересной и вполне выполнимой работой. В данной статье мы остановимся на одном подобном сюжете, а именно, на особенностях *повседневной этики речи*, на трактовке этой проблемы в источниках разных жанров и на некоторых, наиболее ярких ее проявлениях в повседневной жизни бургундского двора.

***

Гортань их – открытый гроб;
языком своим обманывают;
яд аспидов на губах их;
Уста их полны злословия и горечи.
Рим. 3: 13-14

При чтении позднесредневековых текстов, имеющих отношение ко двору (повествующих о жизни двора или созданных придворными), неизменно возникает ощущение непрекращающегося гула человеческих голосов. Создается впечатление, что на страницах источников люди постоянно говорят, без устали общаются друг с другом, обсуждая все, что происходит вокруг: тут прямая и косвенная речь хроник, диалоги в новеллах, бичевание речевых грехов в дидактических сочинениях, произнесение торжественных обетов, дебаты на различных заседаниях. Однако зачастую эти разговоры оказываются не слишком приятны для тех, кто при них не присутствует, но о ком идет речь.

О других людях сплетничали и злословили, вероятно, на протяжении всего Средневековья, между тем, наиболее остро

проблема стала проявляться в тесных многочисленных сообществах – изначально в монастырях – единственном в то время месте проживания замкнутого круга людей. С развитием дворов позднего Средневековья данная проблема проявилась и в окружении правителей. Именно в таком, относительно ограниченном сообществе при наличии фигуры, наделенной верховной властью, возникает ситуация конкуренции в борьбе за благосклонность монарха, выражавшуюся в финансовом эквиваленте. Избавиться от соперников и решить вопрос раз и навсегда путем их физического устранения, как это случалось во времена Меровингов, уже было невозможно. У большинства представителей знати не было прежней силы, потраченной на конкурентную борьбу за земли в ранее Средневековье, теперь в их распоряжении остался лишь определенный социальный статус[15]. В этих условиях наиболее действенным и универсальным оружием становился злословящий, оскорбляющий, насмехающийся, порочащий язык.

Проблема *peccata linguae*, грехов языка, родилась задолго до появления такого феномена, как двор[16]. Видимо, во все времена люди выражали свое недовольство, зависть или ненависть посредством языка, самого доступного и молниеносного орудия. Еще в Библии мы неоднократно встречаем упоминания «лукавого и коварного языка». И там же человеческий язык сравнивается с оружием: мечом, луком и стрелами, бичом[17]. О тех или иных речевых грехах писали еще первые отцы церкви, обвиняя, между тем, не сам язык как часть тела, а душу говорящего[18].

К концу Средневековья проблема стала весьма актуальной, о чем сообщали поучительные трактаты и прочие сочинения дидактического характера. Особенное значение она приобрела в придворных кругах[19]. Самым известным сочинителем,

---

[15] *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.;СПб., 2001. Т. 2. С. 127–128.

[16] См. подробнее: *Крылова Ю.П.* «Неудачно сказанное слово опаснее удачного удара мечом». Речь в придворной повседневности Бургундии XV в. // Французский ежегодник-2014. М., 2014. С. 156.

[17] Пс. 57:4; Пс. 59:7; Пс. 64:3; Пр. 12:18; Иер. 9:8 и др.

[18] *Махов А.Е.* Указ. соч. С. 335.

[19] Так, у одного из авторов есть сюжет, как от кровосмесительного брака Зависти и Тщеславия, родилось Злословие, которое мать (За-

обратившим внимание на несовершенства придворной вербальной коммуникации, был упоминавшийся выше Алэн Шартье с его сочинением «Придворный». Данный сюжет также активно эксплуатировали Кристина Пизанская, Эсташ Дешан, немногим позже – Жан де Бюэй, Пьер Мишо, анонимный автор «Обманутого при дворе» (долгое время его идентифицировали с герцогом Рене Анжуйским) и другие. Очевидно, что проблема существовала, и она волновала сочинителей, писавших в самых разных жанрах. В целом, позднесредневековую придворную литературу, и особенно бургундскую с ее несмолкающим «гулом голосов», можно рассматривать как историю вербальной коммуникации в повседневной жизни двора.

В позднее Средневековье особенно активно разрабатывают эту проблематику именно моралисты. Дидактика вообще была чрезвычайно популярна в то время, однако в XIV–XV вв. поучительный уклон имели не только наставления и трактаты, но и поэзия, исторические труды и даже романы. В подобных источниках находили отражение многие проблемы повседневной жизни, а также эмоциональные реакции авторов сочинений, изображающих современную им реальность. Популярность многих из этих текстов, а также актуализация одних и тех же насущных проблем позволяет считать подобные источники репрезентативными для исследования повседневных практик.

При бургундском дворе в то время «дидактика процветала как никогда»[20], в чем не трудно убедиться, взглянув на каталоги библиотек герцогов Бургундских. В их окружении были и авторы поучительных сочинений.

Немало страниц свого труда, «Поучения сыну» (1464), бургундский придворный Жан де Ланнуа посвятил именно умению правильно говорить, поскольку «человек узнается по разговору»[21]. Идея правильной речи как необходимого человеку навыка, особенно в окружении правителя, проходит красной

висть) привела ко двору, где оно и процветало См: *Vincent-Cassy M.* L'envie au Moyen age. P. 262.

[20] *Doutrepont G.* La littérature française à la cour des ducs de Bourgogne: Philippe le Hardi, Jean sans Peur, Philippe le Bon, Charles le Téméraire. P., 1909. P. 290.

[21] Coppie des lettres. P. 133.

нитью через его сочинение[22]. Свои высказывания, с его точки зрения, следует обдумывать сообразно ситуации и месту, в котором находишься. Он без обиняков советует сыну: «Никогда не открывай рот по просьбе людей навязчивых, завистливых, льстецов и обманщиков, и особенно тех, кто <обитает> при дворах принцев»[23]. Лучше слушать, чем говорить, так как по словам судят о нраве, а от этого суждения уже будет зависеть репутация человека в обществе. Ланнуа готовит адресата своего сочинения к тому, что придворное общество практически поголовно состоит из недоброжелателей. Даже тот, кто выдает себя за друга, может оказаться скрытым врагом[24]. Для существования в этой опасной среде требуется соблюдать правила, о которых и повествует автор – опытный придворный.

Жан де Ланнуа настроен в целом весьма критически по отношению ко двору как явлению. Он не конкретизирует, какой именно двор подразумевает, возможно потому, что видел их немало: всю жизнь вращался в среде приближенных Филиппа Доброго, ездил с дипломатическими поручениями к французским и английским королям. С его точки зрения, «все грехи вообще сильнее проявляются именно при дворах, чем где-либо еще», «нет малого греха при большом дворе»[25]. Таков неутешительный итог его многолетнего «включенного наблюдения» за придворной жизнью. В подтверждение своего умозаключения он вставляет в собственное «Поучение сыну» полный текст «Придворного» Алэна Шартье, в котором автор в красках описывает греховную повседневность некоего двора, строящуюся в основном на *peccata linguae*: добродетель там осмеивается, правду ненавидят, красноречие используется для обмана, сдержанность кажется подозрительной[26]. Ланнуа полагает, что Шартье лишь приоткрыл завесу над жизнью и «завистью при-

---

[22] То же самое можно сказать и о поучении его родственника Жильбера де Ланнуа сыну. См. подробнее: *Крылова Ю.П.* «Нынче всякий упражняется в злословии». Французские поучительные трактаты XV в. и историческая реконструкция // От текста к реальности. (Не)возможности исторических реконструкций. М., 2012. С. 150–151.
[23] Coppie des lettres. P. 126.
[24] Ibidem. P. 129–130.
[25] Ibidem. P. 173–174.
[26] Ibidem. P. 176–177.

дворных», поскольку это – «бездна (*abysme*), как многие знают, знали и еще узнают»[27].

Поток советов Жана де Ланнуа, касающихся этики речи в придворном сообществе (и даже у́же – в близком кругу правителя), показывает автора не только как заботливого отца, обеспокоенного будущим своего отпрыска. Он и не отстраненный моралист, компилирующий из авторитетных сочинений банальные наставления. «Поучение» Ланнуа – это своеобразные воспоминания обо всей его жизни и накопленном опыте. Автор рассматривает многообразие ситуаций, которые могут произойти при дворе. Очевидно, что некоторые из них он лично наблюдал или сам пережил, получив бесценное знание о том, как следует вести себя в подобных обстоятельствах. Иначе он бы не анализировал в подробностях многочисленные случаи, которые могут произойти в процессе придворной коммуникации. Да и целиком «позаимствовать» их было бы не у кого, поскольку его наставление в этом смысле решительным образом отличается от известных нам морализаторских сочинений. Сюжет, разумеется, был не нов, на тему придворной греховной повседневности писалась масса сочинений в XIV–XV вв.[28], поэты клеймили моральный облик и поведение придворных, но, как кажется, лишь Жан де Ланнуа посвятил большую часть своего сочинения именно *вербальной* коммуникации при дворе во всех ее тонкостях и нюансах.

Вместе с тем, перед нами – не просто учебник хороших манер[29]. В советах Ланнуа слышится пережитое, прочувствованное и впоследствии осмысленное. Автора сложно назвать равнодушным, его тяготит то, что он видел за свою долгую

---

[27] Ibidem. P. 188.

[28] Известны отдельные более ранние сочинения, например, *De nugis curialium* Готье Мапа. В целом же, отголоски сюжета можно увидеть в литературе еще с Ювенала («Сатиры»). См.: *Vincent-Cassy M.* Les péchés de la cour de Charles VI. P. 339–440.

[29] В эту категорию можно, скорее, отнести сочинение родственника Жана де Ланнуа – Жильбера де Ланнуа, также уделившего теме речи немало внимания в своих «Родительских поучениях». Однако его текст написан в более нейтральной тональности: Les enseignements paternels // Oeuvres de Ghilbert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / Ed. par Ch. Potvin. Louvain, 1878.

жизнь и продолжает видеть в придворном обществе. Так, например, он считает, что те, кто придает огласке чужие ошибки, подобны людям, убивающим за компанию человека, не сделавшего им ничего дурного. Убийца наносит один удар, а остальные его добивают[30]. Именно такими он видит людей в окружении принца. Он не просто констатирует происходящее и тем более не высмеивает его, но *переживает* свойственное многим поведение, образ жизни и их повторяющиеся изо дня в день повседневные привычки. И в первую очередь это касается их речи. Следует «больше верить делам людей, чем их словам», – убежден Ланнуа.

Совершенно иной эмоциональный настрой мы наблюдаем в тексте еще одного бургундского автора – Пьера Мишо. Придворный герцога Филиппа Доброго и секретарь графа Шароле, будущего Карла Смелого, он создал весьма любопытную сатиру, посвященную современным ему придворным нравам – «Трактат о нынешних временах» (*Doctrinal du temps present*). Весьма характерно, что современники иногда называли это сочинение «Придворная мораль» (*Doctrinal de cour*)[31]. И это неслучайно, поскольку в одной из первых глав автор сообщает, что был бы рад писать о добродетелях, но «требование времени и современный образ жизни, в первую очередь при дворах» вынуждают его описывать то, что он видит[32].

Пьер Мишо избирает совершенно иной жанр, нежели Жан де Ланнуа, для изображения вопиющих проблем придворного общества. В его сочинении покинутая всеми Дама Добродетель сопровождает Автора по его просьбе в Школу Пороков, в которой обучают потенциальных придворных, как себя вести. Немаловажный акцент делается на речевой вседозволенности, и более того – на агрессии, поскольку «так (вести себя. – *Ю.К.*) сейчас принято»[33]. Сочинение состоит из чередующихся прозаических и поэтических частей, большинство из которых

[30] Coppie des lettres. P. 142.

[31] Под таким названием сочинение значится в 3 из 8 известных рукописей: BNF Mss.fr. 1653, 1655–1656; Bayerische Staatsbibliothek (München), Codices gallici, 24. Первые два кодекса датируются XV в., последний – началом XVI в.

[32] Le doctrinal du temps présent de Pierre Michault. P. 4–5.

[33] Ibidem. P. 90.

представляет собой речь: прямую, косвенную, оформленную преимущественно в виде диалогов. Любопытно, что и многие другие произведения Пьера Мишо являют собой те или иные виды диалогов[34], что лишь подтверждает «шумовое» ощущение от текстов этого периода. Для «Трактата о нынешних временах» Мишо позаимствовал идею известной «Грамматики» Александра Вилльдьё (XIII в.). Однако грамматические формы и действия в сатире Мишо находят исключительно придворное применение, и учат им своеобразные учителя: Хвастовство, Молва, Клевета, Насмешка, Тщеславие, Честолюбие и другие – под руководством Лицемерия. Так, обучая неправильным глаголам, Молва учит сплетничать, а Хвастовство, объясняя латинские падежи, сообщает, что номинатив означает восхваление себя, аккузатив – обвинение другого, вокатив – лесть вышестоящему, и т.п. Мэтры Школы Пороков наставляют потенциальных придворных[35] в своем искусстве: «Будьте вызывающи / в вашей речи и словах, / И соответственно решительней следуйте наставлениям Молвы»[36]; «Будьте усердны, дети, / В распускании сплетен / И слухов между людьми, / Используя клевету»[37]. Лесть обучает ударениям в словах, и ее урок, как оказывается, нужно понимать буквально: «На одно слово говорите десять, / всегда наращивая грубые оскорбления. / И не считайте подобные неприятные слова / Лживым или подлым злословием…Если <Вам> ответят, угрожайте, что их побьют / Ваши слуги, чтобы заставить замолчать»[38].

Пьер Мишо нарисовал яркими, вызывающими красками сатирический образ герцогских придворных. Столь сочная картина, поданная очень личностно, заставила издателя его текста

---

[34] <*Walton T.*> Op. cit. P. LXXVIII.

[35] Ж.-К. Мюльталер полагает, что наставление обращено к будущим придворным, «властителям завтрашнего дня»: *Mühlethaler J.-C.* Une Grammaire des Vices à l'usage des courtisans: Le Doctrinal du temps present (1466) de Pierre Michault // Micrologus. I saperi nelle corti / Knowledge at the Courts. 2008. № XVI. P. 516. На мой взгляд, речь может идти, скорее, о потенциальных придворных вообще. Мишо показывает, что придворное поведение отличается от принятого в обычной среде, и этой «науке» нужно специально «учиться».

[36] Le doctrinal du temps présent. P. 79.

[37] Ibidem. P. 80.

[38] Ibidem. P. 131.

считать, что тот в точности воспроизвел окружающую его действительность и передал то, что он видел и слышал вокруг, в отличие от условных изображений абстрактных дворов в сочинениях Алэна Шартье или Энея Сильвио Пикколомини[39]. Своеобразная анти-мораль Мишо подается так наглядно и увлекательно, что в XVIII в. один из критиков поставил под сомнение морализаторские намерения Пьера Мишо, обвинив его в обратном: в прививании вкуса к греху[40].

Жан де Ланнуа и Пьер Мишо показывают нам бургундское придворное общество сквозь призму собственных эмоций: один – переживая и подвергая анализу происходящее, другой – ядовито высмеивая его. Ланнуа обосновывает появление «Поучения» своими личными интенциями. Оно было написано им в сложный период жизни и не предполагало широкого распространения[41]. Неизвестно, по заказу ли работал над «Трактатом о нынешних временах» Мишо. Он посвятил его герцогу Филиппу Доброму, что вызывает недоумение. Вероятно, в его цели не входило желание расстроить престарелого принца, несмотря на весьма нелицеприятные «уроки», которые напрямую можно было отнести и к нему самому. Заказал ли кто-то Мишо текст или он сам его задумал – неизвестно, но то, что он оказался оценен читающей публикой – очевидно[42].

Интереснейший материал по проблеме речевого поведения в придворном обществе предоставляют и бургундские хроники XV в. Подобный жанр обычно не предполагает личной инициативы при написании. Считается, что описываемые события должны носить общественный характер и быть важными для потомков. Однако и в хрониках, особенно позднесредневековых, ярко проявляется личность автора: его интересы, взгляды, политические симпатии.

---

[39] <*Walton T.*> Op. cit. P. XLIX–L.

[40] Цит. по: *Lemaire J.-Ch.* Les visions de la vie de cour dans la littérature française de la fin du Moyen Âge. P.-Bruxelles, 1994. P. 349.

[41] См. подробнее: *Крылова Ю.П.* «Противоречивый» Жан де Ланнуа: взгляд со стороны и саморепрезентация // Ретроспективная информация источников: образы и реальность. М., 2013. С. 116–132. Об этом свидетельствует и наличие всего четырех рукописей сочинения.

[42] Сохранилось 8 рукописей и 5 изданий XV в. – начала XVI вв. (одно из изданий – в переводе на нидерландский язык).

К XV в. «грехи языка» стали действенным инструментом в политике, в том числе и во внешней. Хорошо известна характеристика, данная Филиппом де Коммином Людовику XI: король «с легкостью злословил о людях и в глаза и за глаза,…но когда его болтливость приносила ему неприятности,…он говорил обиженному: «Я знаю, что язык мой причиняет мне много вреда»»[43]. Распространение сплетен и клеветы о своих соперниках – политических, клановых или личных – похоже, было весьма распространено в придворной среде. И чем выше был пост противника, чем ближе к правителю он находился, тем сильнее был гул голосов, обсуждавших его. Остановимся на нескольких эпизодах, характеризующих особенности вербальной коммуникации внутри бургундского придворного сообщества, сохраненных в хрониках.

Любопытные сведения донесли до нас бургундские хронисты Жорж Шатлен и Жак Дю Клерк. Они отнюдь не являлись моралистами, в их цели не входило целенаправленное изображение нравственного обнищания придворного общества. Но из их пересказов того или иного события можно извлечь информацию не только о чьих-то неблаговидных поступках, если они имели место, но и об их личном отношении к событиям, особенностях собственного поведения, если они принимали в них участие. Так, Жорж Шатлен пересказывает один случай, очевидцем которого он был. Со слов высокопоставленного придворного Филиппа По, сеньора де Ла Роша, хронист передает разговор, который тот имел с сеньором Антуаном де Круи, первым камергером герцога Бургундского и самым влиятельным человеком в герцогстве на тот момент. Весьма симптоматично, с чего Шатлен начинает свой рассказ. Он описывает, как в комнате Круи после ужина находилась большая компания, все беседовали между собой. В какой-то момент Ла Рош отвел Круи в сторону для приватной беседы. Шатлен их видел, но не мог расслышать, о чем шла речь. Он мог лишь строить предположения о теме их беседы: «Я смотрел на них чрезвычайно внимательно, во все глаза, представляя себе, о чем они могут гово-

[43] *Филипп де Коммин*. Мемуары / Пер., ст. и прим. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 35.

рить, как будто я был третьим среди них»[44]. Хронист, не смущаясь, повествует о своем поведении и снедающем его жгучем любопытстве. Он явно описывает привычки придворного, наблюдающего, как двое из самых высокопоставленных лиц в стране конфиденциально что-то обсуждают, и не видит в своем интересе к чужой приватной беседе ничего дурного. Ведь он – историограф герцога, и ему просто необходимо знать все подробности событий. Шатлен выстраивает все свое повествование из подобных нюансов. Ему важна не только констатация конкретных политических событий, но фиксация «мелочей»: пересказ разговоров, сплетен, циркулирующих при дворе и в народе, описания особенностей одежды тех или иных персонажей и прочих, казалось бы, незначительных для хроники подробностей.

Между тем, Шатлен, не удовлетворившись пустыми предположениями, в конце вечера спросил напрямик сеньора де Ла Роша, о чем у них с Круи шла речь. Несмотря на приватный характер беседы и, как мы увидим, весьма щекотливый сюжет, Ла Рош так же без стеснений передает Шатлену весь разговор, «не соврав ни в одной букве»[45]. Беседа (а это был в основном монолог Ла Роша, поскольку Круи ничего не ответил) сводилась к пересказу того, что о «Великом Круи» говорят «сто тысяч человеческих уст»[46], то есть речь шла о сплетнях. «Вы – пропащий человек», – заявил Ла Рош Круи, «близкий к тысяче опасностей, чем конец – смерть…всякий Вас проклинает и не перестает переговариваться о Ваших поступках… О вас рассказывают истории и в покоях, и на улице, сплетничают лишь о Вас, даже дети и старики»[47]. Ла Рош, судя по всему, «по-дружески» предостерегает Круи, намекая, что недруги находятся здесь же, при дворе, и, возможно, даже в его ближайшем окружении: «Обратите внимание на языки, <болтающие> за вашей спиной, в полголоса, и часто очень близко к вам»[48].

В целом, 20-ти страничный в существующем издании «Хроники» пересказ Ла Рошем сплетен о грехах Круи так или

[44] Oeuvres de Georges Chastellain / Ed. K. de Lettenhove. Bruxelles, 1864. T. 5. P. 155.
[45] Ibidem. P. 156.
[46] Ibidem.
[47] Ibidem. P. 157.
[48] Ibidem. P. 160.

иначе сводится к тому, что тот погряз в гордыне и предает интересы наследника герцогства. И хотя Шатлен устами Ла Роша передает то, о чем говорят «все», не только при дворе, но и на улице, очевидно, что поднятые проблемы связаны прежде всего с противостоянием придворных группировок: тех, кто примкнул к Антуану де Круи и кто имеет власть сейчас, и тех, кто стоит за Карлом де Шароле, наследником, чей час еще не пробил, но кого могло утомить полувековое правление Филиппа Доброго и многолетнее камергерство Антуана де Круи. По этому тексту мы можем предположить, кто распространял сплетни в пользу графа же Шароле. Рассмотрим подробнее стратегический план противников Круи в том виде, в котором он нашел свое отражение в небольшом эпизоде «Хроники» Шатлена.

Не секрет, что к передаче устной речи в источниках, особенно в хрониках, нужно относиться осторожно. Вряд ли заслуживают доверия фантастические диалоги библейских или античных героев из сообщения какого-нибудь монаха Высокого Средневековья, но, как справедливо замечает С. Менаше, не следует отмахиваться от «неправдоподобной» информации в поисках достоверных фактов. Устные свидетельства доносят до нас достоверные «представления о господствующих в обществе умонастроениях, прежде всего, присущих самим авторам, но также отражавших внутренний мир более широких слоев средневекового общества»[49]. В позднее Средневековье политическая элита начинает осознавать пользу хроник в деле пропаганды нужных идей и управления настроениями простых обывателей. Хронист мог быть, как сейчас сказали бы, недобросовестным политтехнологом, манипулирующим общественным мнением с нужной ему целью[50], используя прямую речь как риторический прием для украшения повествования и привлечения читателей[51].

---

[49] *Менаше С.* Устная традиция в хрониках: тексты и исторические контексты // Одиссей. Человек в истории–2008: Script/oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время. М., 2008. С. 100.

[50] *Dumville D.* What is a chronicle? // The Medieval Chronicle. Part II / Ed. E. Kooper. Amsterdam. 2002. P. 23. Д. Дамвил использует для его обозначения словечко «spin-doctor».

[51] *Менаше С.* Указ. соч. С. 92.

Разговор Ла Роша и Антуана де Круи в передаче Жоржа Шатлена вряд ли корректно сравнивать с диалогами мифических персонажей, поскольку речь в данном случае идет о современниках автора, который и сам был отчасти очевидцем событий. Однако дошедшая до нас информация прошла в своем развитии несколько стадий, так как хронист сам не слышал разговор. Ла Рош говорил с Круи, затем передал собственный разговор Шатлену, который в свою очередь записал его, предав гласности, для будущих читателей. Шатлен не пересказывал все сплетни, которые могли циркулировать при дворе. Определенно, ему нужно было зафиксировать именно этот разговор. Достоверность сведений, по большому счету, здесь не имела значения. Возможны четыре варианта появления данной информации в Хронике Шатлена:

1). Шатлен выдумал этот разговор, чтобы показать «истинное лицо» первого камергера;

2). Ла Рош выдумал этот разговор с той же целью (или оба договорились об этом);

3). Шатлен некорректно передал услышанный от Ла Роша разговор, все с той же целью;

4). Шатлен правдиво передал все, что услышал. Но и в этом случае он влияет на мнение читателей об Антуане де Круи, формируя у них скандальный образ «правой руки» герцога.

Для создания иного сценария хронист не должен был бы вообще упоминать о беседе Ла Роша с Круи и обойти молчанием сплетни, касавшиеся камергера. Таким образом, в тексте хроники Жоржа Шатлена мы наблюдаем отнюдь не проявление болтливости любопытного хрониста, не досужий пересказ пустых придворных разговоров, а явление продуманной дискурсивной стратегии по дискредитации сильного политического противника[52].

[52] Как раз в это время (в середине 1460-х гг.) начался конфликт между семейством Круи и графом де Шароле, вследствие чего двор поделился на противоборствующие группировки. Эти события, на мой взгляд, находят отголоски не только в прямой констатации соответствующих фактов Ж. Шатленом, но и в завуалированных эпизодах, в которых проявляются его личные политические симпатии. Именно об этом пишет С. Менаше, говоря, что даже если сведения той или иной хро-

Другой бургундский хронист, Жак Дю Клерк, сохранил для нас информацию более официального порядка, но не менее любопытную для изучения особенностей вербальной коммуникации в придворной среде. Выбранный нами эпизод касается все того же конфликта Антуана де Круи и Карла де Шароле, разгоревшегося в середине 1460-х гг. Дю Клерк описывает очередной стратегический маневр графа против первого камергера и его семьи. За неделю до сбора герцогом Бургундским представителей трех сословий в Брюгге в январе 1463 г. (1464 г. по новому стилю) его сын, Карл де Шароле, экстренно потребовал от них собраться в Антверпене. Его целью было рассказать им о гневе отца, который он беспричинно навлек на себя, а точнее, о «некоторых из управляющих (*gouverneurs*) отца, которые его <Карла> не любят и поддерживают в нем <Филиппе> его гнев»[53]. Узнав о намерениях сына, Филипп Добрый пресек его попытку созвать депутатов, однако несколькими днями позже у Карла получилось увидеться с делегацией от отца в Генте. И на этот раз ему удалось, наконец, поделиться с ними своим видением «части пороков и преступлений (*partie des delits et malefices*), совершенных сеньором де Круи и его ближними»[54]. Длинный список обвинений он начинает с оскорбления, якобы нанесенного Антуаном его жене, Изабелле Бурбонской. Источник его информации неизвестен: это могла быть сама Изабелла, его преданные люди – или его вообще могло не быть. Карл вменяет Круи в вину, что тот в его отсутствие сказал графине Шароле, болевшей в тот момент, что «если бы не было никого, кто не побоялся бы переспать <с ней>, кроме него самого и графа Шароле, то он бы <Круи> велел взять его <графа> в плен и поместил бы в такое место, что он уже никогда не сделал бы ничего плохого ни ему, ни кому-либо другому»[55].

ники – намеренная дезинформация, она все же «точно отражает общие настроения, страхи, стереотипы и эмоции современников, или, по крайней мере, тех, кто эти истории сохранил»: *Менаше С.* Указ. соч. С. 85–86.

[53] Mémoires de J. Du Clercq / Ed. F. de Reiffenberg. Bruxelles, 1823. T. 4. P. 24.

[54] Ibidem. P. 29.

[55] Ibidem. Я благодарю О.И. Тогоеву за плодотворное обсуждение перевода этого пассажа.

На первый взгляд, пассаж выглядит весьма неожиданным и противоречивым. О чем здесь идет речь? Если мы верим Карлу и считаем, что подобная фраза в действительности была сказана (останавливаться на источниках самого Жака Дю Клерка мы сейчас не будем), то прежде всего перед нами – очередной придворный *peccatum linguae*. Молодой наследник, «мешающийся под ногами» многоопытного политика и постоянно встревающий в его игру, не мог не досаждать Антуану де Круи, в результате чего и прозвучала данная издевка. Но как и где она могла бы родиться? Сомнительно, чтобы Круи наедине заявил Изабелле, что он ее любовник, да еще среди многих других. Тем более, что не было смысла порочить честь жены своего политического противника без лишних ушей. Очевидно, если это произошло, то среди ее окружения[56]. Зачем Круи понадобилось оскорблять Изабеллу Бурбонскую, к которой благоволил Филипп Добрый? А оскорбление, как мы видим, было достаточно серьезным. Круи якобы заявляет, что имел (или имеет) связь с графиней, и что он не один такой, а потому вроде бы как гнушается использовать ее в своих политических целях. Подобное действие могло иметь стратегическую цель поразить Карла, поскольку в Средневековье мужская честь зависела от связанных с ним родственными узами женщин. Супружеская (не)верность жены была составляющей чести ее мужа[57]. Причем, важен был не совершенный поступок, а распространение слуха (ложного или верного), создающего соответствующую репутацию женщины. «Несчастье начинается тогда, когда говорят о женщине», – писала Кристина Пизанская[58].

Однако анализируемый пассаж наряду с сексуальным и этическим имел и политический подтекст. Круи будто бы намекал, что, если бы не констатируемая им порочность Изабеллы, то

---

[56] Карл акцентирует внимание на том, что его жена болела. И действительно, Изабелла Бурбонская умерла в следующем году от туберкулеза. Видимо, во время болезни она должны была находиться в своих покоях. Вопрос, что первый камергер герцога мог делать в комнате болеющей графини Шароле, то есть там, где по придворному распорядку теоретически ему нечего было делать, остается открытым.

[57] *Gauvard C*. Honneur de femme et femme d'honneur en France à la fin du Moyen Âge // Francia. 2001. Vol. 28(1). P. 164–165.

[58] Цит. по: Ibidem. P. 168.

он был бы готов узурпировать власть в Бургундии, то есть лишить Карла того, чем он больше всего дорожил: герцогства и жены.

Между тем, представляется крайне противоречивым рисуемый Карлом образ Антуана де Круи, ближайшего соратника герцога, опытного политика и дипломата, 40 лет игравшего в политические игры при бургундском дворе. Вспомним, что в беседе с Филиппом де Ла Рошем в переложении Шатлена он ничего не ответил на длинный список выдвинутых против него обвинений, но, судя по всему, принял их к сведению. Представить себе дальновидного и сдержанного политического деятеля, да еще достаточно преклонного возраста, остроумничающего на счет чести придворной дамы, к тому же той, которой симпатизировал его сеньор, крайне трудно. Все вышесказанное, на мой взгляд, лишь прибавляет штрихов к портрету самого Карла, лично придумавшего столь многозначительное обвинение или поверившего оговорам придворных.

Перечень его обвинений продолжает перечисление теоретически возможных проступков Антуана де Круи с неправдоподобными. Четыре из них связаны с речью: Карл жалуется своим слушателям на оскорбляющие его честь высказывания камергера. Тот якобы хвастался, что у него есть 900 воинов, которые за него пойдут на смерть, а у Карла – нет ничего. Завидев его, Круи некогда сказал: «Посмотрите, вот идет великий дьявол; пока он жив, нам не ждать добра при дворе». Также наследнику якобы рассказали, что когда он уехал в Голландию, Круи сказал, что Карл сбежал от страха перед ним. Хвалился Антуан де Круи и тем, что в Артуа ему все преданы, и если Карл рассчитывает на Фландрию и Брабант, то зря, поскольку они – верные друзья Круи и бросят Карла, как уже прежде случалось[59]. Как можно видеть, ни одно из этих обвинений, якобы воспроизводящих речь Круи, не содержит его суждений, высказанных непосредственно в личном разговоре с Карлом. Во всяком случае, в передаче Жака Дю Клерка граф ни разу не обмолвился об этом. Даже если Круи и высказывался в подобном духе, большинство обвинений, так или иначе, построены на слухах, которые могли передавать Карлу приближенные, либо на выдумках его собственных или тех же приближенных, желающих ему угодить.

[59] Mémoires de J. Du Clercq. T. 4. P. 30.

В полной мере этому соответствуют оставшиеся в списке обвинения, возможно, самые вопиющие, поскольку угрожают не только чести, но и самой жизнь наследника Бургундского герцогства. По словам Карла, камергер будто бы послал прево города Вастенна информацию о дате его рождения, чтобы узнать о его будущем. Как оказалось, того ждут величайшие несчастья в мире. Тот же самый прево якобы сделал так, чтобы Круи всегда мог поддерживать в Филиппе Добром гнев против сына. И, наконец, самое возмутительное – у жаждущих его смерти было шесть восковых фигурок (*images de chyre*), крещеных неким епископом, на которых было написано имя дьявола и имя того, на кого направлено магическое действие. Их можно было использовать и чтобы завоевать чью-то милость, и чтобы вызвать гнев окружающих против этой персоны[60]. Источников данных сведений граф также не сообщает, но, очевидно, что подобную информацию он мог получить только из третьих рук, что позволяет нам также квалифицировать ее как «слухи и сплетни», которые циркулировали при дворе и были, похоже, важнейшим инструментом политических интриг.

Peccata linguae, распространявшиеся обычно в разговоре, могли стать основой для того или иного сочинения, ходившего, возможно, первоначально в устной форме, а потом записанного на бумаге. Так, сохранилось три стихотворных памфлета, направленных против Антуана де Круи[61]. Они также имели своей целью очернить противника, поскольку содержали информацию, не подтверждающуюся другими источниками и противоречащую им. Памфлеты родились явно не в народной среде, далекой от политических интриг, а в непосредственной близости от эпицентра событий – при дворе, жизнь которого автор знал в подробностях.

Информация в памфлетах подается так, чтобы максимально очернить оппонента. В частности, один из них обвиняет

---

[60] Ibidem. P. 30–31.

[61] Deux ballades sur le seigneur de Croye // Leroux de Lincy A. Les chantes historiques et populaires du temps de Charles VII et de Louis XI. P., 1857. № 9, 10. Третий памфлет опубликован в: *Lopelmann M.* Die Liederhandschrift des Cardinals de Rohan. Gôttingen, 1923. Цит по: <*Walton T.*> Op. cit. P. LX. Последний текст оказался, к сожалению, мне недоступен.

Круи в инициировании Крестового похода против турок, что противоречит действительности, поскольку известно, что именно Круи выступал против этой идеи[62]. Два других текста связаны между собой, они начинаются одной и той же строфой, но существенно отличаются друг от друга по стилю. Возможно даже, они могли быть написаны разными авторами. Один текст – пространный, в 25 восьмистиший, умело выстроенный, второй – короткий, в 3 восьмистишия и 4 строки, возможно, незаконченный. Длинное послание содержит разнообразные обвинения, оскорбления и угрозы и приближается по смыслу к тексту, приведенному Дю Клерком. Автор превозносит Карла де Шароле, представленного в роли невинной жертвы. Анонимный автор сравнивает его с агнцем: «Никогда агнец, который пасется на лугу / Не был более кротким (*doulx*), чем Шароле»[63]. Каким бы порочным ни был Антуан де Круи, источники – в первую очередь хроники – показывают, что к Карлу менее всего мог быть применим эпитет *doulx* («добрый, кроткий, мягкий»). Очевидно, что текст создан сторонниками Шароле. Они без стеснений превозносят графа и сгущают краски, рисуя преступления камергера, ожидая, когда его «накажет Бог и заберет дьявол»[64]. Пространный памфлет написан от первого лица, с яростью и негодованием, обращенными против политического оппонента, и заканчивается проклятиями, посылаемыми на голову Круи и его рода. Предполагаю, что так прочувствованно мог написать только человек из ближнего круга Карла де Шароле. В любом случае, тот, кто выразил свои суждения и эмоции на бумаге, позволил нам отчасти «подслушать» разговор, который велся в придворной среде в непосредственной близости от политических баталий.

Таким образом, вербальные коммуникации, основанные на *peccata linguae*, были в позднем Средневековье при бургундском дворе (и, скорее всего, при всяком другом) стратегическим оружием в политических вопросах. Итогом продуманной и методичной политики опосредованного вербального давления на круг потенциальных союзников и распространения сплетен о

---

[62] Choix de chroniques et mémoires sur l`histoire de France. Oeuvre historique inédites de sire George Chastellain / Ed. J.A.C. Buchon. P., 1837. P. 325.
[63] Deux ballades sur le seigneur de Croye. P. 68.
[64] Ibidem. P. 72.

политическом противнике был конец придворной карьеры всесильного Антуана де Круи и его родственников и изгнание их из круга герцогских приближенных.

Несколько эпизодов из жизни бургундского двора, рассмотренные выше, показывают, каковы были в XV в. повседневные «нормы» коммуникативных практик в придворной среде. Вместе с тем, приведенные примеры свидетельствуют о разном отношении авторов к устоявшемуся при дворе порядку, противоречащему христианским идеалам. Реакции Жана де Ланнуа и Пьера Мишо – это осмысление и неприятие сложившейся ситуации. Их тексты говорят не только о потребности авторов противостоять творящейся при дворе вседозволенности, но и демонстрируют индивидуальные способы, которым они пытаются это делать. Бургундские хронисты, напротив, или бесстрастно передают распространенные сплетни, или даже используют их в своих целях. Однако расхождение во взглядах людей одного и того же круга очевидно. На мой взгляд, таким образом проявляется развитие этики общения в определенной среде. Так же как божба постепенно ушла из языка (сейчас трудно представить себе человека клянущегося орудиями Страстей Христа или чем-то подобным), так же, полагаю, и другие *peccata linguae* претерпевали свои микроскопические изменения в «квазинеподвижном» (по выражению Фернана Броделя) темпе. Труднодостижимая и не способствующая скорому достижению результатов христианская норма подменяется в повседневной жизни общепринятым набором правил, противоречащих в действительности норме. Именно эти новые стандарты поведения, принятые при дворе, осмысливают и примеряют на себя персонажи рассмотренных выше произведений.

Михаил Бойцов
(НИУ ВШЭ, МГУ им. М.В. Ломоносова)

Сладкая жизнь. Распорядки женской половины Тирольского двора*

25 февраля 1484 г. пятидесятишестилетний Зигмунд Габсбург (1427–1496)[1], эрцгерцог Австрийский и граф Тирольский, праздновал свою вторую свадьбу. Стремление обзавестись, наконец, законным наследником заставило его прервать вдовство, длившееся немногим более трех лет после кончины первой супруги – Элеоноры (ок. 1433–1480), дочери

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

[1] Об этой исторической фигуре см. прежде всего три обширные, хотя и весьма различные по подходам работы: 1) словарную статью: *Hye F.-H.* Sigmund (der Münzreiche) // Die Habsburger. Ein biographisches Lexikon / Hrsg. von B. Hamann. Wien, 1988. S. 418–420; 2) краткий обзор правления Зигмунда в контексте истории Тироля: Geschichte des Landes Tirol. Bd. 1. Bozen; Innsbruck; Wien, 1985. S. 459–481, и 3) опыт биографического исследования: *Baum W.* Sigmund der Münzreiche. Zur Geschichte Tirols und der habsburgischen Länder im Spätmittelalter. Bozen, 1987 (Schriftenreihe des Südtiroler Kulturinstituts, 14) с подробным перечнем литературы. О дворе Зигмунда см. прежде всего: *Bojcov M.A.* Sitten und Verhaltensnormen am Innsbrucker Hof im 15. Jahrhundert im Spiegel der Hofordnungen // Höfe und Hofordnungen 1200–1600. 5. Symposium der Residenzen-Kommission der Akademie der Wissenschaften in Göttingen / Hrsg. von H. Kruse, W. Paravicini. Sigmaringen, 1999 (Residenzenforschung, 10). S. 243–283 (имеется сокращенная русская версия: *Бойцов М.А*. Порядки и беспорядки при дворе графа Тирольского // Двор средневекового монарха: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2001. С. 93–120) и литературу, указанную там же в примечаниях. По теме данной статьи см. прежде всего: *Bojcov M.A.* Zum Frauenzimmer am Innsbrucker Hof Erzherzog Sigmunds // Der Innsbrucker Hof. Residenz und höfische Gesellschaft in Tirol vom 15. bis 19. Jahrhundert / Hrsg. von H. Noflatscher und J.P. Niederkorn. Wien, 2005. S. 197–211.

шотландского короля[2]. Новая эрцгерцогиня Австрийская и графиня Тирольская Катарина (1468–1524), представительница саксонского герцогского дома Веттинов, была примерно на сорок лет моложе своего жениха. Надеждам Зигмунда на продление его рода сбыться было не суждено: если первый брак оборвался после трагических родов, закончившихся кончиной как матери, так и новорожденного мальчика, то во втором детей вовсе не было. В Инсбруке юная Катарина быстро нажила врагов: через два года после свадьбы стараниями некоторых советников эрцгерцога и его бывшей возлюбленной ее даже обвинили в попытке отравления мужа по наущению императора Фридриха III[3].

Хотя Катарине и удалось оправдаться, не вызывает удивления, что очень скоро после кончины супруга в 1496 г. она выйдет замуж во второй раз – теперь за младшего ее на два года герцога Брауншвейгского Эриха (1470–1540)[4]. С детьми, впрочем, и в этом браке не повезет: единственная дочь проживет совсем недолго. Герцог Эрих поступит еще решительнее, чем Зигмунд: вдовцом он согласится быть немногим более года и женится на дочери бранденбургского курфюрста, возрастом менее пятнадцати лет. Эта деталь нам важна: она показывает, что для насмешек над матримониальным поведением графа Тирольского у современников было столь же мало оснований, как и у сегодняшних историков: из ума эрцгерцог тогда отнюдь не выжил (как намекали уже его современники, но чаще историки). Во всяком случае, ни решение вступить во второй брак, ни выбор столь юной партнерши сами по себе об угасании разума у Зигмунда не свидетельствовали. Скорее даже наоборот: и то и другое

[2] Как об Элеоноре Шотландской, так и о второй жене Зигмунда Катарине Саксонской см. прежде всего: *Köfler M., Caramelle S.* Die beiden Frauen des Erzherzogs Sigmund von Österreich-Tirol. Innsbruck, 1982 (Schlern-Schriften, 269).

[3] Подробнее см.: *Knöfel A.-S.* Dynastie und Prestige. Die Heiratspolitik der Wettiner. Köln; Weimar; Wien, 2009 (Dresdner Historische Studien, 9). S. 97.

[4] Об этой свадьбе см.: *Strnad A.A.* Die zweite Hochzeit der Tiroler Landesfürstin Katharina von Sachsen, Witwe nach Erzherzog Sigmund von Österreich // Tirol zwischen Zeiten und Völkern. Festschrift für Helmut Gritsch zum 60. Geburtstag am 20. Juni 2002 / Hrsg. von E. Thurnher. Innsbruck, 2002. S. 93–109.

являлось, очевидно, обычной практикой, когда возникала угроза затухания княжеского рода. Другое дело, что эрцгерцогу такие шаги успеха не принесли – в противоположность Эриху, у которого, помимо долгожданного наследника, родилось еще трое детей (причем последняя дочь появилась, когда ему исполнилось 64 года).

Разумеется, о будущих поворотах в биографии саксонской принцессы никто не догадывался, когда в 1484 г. в Инсбруке с нетерпением ожидали ее прибытия. Встречали Катарину в Тироле со всей мыслимой пышностью, пиры и турниры следовали один за другим, всякий раз производя сильное впечатление на современников. Немногие знали, сколь дорого обошлись свадебные торжества казне и уж совсем мало кто догадывался, каких нервов стоила приближенным эрцгерцога их организация[5]. Благодаря тому, что Тироль – графство очень богатое, оно не разорилось от женитьбы своего князя, но чрезмерная пышность этого празднества сильно расстроила тирольские сословия, и без того уже недовольные финансовой политикой своего государя. Иссякающего терпения им хватит, правда, еще на пять лет, пока в 1490 г. дело не дойдет до полного (хотя и почетного) отстранения Зигмунда от власти и передачи всех богатств Тироля в руки его племянника – короля Максимилиана.

На людях, занимавшихся подготовкой свадьбы Зигмунда и Катарины, помимо всего прочего, лежала задача с помощью ритуальных и организационных мер осуществить превращение чужой – саксонской – принцессы в свою – тирольскую – княгиню. По сохранившимся документам можно проследить этот многоступенчатый процесс «нейтрализации» и преодоления «чужести» – следя хотя бы за тем, как в служебных бумагах изначальное обозначение Катарины как «герцогини» постепенно заменялось сначала на «невесту», а в конце концов и на «нашу милостивейшую госпожу»[6].

---

[5] О свадьбе Зигмунда 1484 г. см.: *Baum W.* Op. cit. S. 428–431.

[6] См. о таком процессе «нострификации»: *Bojcov M.A.* «Das Frauenzimmer» oder «die Frau bei Hofe»? // Das Frauenzimmer. Die Frau bei Hofe in Spätmittelalter und Früher Neuzeit. 6. Symposium der Residenzen-Kommission der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Dresden, 26–29. September

В этом длинном и непростом процессе важную роль играли последовательные замены в свите будущей графини, которые должны были в конечном счете привести к едва ли не полному обновлению ее окружения. Первым делом старому – саксонскому – гофмейстеру невесты придали нового – тирольского – сначала только в качестве помощника. «Старому» гофмейстеру позволено было оставаться пока в своей должности (хотя бы формально) – но только до свадьбы[7]. Одновременно с новым гофмейстером невесте представляли ее новую гофмейстерину и тирольских фрейлин. Последних было на первых порах всего три, но позже (судя по аналогиям при других дворах) число местных фрейлин должно было начать расти, пока свитские дамы (обычно немногочисленные), привезенные невестой с собой, не будут оттеснены на вторые роли или же вообще покинут двор[8]. Какие при этом могли возникать конфликты, известно на примере, когда король Максимилиан I заменял итальянское окружение своей второй супруги – Бьянки Марии Сфорца[9].

Документ, обнаруженный автором этих строк в Династическом, придворном и государственном архиве в Вене[10], относится как раз к самому первому этапу «смены персонала» вокруг Катарины сразу после ее прибытия ко двору жениха. Пожалуй, еще интереснее, что благодаря этой бумаге мы получаем редкую возможность заглянуть на женскую половину позднесредневекового княжеского двора – познакомиться с тем, что в германских землях называли словом *Frauenzimmer*.

1998 / Hrsg. von J. Hirschbiegel und W. Paravicini. Stuttgart, 2000 (Residenzenforschung, 11). S. 327–337.

[7] См. сценарий для свадебных торжеств 1484 г.: «Wann Ir gnad kumbt, so sol Irm hofmaister der [Leopold von] Spiess / von stund zugegeben werden vnd Ir hofmaister sol / in Irm Ambt beleiben vntz hochzeit ain ende hat» (Tiroler Landesarchiv Innsbruck (далее: TLA). Cod. 2467 [«Rescribent der hochzeit», 1483]. Fol. 14v).

[8] См., например: *Köfler M., Caramelle S.* Op. cit. S. 143.

[9] *Niederkorn Ch.* Der Hof Maximilians I. und das höfische Leben. (Ein Beitrag zur höfischen Kulturgeschichte). Diss. Graz, 1985. S. 37–45.

[10] Wien. Haus,- Hof- und Staatsarchiv. Handschriften. B 390 (далее: HHStA) Fol. 85–93.

В современном немецком языке сказать применительно к кому-нибудь *Frauenzimmer* означает выразить пренебрежение, а то и презрение, отягощенное сексизмом. Однако до начала просвещенно-либерального отрицания придворного образа жизни это слово было свободно от отрицательных коннотаций. Имело оно как минимум два разных значения: одно «топографическое», другое – «социальное». В первом случае под *Frauenzimmer* подразумевалась если и не конкретная «комната» (*Zimmer*), то, во всяком случае, та часть замка или дворца, в которой располагалась местная госпожа с ее окружением. Тогда могли говорить о привратнике при *Frauenzimmer*, о входе во *Frauenzimmer*, о тех или иных помещениях внутри *Frauenzimmer*…

Однако еще чаще речь шла не о помещениях, а о людях. В дворцовых счетных книгах и распорядках нередко можно найти страницы, озаглавленные «*Frauenzimmer*» и заполненные списками лиц, относившихся к «женской половине». Не стоит только представлять себе дело так, будто все женщины при дворе относились к *Frauenzimmer*, или же напротив, что во *Frauenzimmer* состояли только женщины. Во-первых, и в списках «мужской половины» двора мы встречаем женскую обслугу, не говоря уже о женах придворных. Во-вторых, и в списках «женской половины» немало мужчин – причем высокопоставленных.

Похоже, мы сегодня неточно прочитываем само слово *Frauenzimmer*: под *Frauen-* понималось, видимо не столько «женщина» или «женский», сколько «госпожа». Стоит согласиться с таким переводом, как дело сразу проясняется, и мы угадываем за этим словом не однополое собрание дев и жен, замкнутое на своей «половине» дворца, а часть тирольского двора, организованную вокруг супруги князя. Естественно, что к этой части должно было относиться немало мужчин – привратников, поваров, скороходов, пажей, ловчих, музыкантов, секретарей, советников, не говоря уже о гофмейстере, шталмейстере и прочих высоких придворных чинах[11]. Однако в том распорядке для *Frauenzimmer*, который будет представлен ниже, речь пойдет действительно об одних

[11] Подробнее см.: *Bojcov M.A.* «Das Frauenzimmer» oder «die Frau bei Hofe»?

только женщинах – о фрейлинах при дворе эрцгерцогини. Строго говоря, это не вся «женская половина», а только ее часть, но уж во всяком случае самая женская ее часть…

Разумеется, не стоит ожидать, что обнаруженный распорядок – как и любой иной нормативный текст – точно отражал «действительность» повседневной придворной жизни. Однако он по меньшей мере дает представление о том, как в глазах высокопоставленного придворного второй половины XV в. *должна была* выглядеть хорошо организованная «женская половина». Со сколь серьезными отклонениями от этого идеального образа готов был мириться теоретик, составлявший нормативный документ, на какие компромиссы с несовершенной действительностью он согласился бы пойти, здесь придется оставить без внимания.

Еще 10 августа 1483 г.[12] – т.е. более, чем за полгода до свадьбы, – в свиту будущей тирольской графини Катарины приняли на службу трех первых фрейлин – Хелену Анненберг, Доротею Найдекер и Анну фон Рос вместе с их (надо полагать, весьма юным) пажом по имени Йорг Фретер[13]. Йоргу было обещано 8 рейнских гульденов и новое платье ежегодно[14]; о жаловании же для Хелены, Доротеи и Анны не говорится ни слова – то ли потому, что они рассчитывали на другие преимущества, то ли потому, что составителя чина этот вопрос не интересовал. В первый же день все три юные дамы должны были поклясться со всем тщанием выполнять свои будущие обязанности[15]. Список таковых и составляет главное содержание данного придворного распорядка – «чина» или *Ordnung*, как сам документ себя называет. Иными словами в нашем распоряжении оказался набор инструкций для «женской» части тирольского двора в Инсбруке, притом инструкции эти – самые ранние в Тироле. Ведь «чины», появившиеся еще при первой жене Зигмунда Элеоноре Шот-

[12] «Actum Insprugg am sand Lawrentzen tag. / Anno etc. LXXXIII^{to}» (HHStA Fol. 93).

[13] «Helena Annenbergerin / Dorothea Neydegkerin / Anna von Ross» (Ibid. Fol. 88).

[14] Ibid. Fol. 93.

[15] «Vnd ist In der hie nach uolgend Aid furgehalten den / auch yede gelobt vnd gesworen hat, eodem die quo s[equitur]» (Ibid. Fol. 88).

ландской, не содержали никаких нормативных текстов: они состояли только из перечней лиц, имевших право на корм и жалование при дворе[16]. Также и в других немецких княжествах для времени до 1490 г. сохранилось, похоже, очень мало инструкций – как для всей «женской» части двора, так и для отдельных ее членов[17]. (В качестве редкого и потому особенно ценного исключения следует вспомнить о чине Людвига Виттельсбаха, герцога ландсхутской ветви баварской династии, составленном еще в 1463 г. и предназначенном для гофмейстерины его супруги[18]). Почему при тирольском дворе в 1484 г. не смогли ограничиться, как встарь, простым перечислением имен, а решили составить инструкции и формулы служебных клятв – легко догадаться. Накануне второй женитьбы эрцгерцога Зигмунда всю организацию *Frauenzimmer* приходилось начинать с чистого листа: придворный штат первой графини был уже давно распущен.

Из-за опасной эпидемии, обрушившейся на южногерманские земли и прежде всего Баварию в 1483 г., свадьбу тирольского графа пришлось дважды переносить не только на новые сроки, но и с одного места на другое (сначала из Аугсбурга в Кемптен, а потом из Кемптена в Инсбрук).

---

[16] Такие придворные распорядки см., например, в: TLA Cod. 113. Fol. 90v–91; Cod. 208a. Fol. 1–2; 45v–46. Еще более ранний распорядок – вероятно 1431 или 1432 гг. (обоснование датировки см. в: *Bojcov M.A.* Sitten und Verhaltensnormen. S. 249–252), представляющий собой перечень персонала, но без каких бы то ни было служебных указаний см. в: TLA Cod. 208a. Fol. 59v–60.

[17] Об «инструктивных» распорядках для женской части двора из времени правления в Тироле Максимилиана I см. прежде всего: *Heinig P.-J.* Theorie und Praxis der „höfischen Ordnung“ unter Friedrich III. und Maximilian I. // Höfe und Hofordnungen. S. 223–242, здесь S. 230–231; *Idem*. Umb merer zucht und ordnung willen: Ein Ordnungsentwurf für das Frauenzimmer des Innsbrucker Hofs aus den ersten Tagen Kaiser Karls V. (1519) // Das Frauenzimmer. S. 311–323.

[18] Bayerisches Hauptstaatsarchiv München. Abt. III. – Geheimes Hausarchiv. Korrespondenzakten 1712 A 2 (далее: GHKA) Fol. 1–5v. Опубликовано (по другой рукописи) в: *Baader J.* Haus- und Hofhaltungsordnungen Herzogs Ludwig des Reichen von Niederbayern für das Residenzschloß Burghausen, während des Aufenthaltes seiner Gemahlin Herzogin Amalie dortselbst // Oberbayerisches Archiv für vaterländische Geschichte. Bd. 37. 1877. S. 25–54.

Именно по этой причине трем фрейлинам и их пажу пришлось полгода дожидаться знакомства с их «милостивой госпожой». Впрочем, новой эрцгерцогине Австрийской и графине Тирольской в первую очередь требовались не фрейлины, а гофмейстер и гофмейстерина, которым предстояло возглавить ее придворный штат.

Одна кандидатура была известна уже давно: гофмейстером предстояло стать Леопольду фон Шпису, служившему сначала шталмейстером[19], а позже гофмейстером[20] еще у первой супруги эрцгерцога Зигмунда. Опыт управления «женской половиной» у него был немалый, и какие тут случаются трудности, он должен был знать лучше всех. В бывшем и будущем гофмейстере Леопольде фон Шписе резоннее всего предполагать и автора интересующего нас здесь распорядка. Влиянием при дворе этот человек, насколько можно судить, пользовался немалым. Согласно доступным документам, он сыграл весьма существенную роль в подготовке брака с саксонской принцессой, да и на самой свадьбе на него были возложены ответственные обязанности. Так, он был одним из четырех человек, которым доверили присутствовать при *Beilager* – т.е. стоять у кровати молодоженов, когда они туда ложились[21]. Публичное укладывание новой четы в постель – важная церемония в средневековом немецком свадебном обряде, которая, однако, плохо освещена в источниках. Присутствующие должны были засвидетельствовать, что брак действительно состоялся, из чего, однако, еще не следует (как иной раз можно прочитать в литературе), будто первая близость супругов проходила под пристальным наблюдением родственников и придворных. Судя по немногочисленным описаниям, после того, как полог кровати задергивался, молодых все же оставляли наедине друг с другом.

---

[19] «Item Leopold Spiess Stablimaister pherd – ii» (TLA Cod. 208a, Fol. 1v, из придворного распорядка ок. 1466 г.).

[20] «Lewpold Spiess / Hofmaister – iii person» (TLA Cod. 208a. Fol. 45v, из придворного распорядка 1478 г.).

[21] «So vnsere gnadige fraw beylegen ist, sullen die auf ir / gnad warten / Graf Jos von Zelr / Graf Vlrich von Werdenberg / Herr Caspar von Lawbenberg / Leopold vom Spiess» (TLA Cod. 2467. Fol. 40). То же см. и в: TLA Cod. 2469. Fol. 80.

По контрасту с кандидатом в гофмейстеры графини Катарины, имя ее будущей гофмейстерины не называлось до последнего момента. Поэтому создается впечатление, что к этой должности относились как к технической и уж во всяком случае не имевшей политического значения. В одном подробном проекте свадьбы обсуждались даже столь мелкие ее детали, как то, с кем вместе Леопольду фон Шпису предстоит распоряжаться танцами[22]. Однако по поводу гофмейстерины автор все еще не мог высказать ничего сверх того самоочевидного соображения, что ее обязательно нужно определить ко двору ее милости. Правда, похоже, у него имелась наготове кандидатура если не гофмейстерины, то хотя бы одной фрейлины – некоей Гредль, но, как мы уже знаем, в число первых трех она так и не попала. В отношении остальных фрейлин автор не решил еще, судя по всему, ничего конкретного, сверх того, что их следует набирать из знатных семей – еще одна не самая свежая мысль. Тут же следует и совет, который автор собирается дать «его милости»: вновь пригласить ко двору девиц благородного происхождения, уже бывших фрейлинами при покойной графине Элеоноре[23]. За последним предложением смутно угадываются какие-то собственные интересы автора – поскольку критерий отбора представляется, мягко говоря, странным. Для сравнения куда понятнее мотив гофмейстера и гофмейстерины короля Максимилиана десятью годами позже, когда они пожелали собрать на женскую половину двора двадцать «лучших и самых красивых» девиц со всей страны[24]…

Лишь 5 февраля 1484 г. (т.е. менее, чем за три недели до свадьбы[25], когда поезд с невестой уже был в пути[26]), была,

---

[22] «Vnd dem Spiess sol zugegeben werden Graf Jos von / Zolr oder der von Rapoltstain, die zwen mitsambt / Irm hofmaister sullen die Tenntz versehen vnd ord-/ nen, den fürsten Tanntz zugeben vnd andern» (TLA Cod. 2467. Fol. 14v).

[23] «Irn gnaden zuordnen ain hofmaisterin zu Irer Hof / Camer Jungkfraw Gredl / Geporn Jungkfrawen vom Adl / Vnd daz sein gnad die alten junnckfrawen die vom / Adl wider neme» (TLA Cod. 2467. Fol. 14v).

[24] «...Her Niclaus Fyrmianer vnd sein weib / sücht im Land die pesten vnd hübschisten jungkfrawen / vnd frawen auf xx» (TLA Cod. 2469. Fol. 6v).

[25] О различных датировках этой свадьбы в литературе и о дате 25 февраля как дне венчания и «укладывания» молодых см.: *Ortwein M.* Der

наконец, назначена гофмейстерина[27]. Должность эту доверили некоей Йоханне, жене камергера Михеля фон Фрейберга[28]. Соответствующая запись с текстом клятвы новой гофмейстерины открывает наш документ: она приводится сразу под заголовком «*Frawen Zymmer*», четко отделяющим данный чин от остальных, собранных в кодексе. (В рукописи имеются списки ряда тирольских придворных чинов, открывающегося длинным «Распорядком 82-го года», в котором, однако, по понятным причинам, нет ни следа «женской половины». Сразу же за ним следуют интересующие нас здесь материалы: назначение гофмейстерины и фрейлин и тексты их служебных клятв).

Характерно и многозначительно, что новая гофмейстерина Йоханна фон Фрейберг клянется прежде всего «нашему милостивейшему господину эрцгерцогу Зигмунду Австрийскому» и только во вторую очередь «его милостивой супруге, нашей милостивейшей госпоже»[29]. Прекрасное подтверждение уже высказывавшемуся нами ранее тезису, что даже женская часть двора принадлежала в той же (а то и большей) мере к окружению князя, нежели к окружению княгини[30]. Теперь очевидно, что и современники не только знали об этом обстоятельстве, но даже нашли для него ясную правовую формулу.

Гофмейстерина обязуется перед графом и графиней, во-первых, «быть верной и послушной», во-вторых, «со всем рвением заботиться о пользе и благе их милостей» и, в-третьих,

---

Innsbrucker Hof zur Zeit Erzherzog Sigmunds des Münzreichen. Ein Beitrag zur Geschichte der materiellen Kultur. (Diss.). Innsbruck, 1936. S. 142.

[26] «Расписание» движения свадебного поезда см. в: TLA Cod. 2466 Fol. 12. Прибытие в Инсбрук было запланировано на 24 февраля и, вероятно, действительно состоялось в этот самый день.

[27] «Hofmaystrin / Johanna Micheln von Freyberg eeliche hawsfraw ist / zu hofmaystrin aufgenomen. Actum Insprugg an sand / Achatien tag Anno domini etc. 84to» (HHStA Fol. 86).

[28] В одном придворном распорядке 1488 г. Михель фон Фрейберг назван камергером и шталмейстером: TLA Cod. 113. Fol. 85.

[29] «… Am ersten vnserm gnedigisten / herrn Ertzhertzog Sigmunden von Osterreich darnach seiner / gnadigen Eemahlen vnser gnedigisten frawen…» (HHStA Fol. 86).

[30] *Bojcov M.A.* «Das Frauenzimmer» oder «die Frau bei Hofe»? S. 331.

«не допускать ущерба» для них[31]. Следующий пункт типичен для клятв княжеских советников и слуг, состоявших особо близко при персоне князя или княгини. Они должны блюсти тайну, причем до самой смерти[32]. Правда в другой ситуации гофмейстерине никак нельзя молчать – напротив, от нее требуют говорить и притом как можно подробнее. Там и тогда, где и когда ей доведется узнать нечто, «из чего нашим милостям может воспоследовать урон», и она не сможет его предотвратить собственными силами, ей следует немедленно оповестить *его* (опять-таки не *ее*) милость[33]. Таким образом, текст клятвы определенно направлен прежде всего на то, чтобы обязать гофмейстерину к полной лояльности эрцгерцогу. Характер же ее служебных обязанностей, напротив, обозначен, как ни странно, лишь в самом общем виде и единственной фразой. При этом акцент в ней делается снова на послушании клянущейся: «И пусть делает все, что верная гофмейстерина должна и обязана делать по отношению к ее милостивым господину и госпоже»[34]. Иными словами, ясного круга задач у гофмейстерины либо вовсе нет, либо он настолько широк, что не поддается обозрению: ее миссия состоит прежде всего в том, чтобы выполнять волю князя. На какую награду вправе рассчитывать гофмейстерина за ее нелегкую службу, в документе не говорится[35].

Все три фрейлины, уже давно взятые ко двору (но лишь теперь поступившие под начало только что назначенной Йоханны фон Фрейберг), принадлежали к лучшим и

---

[31] «… getrew gehorsam / vnd gewertig zu sein, Irer gnaden nutz vnd frumen Zefurdern / schaden ze wennden…» (HHStA Fol. 86).

[32] «…die gehaym vntz in den tod zuuersweygen» (Ibidem).

[33] «Vnd wo Ir icht verstundet daraus Irn gnaden schad ensteen / mochte, das nach Ewren pesten vermugen wendet <…> / aber solchs mit vndersteen möchtet, zestunden an sein gnad / gelangen lasset» (Ibidem).

[34] «…Vnd alles das tuet, das ein getrewer hof- / maisterin Irm gnedigen herrn vnd frawen zetun schuldig / vnd gebunden ist» (Ibidem).

[35] Известно, что, например, некая Паула фон Фирмиан, гофмейстерина королевы Бьянки Марии, получала ежегодное жалование в размере 200 гульденов. Кроме того, она могла держать при дворе (за счет государя) собственных конюха, трабанта и двух лошадей. Для сравнения ее муж – гофмейстер при том же дворе – получал за свою службу более 500 гульденов: *Niederkorn Ch.* Op. cit. S. 39.

влиятельнейшим тирольским родам, представители которых с давних пор пребывали в ближайшем окружении князя. Так, Антон фон Рос занимал важную должность «старшего амтмана», тогда как Мартин и Зигмунд Найдекер и Парцифаль фон Анненберг (правда, скончавшийся еще в 1465 г.) много лет были придворными Зигмунда. Выбор первых свитских дам для новой графини еще раз показывает, сколь тесно Зигмунд был связан с узким кругом тирольской знати и какое влияние эти семьи на него оказывали – надо полагать, не только в вопросе выбора фрейлин...

Три девицы должны были поклясться в верности опять-таки не одной лишь графине, но «прежде всего нашему милостивейшему господину, а затем нашей милостивейшей госпоже, супруге его княжеской милости». Обещали они «быть верными, послушными и усердными, а также верно служить» князю и княгине[36]. Правда, здесь долг послушания несколько ограничивается оборотом, который, кажется, не встречается в клятвах других придворных – ни в Тироле, ни в других землях. Итак, фрейлины должны слушаться, но только «во всех порядочных и честных делах» (*in allen Zymlichen vnd erlichen Sachen*). И в следующей же фразе: «Если вдруг что-либо будет предпринято против их чести, им следует тотчас жаловаться». Почему именно фрейлины могли столкнуться с какими-то «непорядочными и нечестными» деяниями, догадаться легко. Но нам здесь прежде всего интересно появление правовой формулы, в каких-то ситуациях освобождавшей их (хотя бы теоретически) даже от долга повиновения князю и княгине (не говоря уже, надо полагать, о любых, даже самых высокопоставленных придворных).

Кого же фрейлины должны были немедленно оповещать о возможных посягательствах на их честь? Подразумевается ли здесь гофмейстерина, гофмейстер (возможно, он же и автор инструкции) или даже княжеская чета? Вообще-то основная опасность для тирольских фрейлин могла исходить от самого же князя. Изрядный интерес эрцгерцога Зигмунда к женскому

[36] «Ir werdet geloben vnd Swern, vnserm / gnedigisten Herrn / zuuorab, vnd darnach vnserer gnedigisten frawen, seiner / furstlichen gnaden Gemahlin in allen Zymlichen vnd / erlichen Sachen getrew gehorsam vnd gewertig ze / sein auch trewlich zu dienen» (HHStA Fol. 88).

полу убедительно подтверждается неисчислимым множеством его незаконнорожденных детей[37]. Правда, и другие немецкие князья его поколения (не будем вспоминать здесь об иных странах и эпохах) щедро одаривали как придворных, так и не очень придворных дам своим вниманием[38], так что и здесь Зигмунда можно заподозрить скорее в следовании молчаливо признанной норме, нежели в индивидуальном эксцессивном поведении. Значение «ограничивающей оговорки» в чине 1483 г. не стоит переоценивать. Она, конечно, могла способствовать некоторому дисциплинированию – вполне в духе Норберта Элиаса[39] – обычных членов придворного общества, но вряд ли действие ее распространялось на персону князя.

В чем же состояли «порядочные и честные» обязанности, о которых автор счел нужным рассказать: по какому принципу он их отбирает и перечисляет? При первом взгляде ни логики, ни последовательности в его изложении не обнаруживается. Однако при более внимательном чтении возникает гипотеза, что автор пытается следовать за дневным распорядком женской половины и излагает обязанности фрейлин в хронологическом порядке: с утренних часов и до вечерних. Если последнее предположение верно, то «рабочий день» фрейлин начинался отнюдь не с церемонии *lever* – пробуждения и одевания княгини – и заканчивался не приготовлениями ее же ко сну, как было нормой, например, при церемонном французском дворе времен Людовика XIV. Конечно, и при дворе эрцгерцогини Катарины фрейлины могли оказывать помощь своей госпоже в ее утреннем и вечернем туалете, однако похоже, что эти услуги не приобрели характера ритуала и не подлежали письменному регламентированию. О том, что придворный церемониал в германских землях XV в. отнюдь не был столь требователен и

---

[37] См. список имен 52 идентифицированных историками детей Зигмунда: *Granichstaedten(-Czerva) R.v.* Uneheliche Kinder der Tiroler Landesfürsten // Adler. Zeitschrift für Genealogie und Heraldik. Bd. 74 (N.F. 4[XVIII]). 1954–1958. S. 33–40.

[38] См. об этом, например: *Moraw P.* Der Harem des Kurfürsten Albrecht Achilles von Brandenburg-Ansbach (†1486) // Das Frauenzimmer. S. 439–448.

[39] См.: *Элиас Н.* Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002.

всеохватен, как в Испании XVI в. или Франции второй половины XVII в. сказано уже достаточно[40].

Для автора тирольской инструкции день фрейлин начинается (если предположение о хронологическом порядке его рассказа верно), не в спальне эрцгерцогини, а уже в церкви – очевидно, на утреннем богослужении. Фрейлины должны прислуживать своей госпоже и внимать мессе с почтением и благоговением, без всякого шума или болтовни[41].

За этим более или менее конкретным пунктом следует другой, сформулированный в общем плане: «Во-вторых, они, как им и полагается, должны прислуживать моим милостивым господину и госпоже со всем почтением, приличествующим князю и княгине»[42]. Если верно предположение, что логика автора задавалась ходом дневного распорядка, то это малосодержательное указание не столь безлико, как кажется, а привязано к утренним часам. Автор даже не пытается здесь перечислить всевозможные занятия княжеской пары в это время и ограничивается лишь неясным указанием на тот модус, в каком юные дамы должны выполнять всевозможные пожелания эрцгерцога и эрцгерцогини. Местоимение «моим» в единственном числе здесь, кстати, весьма показательно: текст

---

[40] См., например: *Бойцов М.А.* Скромное обаяние власти // Одиссей: Человек в истории – 1995. М., 1995. С. 37–66; *Он же.* Порядки и беспорядки; *Bojcov M.A.* Sitten und Verhaltensnormen.

[41] «…so sullen die Jungkfrawen auf mein gnedigiste fraw zu / kirchen warten, vnd darinn mit zuchten vnd Andacht ane greynen / vnd reden mess hörn» (HHStA Fol. 89). Ср. также пункты о «почтительности» фрейлин в распорядке герцога Людвига Баварского (Ландсхут) 1463 г.: «Item vnd wann allso vorgemelter was Ir lieb auß- / fert oder get, das sey kirchferden, gejaid, garten, pade, oder sonst wei gesten vnd fremden leuten / komen wurdt, so solt du erenstlich ob / denn junckfraun sein, / das sy sich zuchtiglichen halten vnd gueter / geperde vleyssen als junckfrauen zugehoert / vnd spruchworte meiden. / Item vnd solt Sy auch albeg solhen ennden bey / einander geend vnd steend behalten, damit nit / eine hin vnd die ander herrwider lauffen auf die / orter auch nit mitd den kopff vnd augen hin / und her faren von einem zu denn andern, / dadurch Sy machen vermerckt werden» (GHKA Fol. 2v –3). Ср. также: *Baader J.* Op. cit. S. 30.

[42] «…sy meinen gnedigisten herrn vnd frawen wirdigklich / als sich gegen fursten vnd furstyn gezymbt habten vnd sich dienne- / tigklich beweysen als in wol zugepurt» (HHStA Fol. 89).

распорядка, очевидно, составлялся одним человеком, а не возник в результате коллективного творчества княжеских советников. И лучшим кандидатом на авторство, как уже говорилось, – уже в силу служебных обязанностей – представляется гофмейстер Леопольд фон Шпис.

Третий пункт тирольской инструкции посвящен княжескому застолью и потому относится, вероятно, прежде всего к обеду. Фрейлины должны «вести себя за столом добропорядочно и благовоспитанно и избегать любых избыточных и необязательных разговоров»[43]. Вообще авторам распорядков для женской половины двора что в Инсбруке, что совсем в других краях болтливость юных дам казалась самым вероятным их проступком – о нем упоминают то и дело.

В четвертом пункте важная тема застольных обыкновений продолжается: фрейлины должны «перед едой и после нее возносить хвалу всемогущему богу и благодарить с должным почитанием моего милостивого господина и госпожу, если их милости будут присутствовать»[44]. Точно так же, как и в церкви, речь здесь идет не в последнюю очередь о публичной репрезентации княжеской власти – и фрейлины должны вносить свой вклад в ее образ. При этом князь и княгиня оказываются в близком соседстве с самим Господом. Исходил ли наш автор и в самом деле из того, что князь – на втором месте после Бога, конечно, проверить трудно, но он, похоже, внушал эту мысль читателям (или скорее слушателям) своего распорядка, хотя делал это и не прямолинейно, а путем ассоциаций. Использование им такой ассоциативной связи само

[43] «…sich am Tisch ersamlich vnd zuchtigklich halten, vnd / alle vberflussig vnd vnnotdurfttig reden vermeiden sullen» (HHStA Fol. 89). Ср. похожие указания и в чине герцога Людвига: « Vnd so man zu Tisch sitzen vnd essen will / solt du albeg dy letzt in die stuben sein vnd / albeg sechen, das die junckfrauen all miteinander / zu Tisch sitzen vnd sich kaine fur die ander / sunder oder sich ander gescheft anneme. / Item vnd das sy ob dem Düsch zuchtig vnd / vnd [sic!] stüll sein alls junckfrawen zugehort» (GHKA Fol. 4). Ср. также: *Baader J.* Op. cit. S. 31.

[44] «…vor vnd nach Tisch got den almechtigen loben, vnd / danckpar sein mit gepurlicher Eer erpietung meinem gnedigsten herrn / vnd frawen, so ir gnaden gegenwurtig werden» (HHStA Fol. 89).

по себе свидетельствует, что она была глубоко укоренена и в его собственном сознании.

Пятый пункт относился, видимо, к послеобеденным часам. Как их можно было проводить? «Затем они должны заняться какими-нибудь работами, а не слоняться без дела, разве что моя милостивейшая госпожа поедет куда-либо за город или же отправится на пешую или конную прогулку»[45]. Альтернатива сформулирована вполне определенно: как правило, фрейлинам следует трудиться, а сопровождать графиню в ее прогулка и поездках – занятие не столь частое.

Тем не менее, этот вид развлечений следовало конкретизировать, что тут же и делается: «И ежели моя милостивейшая госпожа поедет за город или же отправится на конную прогулку, они тогда должны прислуживать ее милости и притом соблюдать тот порядок, который соответствует их возрасту или родовитости, никоим образом его не нарушая»[46]. Здесь мы в первый раз слышим, что для фрейлин имеется еще какой-то порядок, задаваемый не творческой волей автора, но возрастом и происхождением фрейлин. Почему именно во время безобидных конных прогулок придворная иерархия может подвергнуться столь серьезному испытанию, что для ее поддержания потребовалось вносить отдельный пункт в инструкцию? Скорее всего, речь здесь идет не более, чем о построении кавалькады: тем фрейлинам, что помоложе или менее благородного происхождения, не полагалось ехать впереди тех, что постарше и познатнее. Если принять во внимание, что на момент составления инструкции имелось всего три фрейлины, вопрос о выстраивания между ними правильной иерархии представляется не особенно сложным. Автор, однако, смотрел уже, видимо, в близкое будущее, когда, во-первых, в сопровождении невесты прибудут ее саксонские фрейлины, а, во-вторых, в штат будут приняты новые

[45] «Darnach etwas arbeiten vnd nicht / muessig geen sullen, es were dann, daz mein gnedigiste fraw über land / ziche oder Spatiern Ritte oder gienge» (Ibidem).

[46] «Vnd so mein gnedigiste fraw also über landt züge, oder spatieren ritte, daz / sy dann auf Ir gnade warten, vnd Ir yede in der ordnung wie / sich nach dem alter oder wesen gepurt beleibe vnd die in kainen weg / prechen sulle» (Ibidem).

тирольские девицы[47]. К тому же стоило, возможно, напомнить, что даже самой нетерпеливой фрейлине не следует обгонять на скаку ее госпожу...

Тот вариант, когда княгиня не покидает резиденцию верхом, а гуляет в саду, рассматривается отдельно: «Если же моя милостивейшая госпожа пойдет гулять в сад, то фрейлины должны прислуживать ей все вместе и ни одна из них не должна отделяться от ее милости или куда-либо уходить от нее»[48]. Таким образом, здесь возможное в глазах автора нарушение добропорядочности выглядит иначе, чем во время загородных прогулок верхом. Кто из фрейлин идет первой, а кто второй, оказывается в данном случае несущественным. Важно, однако, чтобы они не проявляли неположенного «индивидуализма»: не покидали госпожу, уменьшая свиту эрцгерцогини, которая должна визуализировать ее высокий статус.

Вот, наконец, день прошел, но и вечером могли возникнуть свои трудности. Фрейлины по указанию гофмейстерины должны все вместе отправляться спать в приличное время. Нельзя допускать, чтобы какая-либо из них отделялась или же пыталась задержаться, подавая тем самым дурной пример остальным[49].

Кто знает, как выстраивалась цепочка ассоциаций в сознании автора, но как раз в этой «ночной» части его указаний, после осуждения им любых попыток не ложиться

---

[47] У первой супруги Зигмунда незадолго до кончины было 22 фрейлины: «Meiner gnedigen Frawen / Jungfrawen dienern vnd / kamerfrawen xxiii» (TLA Cod. 208a. Fol. 45v).

[48] «So auch mein gnedigiste Fraw in den Garten spatiern geet, so sullen / die Jungkfrawen samentlich auf ir gnade warten, vnd sich Ir kaine / von Irn gnaden sundern noch tun in kain wege» (HHStA Fol. 89).

[49] «Sy sullen auch zu Zimlichen Zeiten, wann Sy des von der hof- / maysterin beschaiden werden, samentlichen mitainander schlaffen / geen vnd sich Ir kaine abziehen noch verhindern damit die / anderen von derselben wegen gehindert werden» (Ibidem). Похожая норма также обнаруживается в распорядке герцога Людвига: «Ты должна также сказать фрейлинам, что вечерами они все вместе должны ложиться спать, а по утрам все вместе вставать и ни одна не должна отставать от других» («Du sollt auch denn junckfrawen sagen das / Sy sich zunachts all mit ein ander schlaffen / legen vnd zumorgens al miteinander auf / sten vnd sich kaine nach der ander verhinder (hinten bleibe)») (GHKA Fol. 3v). Ср. также: *Baader J.* Op. cit. S. 31.

спать вместе со всеми, он переходит к новой теме – изолированию юных дам от внешнего мира. Этот сюжет составители придворных распорядков особенно любили: он даже мог становиться центральным, как в баварском чине герцога Людвига. В Инсбруке указания на сей счет были не столь развернутыми, но весьма сходными по сути. «Также ни одной фрейлине не положено без дозволения гофмейстерины ни уходить с женской половины к друзьям или иным лицам, ни стоять с ними перед входом в нее»[50]. Под «друзьями» в текстах такого рода обычно подразумевались родственники или их вассалы, клиенты, служители – иными словами члены той широкой *familia*, к которой относился знатный человек (в нашем случае фрейлина), которая стояла за ним и при случае могла оказать ему поддержку. Показательна тут и угроза, содержащаяся в чине баварского герцога Людвига: непослушную и неисправимую фрейлину следовало отослать «без всякой милости» обратно к ее «друзьям»[51]. Автор тирольского распорядка стремится здесь, очевидно, к тому, чтобы как можно прочнее включить фрейлину в систему интересов эрцгерцогского двора и, соответственно, сократить влияние ее семейного окружения. Тут же он запрещал фрейлинам вообще заниматься какими бы то ни было личными делами за пределами женской половины[52].

Той же цели – изолированию фрейлин от внешнего мира – служил и следующий пункт: «И ни одна фрейлина не должна принимать ни писем, ни записок – ни от друзей, ни от иных лиц, ни отправлять им свои без ведома и согласия моей милостивейшей госпожи и гофмейстерины ее милости»[53]. Здесь

---

[50] «Item daz kain Jungkfraw ane erlawbung der hofmaistrin / ausser oder fur das Zymmer weder zu freunden noch / andern geen noch stehen [sulle]» (HHStA Fol. 89v).

[51] «… iren / frunden on gnade haim senden…» (GHKA Fol. 4v). Ср. также: *Baader J.* Op. cit. S. 32.

[52] «… auch nichts fur sich selbs aygner / sachen halben ausserhalb handeln sulle» (HHStA Fol. 89v).

[53] «Vnd daz kain Jungkfraw kainerlay briefe noch schrifften weder / von frewden noch andern annemen noch ausgeen lassen / sulle, dann mit wissen vnd willen meiner gnedigsten frawen / vnd Irer gnaden hofmaysterin» (Ibidem). Аналогичное указание в чине герцога Людвига формулируется строже, он требует, что гофмейстерина вместе с гофмейстером читали бы всю

стоит обратить внимание на одну характерную деталь. В первом варианте текста было написано, что фрейлинам не положено вступать в переписку без ведома и согласия эрцгерцогини *или* гофмейстерины. Однако позже слово «или» было решительно зачеркнуто и заменено на «и». Это небольшое, но осознанное исправление носило, надо полагать, отнюдь не стилистический характер. Оно выдает, сколь слабым было положение новой эрцгерцогини при инсбрукском дворе в глазах тирольского придворного – автора цитируемого чина – и сколь сильны были опасения, что кто-то мог сыграть на возможной разнице мнений у княгини и гофмейстерины. Во всяком случае, прерогатива эрцгерцогини была тем самым урезана: она сама уже не могла по собственному разумению позволить своей фрейлине получить или отправить любую записку: по сути дела ей и самой требовалось согласие Йоханны фон Фрейберг.

Теперь внимание автора обращается к отношениям внутри узкого кружка фрейлин. Они должны общаться друг с другом вежливо и по-дружески[54]. Однако если среди них случится какая-нибудь ссора, то видимо, по мнению автора, сами они не смогут найти решения: он требует от них немедленно обратиться к гофмейстерине, которая и должна будет приложить все усилия к примирению сторон[55]. В случае же, если и ей не удастся уладить конфликт, то решение проблемы придется искать на высшем уровне – у «милостивейших господина *или* госпожи»[56]. Предлог «или» предполагает здесь, видимо, некоторое разделение компетенций между правящими супругами, хотя вряд ли уместно сомневаться, что, например,

---

корреспонденцию фрейлин и докладывали о ней князю: «Vnd sol die junckfrawen Irn frunden / schreiben wellen, oder Irn frunden In herwider, / Solt du schaffen, das ir kaine komen wierf, / schreiben, schicken einbiet noch einnem, dann / Du lesest den vor mit sambt dem Hoffmaister / vnd wisset vns douon zu andwurtten» (GHKA Fol. 3v). Ср. также: *Baader J.* Op. cit. S. 31.

[54] «…die Junckfrawen sullen frewntlich vnd erberlich mit / einander leben...» (HHStA Fol. 89v).

[55] «…vnd ob sich ainicherlay widerwillens / zwischen Inen begebe, den sullen sy zu yeden zeiten der / hofmaisterin anbringen, die sol dann vleyss tun, solchen / widerwillen abzustellen» (Ibidem).

[56] «… ob Sy aber solchs nicht volg / mocht erlangen, so sol die hofmaisterin das an meinen / gnedigisten herrn oder frawen lassen gelangen» (Ibidem).

решение о возможном увольнении непослушной фрейлины в конечном счете мог принять только сам князь.

Более мягкие наказания может налагать, разумеется, и сама гофмейстерина – в неясных пределах собственных полномочий. Юным дамам полагается не обижаться, а, наоборот, благодарить ее за них: «Фрейлины должны с готовностью слушаться гофмейстерину во всех честных делах. И ежели она решит наказать одну или нескольких из них за проступки, упомянутые выше, или какие-либо иные, им следует тогда воспринять такое наказание с признательностью как благо, а не выказывая или затаив какое-либо неудовольствие»[57].

Последнее, о чем заботится автор инструкции, – чтобы устанавливаемые им нормы не были быстро забыты: «И сей распорядок следует публично зачитывать фрейлинам каждый квартал[58] от имени моего милостивейшего господина». При каждом таком оглашении чина гофмейстерине будут даны (вероятно, тоже публично и, следовательно, демонстративно), во-первых, приказ соблюдать его в точности, а во-вторых, обещание всемерной ей в этом поддержки – очевидно, со стороны князя[59].

Регулярное зачитывание вслух членам какого-либо сообщества правил, по которым оно должно жить, – прием весьма характерный. Он сразу заставляет вспомнить ту институцию, в которой этот метод дисциплинирования был освоен, возможно, раньше всего и где он последовательнее всего применялся – монашеское братство. Сознательно или нет, автор инструкции для «женской половины» инсбрукского двора ориентируется, похоже, на монастырь как образец социального

---

[57] «...die junckfrawen sullen der hofmaysterin aller redlicher / sachen gehorsam vnd gewertig sein. Vnd ob sy ir aine / oder mer vmb solch obemelt oder ander sachen straffen / wurde, daz Sy dann solch straff zu guet vnd danck auf- / nehmen. Vnd ir darumb kainen wider willen machen / noch tragen sullen» (Ibidem).

[58] Точнее, на каждый *Quatember*, как в литургическом календаре с III в. обозначались первые дни постов, приходящихся примерно на начало каждой четверти года.

[59] «Vnd daz solch ordnung alle Quattember auf geschäfft meins / gnedigsten herrn vor den Junckfrawen offennlich verlesen / vnd der hofmaisterin beuolhen werde darob zusein, daz / die also gehalten werde mit dem zusagen, daz man ir / Rugken halten welle» (Ibidem).

устройства. Вряд ли он здесь одинок: составители других придворных чинов следовали, вероятно, тем же принципам дисциплинирования, взятым из монастырской повседневности. Распространенность этого образца задавала и широту его усвоения: отзвук монастырских норм улавливается не только во многих придворных распорядках, но, порой, и в действительной организации двора – притом далеко за пределами не только Тироля, но и германских земель вообще. О крайних – и потому бросающихся в глаза – случаях такого «совмещения» монастыря и двора в XVI в. нам известно из столь отдаленных друг от друга мест, как Эскориал и Александрова слобода. Понятно, однако, что слабее выраженные, а потому и менее заметные проявления той же тенденции встречались в Европе куда шире – притом как на католическом Западе, так и на православном Востоке. Вспомним замечание классика о «женской половине» московского двора: «…нравственным идеалом домашнего устройства в допетровском быту было устройство, во многом подражавшее монастырю … лучший древнерусский дом в этом отношении был дом, наиболее приближавшийся к такому идеалу»[60]. Насколько успешными оказались попытки теоретиков и практиков придворной жизни применить нормы для монахинь к повседневной жизни женской половины королевского или княжеского двора – совсем другой вопрос, поиски ответа на который вполне могли бы стать темой отдельной статьи, а то и монографии.

[60] *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях // Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск, 2003. С. 279–558, здесь с. 446–447.

Иллюстрации

Илл 1. Неизвестный тирольский художник (Людвиг Конрайтер?). Портрет Зигмунда Габсбурга, эргцгерцога Австрийского и графа Тирольского. Темпера, ок. 1490–1496 гг. Вена.

Илл 2. Элеонора, эрцгерцогиня Австрийская и графиня Тирольская. Гравюра, XVI–XVII вв.

Илл 3. Лукас Кранах Старший. Катарина, герцогиня Брауншвейгская (в образе Саломеи). Масло и темпера, ок. 1508–1537 гг. Лиссабон.

Илл 4. Альбрехт Дюрер. Вид на Инсбрук с севера. Акварель, 1494 /1495 гг. Вена.

Илл 5. Альбрехт Дюрер. Двор княжеской резиденции в Инсбруке в ясный день. Акварель, 1494 /1495 гг. Вена.

Илл 6. *Альбрехт Дюрер*. Двор княжеской резиденции в Инсбруке в облачный день. Акварель, 1494 /1495 гг. Вена.

Илл 7. Фасад княжеской резиденции в Инсбруке. Современная фотография, 2008 г.

Список сокращений

GHKA – Bayerisches Hauptstaatsarchiv München. Abt. III. – Geheimes Hausarchiv. Korrespondenzakten, 1712. A 2

HHStA – Wien. Haus,- Hof- und Staatsarchiv. Handschriften. B 390

TLA – Tiroler Landesarchiv Innsbruck

Анна Серегина
(ИВИ РАН)

Свое/чужое католичество. История английского путешественника в Европе середины XVI века

Поколения европейцев XVI века росли в обстановке подвижного и постоянно меняющегося конфессионального ландшафта. Признанные веками местные традиции и религиозные практики внезапно оказывались под запретом или подвергались суровой критике, менялся сам облик приходской церкви, казалось, призванный подчеркивать связь с обычаем и предками. Восприятие этих перемен в любой стране, затронутой Реформацией и/или реформа ми церкви, должно было оказываться как минимум неоднозначным, а то и весьма болезненным, варьируясь от энтузиазма до откровенной враждебности.

Историков Реформации в целом и английской Реформации в частности давно волновал вопрос об отношении обычных прихожан к изменениям официального вероучения и обрядности, неоднократно имевшим место в Англии на протяжении первой половины XVI столетия. Но если мнения их явных сторонников и противников хорошо отражены в источниках, будь то памфлеты и наставления проповедников или судебные дела, то голоса большинства англичан не слышны. Это и неудивительно: отказ признать официальное учение мог стоить жизни или карьеры, поэтому большинство выбирало тактику внешнего конформизма, заставляя поколения историков гадать, как же они на самом деле относились к происходившим на их глазах переменам и какое воздействие политика английской короны оказывала на религиозные практики прихожан на протяжении этого столетия. Так, по мнению Энтони Диккенса – последнего представителя традиционной либеральной школы – Реформация отвечала чаяниям простых англичан, была воспринята с энтузиазмом и победила уже к середине XVI в.[1] В то же время,

[1] *Dickens A.G.* Lollards and Protestants in the Diocese of York, 1509–1558. Oxford, 1959; *Idem*. The English Reformation. L., 1964.

с точки зрения ревизионистов Кристофера Хейга[2], Эмона Даффи[3] и других, в это время большинство англичан оставалось католиками и с радостью откликнулись на возвращение к традиционной литургии в правление Марии Тюдор, а успехи Реформации прослеживаются лишь применительно к концу столетия. Со своей стороны, Роберт Уайтинг[4] некогда счел, что многократные изменения литургии и положений вероучения английской церкви первой половины XVI в. вызвали у прихожан лишь рост скептицизма и равнодушия к делам веры.

В ситуации, когда прямые высказывания по вопросам веры и религиозных практик со стороны мирян были редкими, комментарии неизвестного английского путешественника середины XVI в. относительно религиозных практик, с которыми он столкнулся в ходе путешествия по Франции, Италии и Германии, имеют для нас особое значение, поскольку позволяют понять, что он сам считал обычным, нормальным и приемлемым в области религии, и дают представление о степени воздействия политических решений 1530–1540-х гг. на религиозные практики и мировоззрение рядовых англичан. Эти комментарии разбросаны по тексту рукописи, являющей собой путевые заметки, составленные в 1555 г. одним из членов английского посольства, направлявшегося в Рим (весна-лето 1555 г.), чтобы восстановить отношения Англии и папского престола, нарушенные схизмой Генриха VIII. Посольство возглавляли Томас Тёрлби,

---

[2] *Haigh C.A.* Anticlericalism and the English Reformation // History. 1983. Vol. 68. P. 391–407; *Idem.* Revisionism, the Reformation and the History of the English Reformation // The Journal of Ecclesiastical History. 1985. Vol. 36. P. 394–405; The English Reformation Revised // Ed. by C.A. Haigh. Cambridge, 1987; *Haigh C.A.* English Reformations: Religion, Politics and Society under the Tudors. Oxford, 1993; *Idem.* The Plain Man's Pathways to Heaven: Kinds of Christianity on Post-Reformation England, 1570–1640. Oxford, 2007.

[3] *Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400–1580. New Haven–L., 1992 ([2]2005); *Idem.* The Voices of Morebath: Reformation and Rebellion in an English Village. New Haven–L., 2001; *Idem.* Fires of Faith: Catholic England under Mary Tudor. New Haven–L., 2009; *Idem.* Saint, Sacrilege, Sedition: Religion and Conflict in the Tudor Reformations. L., 2012.

[4] *Whiting R.* The Blind Devotion of the People. Cambridge, 1989.

епископ Илийский[5], Энтони Браун, виконт Монтегю[6], а также доктор канонического права Эдвард Карне[78].

В настоящее время данная рукопись хранится в Британской библиотеке (Harleian MS 252, F. 49^{r}-73^{v}). Она состоит из 25 листов и не является оригиналом. Текст записок скопирован переписчиками (выделяются два почерка: основной, F. 49^{r}-67^{r}, 69^{r}-73^{v} и второй, F. 67^{r}-68^{v}), и в нем присутствуют соответствующие ошибки: повторение слов или перескакивание на строку ниже. Таким образом, перед нами – не презентационная копия; можно предположить, что автор заказал ее либо для того, чтобы удобнее было дальше ее редактировать (хотя следов такой работы нет), либо для отправки ее издателям. Почерки копиистов указывают на время создания рукописи – вторая половина XVI в.[9] В 1778 г. примерно три четверти текста рукописи

---

[5] Томас Тёрлби (*Thirlby*), епископ Илийский (1500?–1570), английский дипломат, участник посольств к монархам Франции, Шотландии и ко двору императора Карла V (в 1530–1550-х гг.).

[6] Энтони Браун, виконт Монтегю (1528–1592), член Тайного Совета королевы Марии Тюдор.

[7] В 1555 г. Мария I назначила своим представителем в Риме сэра Эдварда Карне (1495/6–1561), доктора канонического права и опытного дипломата, участвовавшего в переговорах о расторжении брака Генриха VIII и Екатерины Арагонской в 1529 г.

[8] Официальной целью посольства было принесение покаяния за грех схизмы от имени англичан и восстановление отношений Англии и папского престола. Однако маршрут передвижений посольства, позволивший послам встретиться с французским королем Генрихом II, а также всеми итальянскими правителями – герцогом Савойским, испанским губернатором Милана, маркизом Мантуанским, герцогами Феррары, Пармы, Урбино, великим герцогом Тосканским, правительством Венеции, а также немецкими князьями (собравшимися в Аугсбурге на заседании рейхстага) и эрцгерцогом Фердинандом (будущим императором), а затем задержаться в Брюсселе при дворе императора Карла V, позволяет предположить, что послам было также поручено неофициально прозондировать почву перед заключением перемирия 1556 г. между императором и французским монархом, обеспечившим мирный раздел земель Габсбургов и переход их после отречения Карла V от престола в руки Филиппа II Испанского и Фердинанда I соответственно.

[9] Рукопись написана так называемым секретарским курсивом, распространенным в Англии с середины XVI до середины XVII в. Особенно-

(разделы, касающиеся Франции и Италии) были опубликованы в подборке выдержек из государственных бумаг, подготовленной Филипом Йорком, графом Хардвиком[10]. Однако это издание не имеет комментариев и изобилует ошибками: в частности, в нем много пропусков, порой явно сознательных в тех случаях, когда транскрипция затруднена или неясно географическое название (похоже, именно поэтому в публикации отсутствуют разделы рукописи, касающиеся путешествия по Германии и Нидерландам), а правописание модернизировано. Все это делает издание 1778 г. непригодным для исследовательской работы[11].

Путевые заметки принадлежат к жанру традиционного средневекового итинерария: текст фиксирует путешествие – передвижение от города к городу, расстояния и направления, состояние дорог, и т.п. Но в отличие от многих итинериариев, составленных на основе более ранних произведений, этот текст отражает опыт реального путешествия. Помимо полезной путешественникам информации заметки сообщают читателю обо всем, представлявшемся интересным их автору. Его глаза видят не только дорогу, но и все достопримечательности, будь то строения древние и новые, церкви и места паломничеств, крепости (оцененные с точки зрения военного, – а именно, легко ли их взять штурмом), местные промыслы, ландшафт (горы и реки), пейзажи и культурная растительность. Описываются и случавшиеся по дороге казусы – например, то, как мастер Уайт (вместе с лошадью) скатился под откос в предгорьях французских Альп[12] или как членов посольства у ворот Болоньи застал врасплох сильный дождь[13], и т.п. Естественно, автора интере-

---

сти начертания букв позволяют предположить, что переписчики, вполне возможно, обучались ремеслу в первые десятилетия правления Елизаветы I (до сер. 1580-х гг.), но точнее датировать рукопись не представляется возможным.

[10] Miscellaneous State Papers from 1501 to 1726, in two volumes / Ed. by Philip Yorke, 2nd Earl of Hardwicke. L., 1778. Vol. 1. P. 62–102.

[11] В настоящий момент автор данной статьи готовит к публикации полную транскрипцию рукописного текста заметок, с русским переводом и комментариями.

[12] British Library (далее – BL), Harleian MS 252. F. 54 r–v.

[13] Ibid. F. 61r.

совало и то, кто и как принимал послов и их свиту; впрочем, никаких политических деталей – о ходе переговоров, например, или о занимавших важные должности иностранных дворянах – в тексте нет, в отличие от созданных практически одновременно с ним записок английского дипломата, сэра Томаса Хоби[14]. Возможно, наш автор был просто не в курсе политической стороны дела и описывал лишь то, что происходило непосредственно перед его глазами, а именно, церемониальную сторону (причем только те церемонии, в которых была задействована *вся* посольская свита).

Данное обстоятельство указывает на относительно низкий ранг автора среди членов посольства. Его имя осталось неизвестным, а единственное прямое заявление указывает только лишь на его принадлежность к свите епископа Илийского. Все, что мы о нем знаем, «вычитывается» из его заметок и имеет отношение, скорее, к интеллектуальным интересам, нежели к перипетиям его судьбы, которая по большей части (за исключением 1555 г.) остается для нас неизвестной. Тем не менее, кое-какой информацией об авторе мы все-таки располагаем. Во-первых, его заметки свидетельствуют о том, что он владел французским и итальянским языками. Он упоминает, что говорил по-французски с местными жителями в Савойе, а также общался с урбинскими придворными[15]. Правописание имен собственных и географических названий также говорит о знании этих языков. Когда речь идет о Франции и Италии, автор практически не делает ошибок (причем местами присутствуют вставки с перечислением имен местных дворян на итальянском)[16]. Но как только наш герой достигает немецкоязычных земель, названия становятся неузнаваемыми, свидетельствуя о типичном для англичан того времени незнании немецкого языка. Голландского или фламандского автор также не знал: географические названия Нидерландов приводятся, как правило, во французской транскрипции. Вместе с тем он оказывается весьма начитан, в том числе в античной литературе, что явству-

[14] The Travels and Life of Sir Thomas Hoby K^{t} of Bisham Abbey, Written by Himself, 1547–1564 / Ed. by E. Powell // Camden Society Miscellanea. L., 1902.
[15] BL, Harleian MS 252. F. 55^{r}, 63^{r}.
[16] Ibid. F. 59^{v}.

ет из его заметок об Италии (где он отмечает переход через реку Рубикон и место сражения Ганнибала с римлянами); он подготовился к поездке, изучив «путеводитель» Уильяма Томаса, который, возможно, имел с собой (об этой книге упоминается в рукописи)[17]. Он был (хотя бы косвенно) знаком с Полидором Вергилием и, узнав о смерти последнего (в 1555 г.), посетил его могилу во время пребывания в Урбино[18].

Автор заметок живо интересовался не только историей, но и новейшими достижениями в области астрономии: так, он с гордостью сообщает, что во время пребывания в Париже посетил знаменитого математика, астронома и картографа Оронтия (1494–1555)[19] и увидел в действии изобретенный тем инструмент – «метеороскоп», соединявший в себе астролябию и компас[20].

Его любопытство вызывала и практическая сторона жизни тех земель, по которым проезжало посольство: местными ремеслами и сельскохозяйственными культурами, а разные способы применения водяного колеса (прежде всего, во всевозможных мельницах) неизменно удостаивались его внимания[21]. Такой специфический интерес может указывать на происхождение: водяные колеса были наиболее типичны для Восточной Англии (где и находится диоцез Или), а первое в Англии водяное колесо, использовавшееся для изготовления бумаги, было сооружено в Фендиттоне (графство Кембриджшир) не кем иным, как патроном нашего автора, Томасом Тёрлби[22].

Другие из перечисленных обстоятельств: внимание, уделяемое укреплениям городов и численности их гарнизонов, – указывают на образованного молодого человека, интеллектуальные интересы которого были типичны, скорее, для дворянина, нежели для клирика. А подробные описания мест размещения свиты в каждом из городов, где останавливалось посольст-

---

[17] Ibid. F. 62^{v}, 67^{r}; *Thomas W.* The Historie of Italie. L., 1549.
[18] BL, Harleian MS 252. F. 67^{r}.
[19] Оронтий Финнеус (фр. – Оронс Фине) (1494–1555) – французский математик, астроном и картограф, преподававший математику в Королевской коллегии (ныне – Коллеж де Франс), автор *De rebus mathematicis* (1556) и *De mundi sphaera* (1542).
[20] BL, Harleian MS 252. F. 51^{r}.
[21] Ibid. F. 51^{v}, 53^{v}, 54^{r}, 67^{v}, 69^{v}, 72^{v}.
[22] *Cooper C.H.* Annals of Cambridge. Cambridge, 1843. Vol. II. P. 132.

во, позволяют причислить его к дворянам, подчинявшихся конюшему епископа: ведь именно они отвечали за «логистику» во время перемещений своего патрона. В тексте присутствуют и перечисления подаренных посольской свите продуктов и корма для лошадей[23], что дает возможность отнести автора к числу младших клерков конюшего: закупки продуктов и фуража, позволявшие манипулировать довольно крупными денежными суммами, относились к прерогативе самого конюшего или его старшего клерка, ни разу не упоминаются в заметках.

В тексте записок упоминается ряд религиозных практик, которые могут быть отнесены к нескольким группам. Практически отсутствует в нем, однако, то, что составляло основу религиозной жизни европейцев-католиков – а именно мессы. Лишь однажды автор пишет о поминальной мессе – службе по матери императора Карла V, королеве Хуане Арагонской, которая проходила в Риме и на которой присутствовала вся посольская свита. Правда, здесь нашего героя интересовал отнюдь не литургический, а политический и церемониальный аспект церемонии (свечи раздали всем, а не только самым старшим по рангу)[24]. Но это и неудивительно: для англичан середины XVI в., как и для жителей континента, латинская литургия была нормой религиозной жизни. Богослужение на английском языке ввели в 1549–1552 гг., и оно столкнулось с серьезным сопротивлением, спровоцировав даже восстание в западных графствах в 1549 г.[25] Приход к власти Марии Тюдор ознаменовался спонтанным возвращением к латинской мессе, практически повсеместно и задолго до официального распоряжения об этом[26]. Наш автор в данном отношении не отличался от соотечественников. Месса для него была обычным, ожидаемым явлением, и он явно не видел причин упоминать ее в своих заметках.

Отмечает же он практики странные и удивительные, отличные от привычных ему. В одну большую группу можно отнести то, что связано с почитанием святых и их мощей. Автор

---

[23] BL, Harleian MS 252. F. 57^{v}, 61^{r}, 64^{r}, 65^{v} и др.

[24] Ibid. F. 66^{r}: “The 12 day [of June] in the morning the Ll heard a dirge masse at the Spanish church, for ye Emperours mother w[h]ere we had every one of us a taper given us to hould all mass time in oure hands”.

[25] *Haigh C.A.* Tudor Reformations. P. 174–183.

[26] Ibid. P. 206–207.

явно был слишком молод, чтобы застать аналогичные явления в Англии, поскольку именно на них был направлен иконоборческий пафос протестантов, пытавшихся искоренить «идолопоклонство». Поэтому церкви с раками и изображениями святых поначалу казались ему в диковинку. Так, он упоминает, что в Амьене членам посольства показали хранившуюся в соборе святыню – голову св. Иоанна Крестителя[27]. А церковь аббатства Сен-Дени и вовсе заслужила подробное описание благодаря хранящимся там мощам:

«Город Сен-Дени не является ни большим, ни красивым, однако церковь великолепна, как и ее сокровища. В этой церкви мы видели раку св. Дионисия из позолоченного серебра, а также большое распятие из чистого золота; у него не хватает одной руки, которую французский король Франциск забрал для того, чтобы платить за свои войны, приделав вместо нее другую, из позолоченного серебра...»[28].

В случае с Сен-Дени описание мощей святых ставится в один ряд с перечислением хранившихся в сокровищнице монастыря королевских регалий и диковин, подобных рогу единорога[29]. Но это обстоятельство не свидетельствует о проявлении скептицизма автора по отношению к реликвий, а, скорее, напоминает нам о жанровой особенности источника. Подобное перечисление совершенно типично для средневекового итинерария. Более того, перечень хранившихся Сен-Дени христианских и королевских сокровищ соответствует известным перечням и описям подобного рода, дошедшим до нас от Средневековья и XVI–XVII столетий[30].

---

[27] BL, Harleian MS 252. F. 49^{v}: “In this towne we saw the relickes of St Iohnes head very richly enclosed in gould and many pretious Iuelles”.

[28] Ibid. F. 50^{r}–50^{v}: “The towne of St Dennis is nether fayre nor large, but ye church is great, and the treasure also. In this church we saw ye Shrine of St Dennis made of silver and guylte , and a great Roode of cleaned gould lacking but one arme, ye wch Francis ye I of France King tooke away to mayntayne his warres, adioyning in stead therof for recompence one of silver and guylt”.

[29] Ibid. F. 50^{v}–51^{r}.

[30] Самая старая из сохранившихся описей датируется 1505 г. Она издана в: Mémoires de La Société de l’Histoire de Paris. T. 28. P., 1902. P. 166–199. См. также: *Doublet J.* Histoire de . . . S. Denys. P., 1625; *Millet S.G.* Le Tresor Sacra. . . de Sainct–Denis. P., 1645.

По мере продвижения посольской свиты по Франции присутствие в церквях мощей начинает восприниматься автором заметок как нечто само собой разумеющееся. Соответственно, и упоминания о них все реже появляются на страницах его текста. Отмечает он только новые культы, о которых явно не знал раньше. Так, он побывал в часовне св. Девы Мантуанской, «наиболее чтимой в этой части Италии», отметив, что ей молятся об исцелении от огнестрельных и колотых ран в голову и грудь (которые при обычных обстоятельствах были смертельными)[31].

Скептицизм в отношении реликвий, проявленный автором, можно назвать вполне умеренным и не выходящим за рамки того, что было весьма распространенным явлением в кругу католиков. По большей части, он лишь позволяет себе отметить «как говорят» в рассказе о тех или иных святых мощах. Только дважды он выходит за рамки дозволенного, и в этих случаях за его словами скрывается сугубо политический подтекст.

В Перудже, как с негодованием сообщает наш путешественник, посольству был оказан более чем прохладный прием, поскольку, по его словам, «жители Перуджи – французы в душе»[32]. Кроме того, во время пребывания посольства в этом городе из Рима пришло известие об избрании папой Павла IV (Джованни Пьетро Караффа, 1476–1559). Уроженец Неаполя, Караффа ненавидел испанцев, и его избрание свершилось вопреки желанию Габсбургов. Соответственно, новый папа выступил союзником французов. Посольство Англии – союзницы Габсбургов – немедленно почувствовало это на себе.

Раздраженный помощник конюшего в ответ отпускает ряд уничижительных комментариев по поводу святыни, хранившейся в Перудже, – кольца, якобы принадлежавшего Деве Марии. В отличие от других эпизодов с описанием мощей, в которых отсутствуют элементы иронии (даже если автор дистанци-

[31] BL, Harleian MS 252. F. 60^{v}: “We passed throw a towne called Andadesco & by ye Lady of Mantua hir Chapell w[h]ere is the greatest offering in these partes of Italy. Ther they show pictures of men wch she preserved (as they say) y^{t} were striken into braynes & hartes, and at the backs wth swords and dagers, & where is alsoe such wonderfull workes of wax as I never saw the lyke againe”.

[32] Ibid. F. 63^{r}: “The people be all French in there harte”.

руется от приводимых историй осторожным «как говорят»), в данном случае он не скрывает своего недоверия:

«Здесь мы увидели особую реликвию, уж несомненно принадлежавшую Деве Марии, а именно, кольцо, первое (как они, не стесняясь, утверждают) из всех, что она когда-либо носила. Это большое кольцо из черного рога, которое подвешено к дарохранительнице, находящейся внутри раки, завернутой в два или три слоя батиста. Все это считается столь же чудесным, как [и] любая другая реликвия. Когда кольцо кому-нибудь показывают, это сопровождается бесконечными благословениями, прикладываниями к раке, преклонениями колен и битьем в грудь. По обе стороны от раки располагаются большие чаши, в которых сидят два-три ребенка в возрасте пяти-шести лет. Им позволяют опускаться в чашу; тогда кольцо показывают всем. Нас заставляют поверить, что эти дети питаются не мясом и водой, но чудесным образом насыщаются Св. Духом»[33].

В Риме, как и в Перудже, послам был оказан куда менее теплый прием, чем они рассчитывали (их должны были разместить во дворце Сан-Марко за счет папы, но поселились они в палаццо Фарнезе, а всю провизию, предназначенную для посольства, «папа съел сам»[34]), и раздражение англичанина вновь проявилось в скепсисе по отношению к почитаемым святыням.

Описаний христианских древностей применительно к Риму в записках отсутствуют (в том числе и потому, что автор отсылает читателя к уже существующим текстам), а из всех реликвий он перечисляет лишь сомнительные:

---

[33] Ibid. F. 64^{r}: “Here we saw a special relicke forsoth of our Ladies ring: the 1 (they sticke not to say) y^{t} ever she did ware wch is not shewed) I tell you wthout great cerimone. This 1 ring is a great ring all [of] black horne and hangeth in a pixe wthin a tabernacle, being clad wth 2 or 3 fold of lawne. That is sene in mystery as all other Relickes be, when y^{t} is shewed to any body ether is wonderfull much blessing, kissing, kneling & knocking, and upon ether side of the tabernacle, is a great basin, in the wch 2 or 3 childeren of 5 or 6 years old doe sitt, & are let downe in the basins then the ring is to be shewed to any body. They make us believe for soth that those children, and not by meate ore drinke, but are marvelously fed by the holy gost”.

[34] Ibid. F. 65^{v}: “The 2 former Popes [(] Iulius Tertius & Marcellus 2us) have made great provision for the l in the Pallace of St Marke the wch provision this new created Pope Paulus Quartus did spent & eat him selfe”.

«Мы видели целый мир реликвий, невероятных и вызывающих смех, например, изображение Христа, каким он был при жизни[35]. Один из гвоздей, которым Христос был прибит к кресту. Лестницу, по которой Христос поднимался по пути на допрос и суд Пилата. На этой лестнице Христос упал, и, пытаясь удержаться, локтем проделал в ней дыру. Эта дыра прикрыта теперь серебряной плитой, сквозь которую опускают приношения. Стол, за которым Христос и его ученики сидели во время Тайной вечери. Терновый венец, которым Христос был коронован на кресте, и многие другие, которые долго описывать»[36].

Любопытно при этом отметить, что в гостеприимном к английским путешественникам Кёльне автор также упоминает многочисленные реликвии, хранившиеся в церквях города, например, мощи св. Урсулы и 11 тысяч девственниц[37]. Он замечает, что в Кёльне «больше церквей, часовен и монастырей, чем

---

[35] Плат Вероники – платок, который св. Вероника дала Христу во время Его шествия на Голгофу для того, чтобы Он утер пот. На платке чудесным образом отпечаталось лик Христа. Он хранится в Соборе св. Петра. В XVI в., однако, ходили слухи, что подлинная «Вероника» была утрачена во время разграбления Рима в 1527 г. и заменена фальшивкой. Возможно, отсюда и скептицизм нашего автора.

[36] BL, Harleian MS 252. F. 67^{r}: “We saw a worlde of relickes in a place called <Lateran palace> very ridiculous & incredible vz the pincture of Christ likely as he was upon ye earth. Two of the nayles y^{t} Christ was nayled wth to ye Cross. The stayres wch Christ went upon going to be examined & iudged of Pilate. Upon wch stayres he had a fall, wth his elbow to save him self he made a great hole in ye stayres the wch is covered wth a grate of silver. Unto ye wch is made a great offering. The table y^{t} Christ made his supper upon wth his disciples.

The crowne of thorne wherewth Christ was crowned upon ye crosse & multis aliis quod perscribere longe est”.

[37] Ibid. F.71^{v}: “In this towne be the Relickes of ye 11 thousand virgines”. Интерес к св. Урсуле может объясняться и тем обстоятельством, что, по преданию, она была уроженкой Британии, то есть «соотечественницей» нашего автора. Мощи царей-волхвов, также хранившиеся в Кёльне, но не имевшие никакого отношения к Британским островам, не удостоились даже упоминания.

дней в году»[38], однако не демонстрирует ни малейшего скепсиса в отношении всех этих христианских святынь.

Помимо описания мощей, в тексте присутствуют упоминания о культах и практиках, не встречавшихся в Англии и не имевших там параллелей. Их автор воспринимает как некие диковины. Так, пребывание в Сен-Матюрене (Ларшан) подвигло его на описание поклонения местному святому (св. Матурину), который, как полагали, помогал душевнобольным:

«Этот св. Матурин, который (как они говорят) – святой человек, помогает лишившимся рассудка мужчинам и женщинам в течение девяти дней, если они сделают следующее. После мессы священник должен позвать душевнобольных приблизиться к алтарю и преклонить перед ним колени. Затем он произносит некие молитвы, а потом налагает ткань на их головы и, осенив их крестом, произносит определенные слова. После этого они встают и четырежды обходят вокруг алтаря, каждый раз целуя окружающие его четыре бронзовые колонны. После этого они должны сделать приношение св. Матурину – полгаллона вина, три каравая хлеба и французский су, который равняется двум английским шиллингам. Если они будут это делать на протяжении девяти дней, рассудок к ним вернется»[39].

В Савойе он отметил:

«В Сен-Андре я, придя в церковь, заметил мертвого младенца, лежащего на столе перед статуей Девы Марии, и старую женщину, сидящую и молящуюся перед ним; перед ней стояла сальная свеча, а также небольшой поднос, наполненный горохом и бобами, – ее приношение Богородице. Я спросил ее по-

[38] Ibid.: “There are in the towne as many churches chappells chantries & religious howses as ther be days in the yeare”.

[39] Ibid. F. 52^{v}: “This St Mathurins (as they sayd) is a holy man that can heple madde men & women wthin ix dayes space yf they doo this that follow. The Preist when masse is donne, must calle for ye madde man or woman, to come and kneele before ye altar, and when he hath sayd certayne prayers he must come & lay X flannel upon ther heads & say certayne words over them. That ended, they rise and goe round about the altar 4 times, and at every tyme kisse that brazen pillares that stand about the altar. Then must they offer up to St Mathurin a pottell pott full of wine 3 loaves of bread and a French suous in money wch in value in our English money II d.ob.q. And doing this for the space of 9 days together they say they shall have there right wits again”.

французски, что она собирается делать. Она ответила, что ребенок родился мертвым, и она ожидает увидеть в нем признаки жизни; или, по крайней мере, истечения крови из одной из частей его тела. Так будет продолжаться в течение 15 дней, пока тело не начнет смердеть. Если тело вдруг станет кровоточить, то, хотя в нем и не появились признаки жизни, младенца крестят, если же нет – тело бросят в реку»[40].

Подобная практика крещения тел мертворожденных младенцев – в надежде, что их души попадут в рай, а не в чистилище, – была распространенным явлением в альпийских областях Франции, Италии и Савойи вплоть до XVIII в., хотя в Англии она была неизвестна[41]. Неудивительно, что подобные действия прихожанки показались нашему англичанину шокирующими. Впрочем, порой они шокировали и римских инквизиторов…

По прибытии в Тренто послам показали мощи Симона Тридентского – мальчика, который, согласно легенде, стал жертвой ритуального убийства (1475 г.)[42]. Примечательно, что культ Симона, популярный в этом городе и в целом в Северной Италии, никогда не был официально признан Римом, а в описываемый период и вовсе был запрещен[43]. Тем не менее, местные жители совершенно не считались с данным интердиктом, о чем и свидетельствует тот факт, что реликвия показывались всем знатным иностранцам. Впрочем, в Тренто члены свиты

---

[40] Ibid. F. 55^{r}: “At St Andrewes I coming into a church about 4 a clocke at afternoon, spied a young child lying [dead] uppon a borde, before ye image of ye Lady and an ould woman seting watching and prayng by yt having alsoe a tallow candell burning, and a great many peas and beans in a littell tray the wch she had offered unto ye Lady. I asked her in French what she ment to doe. And she aunswer: that ye child was borne dead, and that she looked for lyfe of yt, or at the least to burst out of a bleeding in some place of ye body. And this they doe for the space of 15 days together tyll yt stinked. If yt be soe that yt bleed, although yt receive not lyfe yt is christened, yf not, than yt is cast in to the river”.

[41] См.: *Cavazza S.* Double Death, Resurrection and Baptism in a Seventeenth-Century Rite // History from Crime / Ed. by E. Muir and G. Ruggiero. Baltimore, 1994. P. 1–31.

[42] BL, Harleian MS 252. F. 68^{v}: “There we saw a child that the Iues have martyred many yeres past, all his body pricked wth nidles”.

[43] В период с 1476 по 1588 г. почитание Симона Триденского было запрещено Римом.

оказались без своего начальства: виконт Монтегю находился в это время в Падуе, а епископ Илийский – в Венеции[44]. Так что посещение мощей Симона Тридентского не было частью официальной программы приема послов.

На основании приведенных эпизодов вряд ли уместно делать вывод о том, что автор склонялся к протестантизму, как это сделал исследовавший заметки Майкл Кестье[45]. Скептицизм нашего путешественника не выходил за рамки практик, принятых во вполне католических кругах, к которым относился и глава английской католической церкви того времени, кардинал Реджинальд Пол: его программа реформ (отразившаяся, в частности, в материалах визитации английских диоцезов 1557 г.) отчётливо демонстрирует стремление несколько «ограничить» почитание святых, избавив его от худших средневековых эксцессов[46].

Кроме того, в тексте присутствует история о чуде, рассказанная во вполне католическом духе. В Тироле, а именно, в Зифельде,

«Господь явил чудо со святым причастием, свершившееся во время Пасхи, когда люди обычно причащаются. Некий житель этого города пришел к причастию, и когда подошло его время принимать причастие, он оказался столь гордым, что не преклонил колени вместе со всеми остальными, но остался стоять рядом с алтарем. Земля разверзлась под его ногами, чтобы поглотить его за его гордость, но для того, чтобы спастись, он схватился рукой за алтарь. Отпечаток его руки сохраняется там по сей день. Когда он погружался, священник вынул причастие у него изо рта и положил его обратно в дарохранительницу, однако вскоре после того оно стало издавать отвратительный

---

[44] О перемещениях послов в это время автор заметок не сообщает, хотя сама свита двигалась в сторону Германии без них. Виконт Монтегю в начале июля 1555 г. находился в Падуе, где его встретил сэр Филипп Хоби, брат сэра Томаса. Томаса Тёрлби, епископа Илийского, принимало в это время правительство Венеции: The Travels and Life of Sir Thomas Hoby. P.120; Calendar of State Papers, Venetian Series. Vol. VI. P. 158.

[45] *Questier M.C.* Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic patronage and Religion, c. 1550–1640. Cambridge, 2006. P. 114.

[46] *Duffy E.* The Stripping of the Altar. P. 527–537, 555–564.

запах. Тогда священник вынул его и оцарапал; причастие наполнилось кровью»[47].

В данном эпизоде проявляется традиционный для позднего Средневековья и начала XVI в. сюжет об осквернении гостии еретиком, немедленно наказанным за святотатство Божественным гневом. Примечательно, что еретик, о котором идет речь, – скорее всего, протестант. Ведь именно протестанты, которыми в то время изобиловал Тироль, обычно отказывались принимать причастие, стоя на коленях перед священником.

Другая группа описаний «чужих» для англичанина XVI в. религиозных практик посвящена монахам и монастырям. Именно они стали главной жертвой английской Реформации, и на протяжении двух десятилетий все, что относилось к этой стороне церковной жизни, в Англии высмеивалось и критиковалось. Поэтому для автора довольно неожиданным явлением стало как само количество монахов, так и их социальная роль и престиж в обществе.

В Асти послов ждала торжественная процессия. Автор объясняет: местные жители предположили, что англичане прибыли для заключения перемирия между армиями императора Карла V и французского короля; на самом деле посольство въехало в город 7 апреля 1555 г., в Вербное воскресенье. Этот день католическая Европа всегда встречала торжествами, объединявшими клириков и прихожан. Наш герой не сумел опознать это зрелище, и данное обстоятельство косвенно указывает на его возраст: родившийся в начале 1530-х гг. молодой человек вряд ли помнил торжественные процессии и крестные ходы, запрещенные в 1536 г. Вновь разрешены они были только после восшествия на престол Марии Тюдор (летом 1553 г.), а это зна-

[47] BL, Harleian MS 252. F. 69^{v}: “In this Ceseld god shewed a marvelous miracle by ye sacrament at ye tyme of Easter when ye people do of custome use to receyve ye same, a man of ye same towne came to ye church to receyve ye sacrament & when it should have bene adminestered to him he was so proud y^{t} he would not knele downe as ye rest did, but he would stand up neare the altar, for wch pride ye ground opened to swallow him up but to save him selfe he clasped his hand upon ye alter ye print whereof remayneth unto this day as he was sinking. Y^{e} preist toke ye sacrament out of his mouth and put in into ye pyxe again but in short space after it putrified; then ye preist tooken it out & scraped it, it fell a blodinge”.

чит, что в сознательном возрасте автор всего однажды до описываемых событий мог теоретически видеть приходские процессии – на Вербное воскресенье 1554 г., и они наверняка уступали итальянским по размаху.

Особенно нашего путешественника поразило то, насколько большую роль монахи монастыри играли в жизни города – и в его процессиях:

«В процессии было тринадцать крестов и такое количество монахов, которого я никогда в жизни не видел»[48].

Это высказывание совершенно справедливо: автор вырос в Англии, уже лишившейся монастырей (большая часть которых была распущена в 1536–1538 гг.), и действительно никогда не видел «такого количества монахов» вместе. Возможно также, что многие участники процессий, которых он принял за монахов, были на самом деле членами религиозных братств или же терциариями (светскими братьями) монашеских орденов, которые порой во время процессий и крестных ходов могли облачаться в монашеские рясы. Но эти практики также исчезли из жизни Англии в конце 1530-х гг. вместе с братствами, а потому не были знакомы автору записок.

Чертоза (картузианский монастырь) в окрестностях Павии поразила его не только сокровищами искусства, но прежде всего своим богатством: путешественник отметил, что доход монастыря составлял 15 000 крон в год, а община состояла из людей благородного происхождения и обладала огромным социальным престижем[49].

Однако наибольшее впечатление на него произвело то, что практически отсутствовало в Лондоне того времени – организованная благотворительность. В частности, длинный восторженный комментарий оказался посвящен Миланскому госпиталю:

«Там есть госпиталь, который распоряжается 25 000 дукатов в год; провизия там превосходит все прочие. Мы сами ви-

---

[48] Ibid. F. 57^{r}: “In this procession ther wer a 13 crosses and such a number of fryars as I never saw in all my life before”.

[49] Ibid. F. 58^{r}. Английские картузианцы (особенно монахи лондонской обители) до Реформации также пользовались большим уважением соотечественников и могли похвастаться покровительством двора и городской корпорации Лондона. Но они стали одной из первых жертв разрыва с Римом.

дели сотню тучных быков в стойле, сотню бочонков – каждый по пять тонн – вина в одном лишь погребе. Пища для больных приготовлена столь чисто и изысканно, как только можно пожелать, благодаря попечению врачей и хирургов. В этом госпитале 500 нянек, чтобы ухаживать за больными и присматривать за сиротами. Здесь еще много госпиталей, одни из них – для мужчин, другие – для женщин или детей; кроме того, за пределами города стоит еще один, для тех, кто заражен чумой, и в нем 365 комнат»[50].

Госпитали, содержавшиеся городскими общинами и функционировавшие благодаря монахам, занимались общественным призрением, обеспечивая кровом и/или лечением малоимущих, нетрудоспособных, женщин, лишившихся кормильцев и средств к существованию, а также сирот. В условиях регулярных эпидемий и непрекращающихся военных действий, разорявших Ломбардию, социальная роль монастырей и госпиталей была особенно важна для Италии, и не только для нее, но и для других стран. Однако в Англии Реформация прервала средневековую традицию, ничего не предложив взамен: лондонцам пришлось в середине XVI в. выкупать у короля здания бывших монастырских госпиталей и восстанавливать их на свои средства[51].

К моменту составления записок эти новые госпитали существовали всего около пять лет; до процветания и великолепной организации Миланского госпиталя им было далеко. Неудивительно поэтому, что наш герой уделил такое внимание миланской благотворительности – здесь было немало поучительного для англичан опыта.

---

[50] Ibid. F. 58^{v}–59^{r}: “There ys an hospital that may dispend 25000 crowns a year, the provision wher of passeth all other. For at that present we saw one 100 fat oxen in a stable, a 100 vessell of wine every one counts 5 tunne in one seller. The diet soe clenly and daintily prepared for the sicke as can be by the recourse of surgions and physisians that is a godly thinge to see. In this hospital are 500 nurses to look to ye sicke, and to bring up children. Many hospitals more were ther are som for men & some for women, and som for children, besides a house buylt wthout the towne buylt wthout the towne for such as shallbe infectured of the plague having 365 chambers severall”.

[51] См.: *Brigden S.* London and the Reformation. Oxford, 1989. Ch. 11.

Наконец, автора на всем протяжении его пути немало удивляло сосуществование конфессий, разрешенное законом – чего в Англии не было до XIX в. Так, несколько строк о себе заслужил Сансер, в силу наличия у него многочисленной протестантской общины, именуемый «малой Женевой»[52].

В Ферраре самым интересным и неожиданным для нашего автора оказалось присутствие большой еврейской общины[53]. Англия не знала присутствия евреев с 1290 г., Франция – с 1394 г. Однако отношение итальянских правителей и, в частности, папы римского и его вассалов к евреям было иным. Феррара и Тоскана приняли большое количество беженцев из Испании и к середине XVI в. имели процветающие еврейские общины. Для англичанина же встретить не-христианскую общину в папских владениях, спокойно и открыто исповедующую свою веру, должно было стать настоящим потрясением: подобная терпимость была чужда английской политике.

Длительная остановка посольства, заслужившая его комментарии, имела место в Аугсбурге. Город поразил автора заметок своими размерами и размахом торговли, но главным образом, религиозными свободами. Он отметил, что в Аугсбурге было шесть протестантских церквей, и хотя это число было незначительным по сравнению с количеством церквей католических, лютеране казались гораздо более организованными и чаще посещающими службу. По его оценкам, их число в среднем соотносилось с числом прихожан-католиков как 10 к 1[54].

Подобная многочисленность и активность прихожан-протестантов объясняется несколькими факторами. В середине XVI в. Аугсбург имел статус свободного имперского города. Его население было преимущественно протестантским, хотя управление городом оставалось в руках католиков, и лютеранское богослужение допускалось городским советом лишь в нескольких церквях (которые по этой самой причине неизбежно должны были казаться стороннему наблюдателю переполненными). В сентябре 1555 г., спустя несколько месяцев после то-

[52] BL, Harleian MS 252. F. 53^{r}: “A towne called Sancer, wth a castell in yt of great force wch of late is called young Geneve of divers men because of there religion”.
[53] Ibid. F. 61^{r}.
[54] Ibid. F.70^{r}.

го, как английские послы посетили город, там был заключен Аугсбургский мир; согласно его условиям, городской совет допустил в свои ряды протестантов и официально признал лютеранское богослужение.

Отметил автор и Вормс, где «протестантов больше, чем католиков, а епископ Вормсский не смеет показаться в городе, потому что он – католик»[55]. Этот город имел тот же статус, что и Аугсбург, и, подобно Аугсбургу, в середине XVI в. являлся поликонфессиональным центром с преобладающим протестантским населением.

Путешественнику-англичанину должно было казаться более чем необычным официально признанное сосуществование двух христианских конфессий в рамках одного политического организма, ведь у него на родине политики придерживались принципа религиозного единообразия, долженствовавшего сохранять политическое единство. Неудивительно поэтому, что наш автор считал нужным отметить все случаи официальной веротерпимости, с которыми ему пришлось столкнуться.

В приведенных выше комментариях, посвященных религиозным практикам, отсутствуют четкие указания на конфессиональную принадлежность автора заметок. Конечно, их не предполагал и жанр текста. Но подобное умолчание – знак времени. Отчетливо определенных конфессиональных границ в середине XVI в. еще не существовало. На тот момент даже вероисповедные документы еще только составлялись (и работа Тридентского Собора была далека от завершения), а ясного представления о допустимых и недопустимых практиках также не имелось.

В тексте есть лишь некие «маркеры», которые указывают на определенные католические симпатии его составителя, например, рассказ о чуде с гостией. Да и сами упоминания о католических религиозных практиках могут служить таким маркером: в «итинерарии» протестанта Томаса Хоби подобные детали отсутствуют полностью.

Тем не менее, речь вряд ли идет о бескомпромиссном католике, образ которого навязывался полемической литературой

---

[55] Ibid. F.71[r]: “We remayned at Wormes y[e] first day of August. Where be more protestants than Catholickes y[e] Bishop of ye towne dares not come w[th]in y[t] townes for reason he is a Catholicke”.

эпохи Контрреформации. Скорее, перед нами англичанин, без энтузиазма и даже, возможно, с неприязнью, реагировавшего на перемены, но, тем не менее, подчинявшегося требованиям правительства. В его случае достижения реформаторов-протестантов первой половины XVI в. оказались негативными: он утратил часть религиозной культуры традиционного католичества и уже не был способен распознавать ряд повседневных церковных практик как свои, но при этом вряд ли усвоил и идеалы нового учения. Проповедникам-протестантам пришлось еще в течение полувека наставлять подобных конформистов, прежде чем большинство из них стало по-настоящему протестантским. Католическим миссионерам второй половины XVI в. такой уже отчасти «реформированный» вариант религиозной культуры, напротив, предоставлял преимущества, так как утраченные практики зачастую рассматривались как «суеверия», от которых уже не нужно было отучать паству.

Надежда Назарьева
(НИУ ВШЭ),
Павел Уваров
(ИВИ РАН, НИУ ВШЭ)

Внесудебное прекращение конфликтов по парижским нотариальным актам первой половины XVI века

11 ноября 1551 года в Париже на улице де Люрсин произошел несчастный случай со смертельным исходом. Слуга колпачника по имени Андре де Сен-Мишель получил приказ перенести дрова в другой дом своего мэтра, на улице Муфтар. С этой целью он поднялся в амбар и начал скидывать дрова вниз из окна. Он принял меры предосторожности, кричал громким голосом: «Берегись, берегись!» (*Gare! Gare!*). Андре успел скинуть 27 поленьев, однако двадцать восьмое упало на Жанну Пижон, которая на свою беду в этот момент вышла из дома[1].

Кажется логичным предположить, что слугу колпачника ждали обвинение в непредумышленном убийстве и уголовный процесс. Однако, вместо того, чтобы вести судебную тяжбу, брат Андре, Пьер де Сен-Мишель и семья убитой заключили соглашение у нотариуса Катрена Фардо. По данному договору второй муж убитой Жанны Пижон, землепашец Андре Базен, и ее сын Жан Удар выразили согласие на освобождение убийцы, который содержался в это время в тюрьме Сен-Женевьев, и отказались от всех обвинений в обмен на 10 турских ливров и на возмещение расходов на цирюльника (*moyenant 10 livres tournois… plus les frais du barbier*)[2].

Почему родственники погибшей женщины решили рассмотреть дело о ее случайном убийстве не в уголовном суде, а у нотариуса, в его конторе неподалеку? Свидетельствует ли этот казус о недостатках и неудобстве судебной системы во Фран-

[1] *Coyecque E.* Recueil d'actes notaries relatifs à l'histoire de Paris et de ses environs au XVIe siècle. P., 1923. Vol. 2. 1532–1555. N 3609–6610. P. 462.
[2] Ibidem. Возможно, услуги цирюльника понадобились, чтобы засвидетельствовать смерть Жанны Пижон, однако в тексте нет никаких точных указаний на этот счет.

ции XVI века? Ведь мы можем вспомнить несколько других свидетельств подобного решения конфликтов того же периода.

Известный скульптор и живописец, флорентиец Бенвенуто Челлини невольно принял участие в одном судебном процессе за 10 лет до происшествия на улице де Люрсин. Он прибыл в Париж для работы ювелиром и скульптором на службе у Франциска I. Бенвенуто поселился в столице Франции в замке, из которого выселил двух жильцов, и один из них подал на Челлини в суд, заявив, что тот похитил его имущество при выселении. Вспоминая спустя годы о своих хлопотах, итальянец отмечал в собственном «Жизнеописании»: «Эта тяжба причиняла мне превеликое мучение и отнимала у меня столько времени, что я много раз хотел уже прийти в отчаяние, чтобы уехать себе с богом». Далее Бенвенуто Челлини описывал парижский суд и сравнивал его с Адом[3].

Уместно будет вспомнить здесь и сатиру Франсуа Рабле, направленную против судейских. Его герои высаживались на острове, населенном Пушистыми котами, и сразу же попадали под стражу после избиения некоего ябедника. Они оказывались не в состоянии выбраться из-под стражи, пока не давали взятку – кошелек, набитый золотыми экю. Рабле описывал Пушистых котов (под которыми подразумевал судейских) как взяточников и грабителей, «а когти у них длинные, крепкие и острые, и если к ним в лапы что попадется, то уже не вырвется»[4].

Учитывая эти свидетельства, неудивительно, что иногда парижане стремились избежать судебных разбирательств, пользуясь тем, что функции нотариуса были достаточно широки и позволяли заключать договоры о разрешении конфликтов вне суда. Этим и воспользовались семья убитой Жанны Пижон и слуга колпачника, и не только они. Архивы нотариусов сохранили множество примеров подобных соглашений.

Так, из 6610 актов, опубликованных Эрнестом Куайаком в двухтомном «Сборнике нотариальных актов, относящихся к

---

[3] *Челлини Б.* Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции / Пер. М. Лозинского. М., 1987. С. 318–320.

[4] *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. Н.М. Любимова. М., 2005. С. 898–907.

истории Парижа и его окрестностей в XVI вв.»[5], 204 акта представляют собой урегулирование различных типов конфликтов вне суда, и относятся к периоду между 1516 и 1554 годами.

К такому типу актов мы отнесли все соглашения между сторонами, в тексте которых содержатся формулировки «отказ от всех исков» (*désistement de tout action*), «отказ от всех обвинений» (*renonciation à tout poursuites*), а также те дела, где стороны стремились решить свой спор «вне суда» (*hors de cour*). Таким образом, речь идет о конфликтах, которые теоретически могли быть рассмотрены в суде, но участники предпочитали обходиться без него.

Из этих 204 договоров о внесудебном урегулировании, 120 оказались заключены после различного рода побоев и травм, 27 актов – после убийств, в 19-ти случаях девушки согласились отозвать иски против мужчин по причине интимных отношений, имевших место между ними, в то время как мужчины обязались взять на содержание внебрачных детей, которые могли появиться на свет в результате подобных связей. В 20 случаях стороны пошли на мировую после ссор и оскорблений, а в нескольких случаях – после конфликтов из-за имущества и долгов, из-за кражи (одно соглашение), из-за разрыва расписки об ученичестве (два соглашения). Существует также небольшая группа документов, в которых причина конфликта не указана.

Важно отметить, что публикация Э. Куайака представляет собой краткие аналитические резюме, сделанные им на основе минут нотариальных актов из архивов четырех нотариусов Левого берега Парижа. Зачастую из этих коротких заметок возможно узнать лишь то, что спор был урегулирован между сторонами (сообщаются также имена и род занятий каждого из участников), причину конфликта, и сумму, которую ответчик выплачивает истцу, а также точную дату составления акта. В каждом конкретном случае публикатор сам решает, рассказать ли ему подробнее о данном казусе или же составить только самый общий его пересказ. В отдельных делах, показавшихся ему по каким-то причинам особенно важными, выразительными, или забавными, Э. Куайак оставляет при записи «прямую речь» из доступных ему нотариальных минут. Иными словами, при

[5] *Coyecque E.* Op. cit. P., 1905. Vol. 1. 1498–1545. N 1–3608; P., 1923. Vol. 2. 1532–1555. N 3609–6610.

анализе данной документации мы оказались во многом ограничены выбором публикатора. Однако некоторые из пересказанных им случаев весьма примечательны.

В июне 1540 года нотариус Ив Буржуа зарегистрировал акт Жийетт Бланшиен, проживавшей в Витри-сюр-Сен, в котором она утверждала, что у нее был ребенок (впоследствии умерший) от землепашца по имени Жан Люирет и что он обещал жениться на ней. Согласно составленному соглашению, Жийетт отказалась от исков против своего «соблазнителя» (*séducteur*), а он в ответ обещал в течение трех недель выплатить ей 25 турских ливров и 5 солей, которые он был, по ее словам, ей должен[6].

А вот другой любопытный случай. В 1544 году ноябрьским вечером около девяти часов на улице Фроманто книготорговец Жан Байё побил парикмахера Кристофа Пагана. Он нанес ему удар металлическим предметом, который задел горло и порезал щеку жертвы, и отнял пальто из черного сукна с воротником, отороченным бархатом. Жан Байё утверждал, что не избивал парикмахера, но был согласен заплатить 15 турских ливров, в обмен на которые Паган отказывался от своих претензий[7]. В следующем акте, зарегистрированном в тот же день, речь шла уже о порядке выплаты данной компенсации. В частности, оговаривалось, что половину из оставшейся суммы в 7 турских ливров и 10 солей Жан Байё и некий Николя дю Шемен, еще один книготорговец и, возможно, коллега ответчика, обязались выплатить к Пасхе, а половину – к Иванову дню[8].

О широком распространении во Франции практики регистрации подобных соглашений без привлечения к делу судебных чиновников свидетельствует шуточный учебник по нотариальной практике, изданный во второй половине XVI в. в Лионе юристом по имени Бенуа Дю Тронси под псевдонимом *Bredin Le Cocu*[9]. В качестве показательного примера он приводил случай взаимного отказа от претензий, заключенного между соседями после ссоры, в ходе которой Жак Бутефё (*Jacques*

---

[6] Ibidem. Vol. 1. P. 278.
[7] Ibidem. P. 552–553.
[8] Ibidem. P. 553.
[9] Говорящий псевдоним, который переводится как «Бредан Рогоносец» или, возможно, как «Болтун-рогоносец».

Boutefeu) обозвал блудницей (*putain*) «Гиймет, разъяренную жену своего соседа Жана Корне» (*Guillemet, l'enragee femme de Jean Cornet*). Ее мужа он оскорбил, назвав его рогоносцем. В ответ Гиймет сама обозвала Жака *becgo cornuto* (рогоносец). Позже она заявила, что слышала это выражение еще в молодости от знакомых итальянцев, но не знала точного его значения, и таким образом хотела «оказать ему честь» (*luy faire honeur*)[10]. В результате столь жаркой стычки сторонам все же удалось достичь примирения, и они взаимно отказались от обвинений. После разбора данного казуса автор трактата переходил к описанию условий заключения подобного соглашения, как и в любом другом нотариальном пособии.

Важно отметить, что труд, созданный Бенуа Дю Тронси, являлся формуляром и призван был служить в учебных целях. Уникальная повседневная нотариальная практика не должна была бы описываться в такого рода сочинениях. То, что подобный тип актов все же попадал в учебники, само по себе говорило о его распространенности и разработанности, а юмористическая составляющая лишь подчеркивала данную особенность.

В связи с тем, что наше исследование опирается на публикацию нотариальных минут Э. Куайаком, необходимо также сказать, что при ее подготовке он проанализировал связки 4 нотариальных контор, которые находились на Левом берегу. Большая часть их клиентуры проживала в этом же районе или в ближайших пригородах. Здесь располагались университетский квартал, ремесленные мастерские, начинались виноградники[11]. Данные особенности определяли социальный состав участников соглашений. По-видимому, ремесленники, мелкие торговцы оказывались более склонны заключать внесудебные соглашения, нежели представители других социальных групп. Дворяне и священники в документах, отобранных Э. Куайаком, встречаются редко и в подавляющем большинстве – лишь в качестве ответчиков.

---

[10] *Bredin le Cocu (Du Troncy B.)* Formulaire fort récréatif de tous contracts, donations, testaments, codicilles et autres actes qui sont faicts et passés pardevant notaries et tesmoins. Lyon, 1590. P. 35–38.

[11] *Уваров П.Ю.* Франция XVI века: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 84.

Рассматриваемые нами соглашения относились к периоду с 1516 по 1554 год. И, судя по публикации Э. Куайака, с конца 1530-х гг. число подобных внесудебных урегулирований по отношению ко всем остальным типам документов резко увеличилось. Из 6610 нотариальных актов, собранных в двух томах, 201 представляет собой отказ от судебных разбирательств в результате конфликта (примерно 3% от общего числа договоров). Все эти соглашения весьма неодинаково распределяются по времени. К примеру, за период с 1515 по 1519 г. Э. Куайаком было отобрано и опубликовано 203 акта, и только 4 из них являлись отказами от обвинений в суде (около 2%), а на период 1545–1549 гг. приходится уже 2023 акта, и в 80-ти из них говорилось о нежелании участников прибегать к судебным разбирательствам (около 4%).

Процентное соотношение числа отказов от судебного преследования к общему количеству опубликованных актов за тот же период представлено в таблице 1.

Таблица 1

Изменение количества нотариально урегулированных конфликтов по отношению к общему числу опубликованных нотариальных актов

Период	Общее количество опубликованных актов	Количество внесудебных урегулирований конфликтов	Отношение отказов от обвинений в суде к общему числу опубликованных актов
1515–1519	203	4	2%
1520–1524	358	4	1,1%
1525–1529	580	4	0,7%
1530–1534	67	2	3%
1535–1539	169	3	1,8%
1540–1544	2058	55	2,7%
1545–1549	2023	80	4%
1550–1555	1138	52	4,6%

Данные подсчеты свидетельствуют, что если в начале 1520-х гг. процент внесудебных соглашений от общего числа актов составлял не более двух, то к концу 1540-х гг. он уже равнялся четырем и более процентам. Нотариальных актов после 1540-го г. становилось больше, но все чаще люди приходи-

ли к нотариусу именно для того, чтобы зарегистрировать урегулирование какого-либо спора вне суда.

Почему же люди выбирали именно такой способ решения конфликта? Очевидно, что заключение мирового соглашения без участия судебных чиновников иногда оказывалось намного дешевле, проще и быстрее: зачастую в документах, опубликованных Э. Куайаком, мы встречаем указания на то, что конфликт произошел всего за несколько дней до подписания договора. Иногда в самом тексте того или иного акта достаточно красноречиво бывает объяснена причина отказа от судебного процесса. Например, полюбовное соглашение регистрировалось, «дабы избежать издержек правосудия» (*pour obvier aux frayz de justice*)[12], или же стороны приходили к согласию, «чтобы избежать суждения сомнительных людей» (*pour obvier au jugement des hommes, qui est doubteux*)[13], причем эта формулировка встречается дважды. Стоит отдельно упомянуть и о страхе перед судебным приговором – возможность откупиться выглядела для многих людей гораздо привлекательнее.

Можно ли объяснить тот факт, что именно с 1540-х гг. парижане начинали чаще, чем прежде обращаться в подобных ситуациях к нотариусу, а не в суд? Разумеется, необходимо сравнить имеющиеся у нас данные с архивами нотариальных контор, которые находились в других районах Парижа, но даже применительно к Левому берегу данная тенденция выглядит весьма любопытной. Возможно, развитие нотариата являлось в данный период своеобразной «тенью» развития правосудия. Мы наблюдаем не только явное увеличение числа нотариальных контор в это время, но и активное развитие собственно судебной системы. Суды становились все более многочисленными, их аппарат разрастался, их услуги стоили все дороже, и все чаще критиковались современниками.

Чем больше усугублялась данная ситуация, чем больше появлялось во Франции и в ее столице «пушистых котов» и «ябедников», тем сильнее становилось недовольство тем, что «сомнительные люди» занимаются правосудием, и за урегулированием конфликта современники все чаще предпочитали обращаться к нотариусам.

---

[12] *Coyecque E.* Op. cit. Vol. 2. P. 67.
[13] Ibidem. P. 71.

Тема внесудебного урегулирования конфликтов в историографии не осталась незамеченной. Так, О.И. Тогоева писала о практике заключения перемирий без участия судей: с помощью клятвы в присутствии поручителей из числа близких друзей или соседей истца и ответчика[14]. Рассматривая формы социального контроля в средневековом городе, П.Ю. Уваров изучил функционирование различных институтов, которые использовались в средневековой Европе для решения споров вне суда[15].

Во Франции изучение практики внесудебного урегулирования конфликтов оказалось тесно связанным с работой историков права Нового и раннего Нового времени, которые используют для этого явления термин *infrajustice*. Николь Кастан изучила эту практику на материале Лангедока XVIII в.[16] Историк из университета Бургундии Бенуа Гарно рассмотрел это явление в контексте отношения общества к преступлениям[17]. Он также попытался очертить рамки инфрасудебных практик, к которым отнес решение конфликтов с помощью третьего лица, медиатора (в отличие от парасудебных практик – *parajustice* – совершавшихся, с его точки зрения, в приватном порядке)[18]. Особого внимания заслуживает работа Альфреда Сомана, настаивавшего на возможности и необходимости изучения практики внесудебного разрешения конфликтов именно на основе нотариальных актов[19].

Впрочем, многие из историков так или иначе обращали внимание на то, что решение конфликтов в суде – не единст-

---

[14] *Тогоева О.И.* Формы судебной клятвы во Франции XIV–XV вв. // Право в средневековом мире. М., 2009. С. 155–166.

[15] *Уваров П.Ю.* Социальное единство и социальный контроль внутри городских стен // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 2000. С 166–192.

[16] *Castan N.* Justice et repression en Languedoc à l'époque des Lumières. Paris, 1980.

[17] *Garnot B.* Justice et société en France aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. P., 2000.

[18] *Idem*. Justice, infrajustice, parajustice et extrajustice dans la France d'Ancien Régime // Crime, Histoire & Sociétés / Crime, History & Societies. 2000. Vol. 4. № 1. P. 103–120.

[19] *Soman A.* L'infra-justice à Paris d'après les archives notariales // Histoire, économie et société. 1982. Vol. 1. № 3. P. 369–375.

венно возможное, а судебные регистры не дают полной картины преступности. Это хорошо показал коллоквиум в Дижоне в 1995 г., на котором обсуждались разнообразные формы внесудебного урегулирования конфликтов, принятые во Франции, Италии и Фландрии в средние века и Новое время[20].

Инфрасудебные практики, по мнению участников этого коллоквиума, предполагали решение конфликта вне суда, но при обязательном присутствии третьего лица, и вовсе не обязательно им должен был быть нотариус. Иногда истец и ответчик прибегали к услугам местного сеньора или кюре[21]. Вот только документов, по которым мы можем исследовать данное явление, сохранилось крайне мало: даже священники редко вели учетные записи таких сделок, и для первой половины XVI в. подобные источники нам пока неизвестны. Что же касается нотариальных архивов, то они сохранились в большом количестве, а потому исследование внесудебного урегулирования конфликтов именно на материалах нотариальных актов представляется наиболее перспективным. Остается надеяться, что в будущем работа с этим типом документации сможет прояснить значение внесудебного урегулирования конфликтов во Франции первой половины XVI в.

[20] L'Infrajudiciaire du Moyen Age à l'époque contemporaine. Actes du colloque de Dijon 5–6 octobre 1995 / Sous la dir. de B. Garnot. Dijon, 1996.

[21] *Soman A.* L'infra-justice à Paris d'après les archives notariales // Histoire, économie et société. 1982. Vol. 1. № 3. P. 369–375.

Ольга Кошелева
(ИВИ РАН)

«Доезд» и ему «противности» (по материалам судебного делопроизводства петровского времени)

«А зачем с тобою топор?»
«Топор-то зачем?
Да как же без топора нонеча и ходить.
Эти приказные такие, вишь, озорники – того и гляди…»
А.С. Пушкин. «Дубровский»

В деревнях и поместьях, затерянных в российской глубинке, в ее маленьких провинциальных городах шла своя жизнь, далекая не только от органов центральной власти, но даже и власти местной. Тем не менее, время от времени встречаться с ее представителями (в том числе и с представителями суда) приходилось всем жителям великой Российской империи, вне зависимости от того, за какими непроходимыми лесами и крепкими частоколами они укрывались. Именно «доезд» являлся одной из форм такой непосредственной встречи представителей власти с обывателями. В этой напряженной для обеих сторон ситуации вырабатывались повседневные практики «самозащиты» населения.

«Доезд», по которому составлялась «доездная память», являлся судебно-бюрократическим термином. Словари русского языка XI–XVII и XVIII вв. разъясняют значение этого слова следующим образом: «доездом» обозначалась «поездка должностного лица с официальным поручением». Глагол «доездити», соответственно, означал совершение такой поездки, второе же его значение было «настигнуть», «схватить», «добыть»[1]. Именно настигнуть, схватить и добыть нужных суду людей как раз и являлось целью доезда: «В доезде оного подьячего Гурьева написано, что де он в тое Давыдову пустынь ездил и его, игумена, в монастыре, изъехал»[2]. В повседневной речи глагол «доехать» употреблялся также в смысле «довести притесне-

[1] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 284.
[2] Словарь русского языка XVIII в. Вып. 6. Л., 1991. С. 176.

ниями до крайности»: «Я тебя, друг мой, управлю! я тебя доеду! Я тебя проучу!»[3].

Процедура доезда была регламентирована Соборным уложением 1649 г. в главе X «О суде» (статьи 140, 141), и судьи именно ею руководствовались на практике[4].

В документах различных судебных учреждений отчеты («доездные памяти») должностных лиц (как правило, это был подьячий с солдатами или один солдат) о совершенных ими поездках встречаются постоянно, поскольку редкая тяжба или розыск (уголовное дело) могло обойтись без досудебного разбирательства. Для этого в суд следовало представить и свидетелей, и ответчиков. За ними и посылался по постановлению судьи доездчик с наказом о действиях, которые он должен предпринять, обязательно в присутствии понятых, взятых «далеко не доезжая место назначения» (т.е. понятые не должны были быть из соседей, требовалось найти совершенно посторонних людей).

Почти в каждом отчете доездчиков рассказывается об «учиненных им противностях», т.е. об оказанном им сопротивлении: «Крестьяне указ призрели и учинили противность … и посланного дворянина при солдатах и при понятых били смертным боем, рогатины и копьи и дрекольем, и проломав голову, взяли его к себе в сельцо Никольское и при нем двух понятых» (л. 23 об.)[5]. Такие подробности сообщались доездчиками в отчетах, дабы отчасти снять с себя вину за невыполнение указа. Впрочем, никаких санкций против неудачливых доездчиков не предпринималось. При чтении провинциальных судебных дел у меня даже создалось впечатление, что изначально в успешность доезда никто из приказных людей не верил, и рассчитывали они исключительно на удачу. Во множестве случаев доездчиков приходилось посылать как минимум три раза, меняя их состав на более «солидный» и давая им все более строгие указания. Когда взять нужных людей не удавалось, до-

---

[3] Там же. С. 177.

[4] Доезд, однако, как показывает словоупотребление, существовал и в более ранние времена. Фраза «Доводчик…тех Тимофеевых людей не изъехал, со своими понятыми, ни одного», относится к документу 1541 г. (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 214).

[5] РГАДА. Ф. 994. Д. 129. 1722 г. Листы всех дел ф. 994 здесь и далее я обозначаю в тексте.

ездчикам наказывалось схватить кого-либо из их крестьян, дворовых или домочадцев.

Среди чинимых доездчикам «противностей» основными были следующие: бегство (доезчики никого не могли найти); обман (доездчикам говорили, что человек умер, или уехал далеко и/или неизвестно куда); физическое сопротивление (доездчиков били и изгоняли); переговоры, мотивирующие отказ выдать нужных людей старостой деревни или приказчиком землевладельца, за спинами которых часто стояла физическая подмога.

Практика «ослушничества» доезду существовала, видимо, столь же долго, сколько и сам «доезд», Соборное Уложение 1649 г. ее только зафиксировало на письме. В его X-й главе указываются те ситуации сопротивления доезду, которые отражает и судебная документация. Осуществлявшие его люди в Уложении называются «ослушниками».

Доезд производился и по просьбе частных лиц, в первую очередь, для возвращения беглых крестьян[6]. Яркий тому пример – доезд в июле 1681 г. новгородских подьячих И. Некрасова и Я. Носа, посланных в Олонецкий уезд для розыска и поимки беглых крестьян, принадлежавших думному дьяку Аверкию Кириллову[7]. Подьячие беглых не «доехали» якобы из-за противодействия крестьянских старост: «И во всем они, старосты, для своих прихотей учинили (беглым. – *О.К.*) поноровку и заодно с ними на кабаке пьют»[8].

Феномен сопротивления доездам может исследоваться как массовая практика (таких случаев фиксируется по документам огромное количество), что позволяет выявить всю парадигму «противных» и ответных им действий – от типичных до уникальных случаев. Их анализ раскрывает характер взаимоотношений населения и власти на местах в гораздо более сложной конфигурации, чем они обычно представляются.

В данной статье я проиллюстрирую феномен доезда на судебных материалах г. Шацка, являвшегося с 1719 г. административным центром Шацкой провинции[9]. Его суд, во главе которого стоял шацкий воевода, подчинялся Воронежскому надвор-

---

[6] *Маньков А. Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.–Л., 1962. С. 83–90, 96–97.

[7] РНБ. Собр. Михайловского. Q 298/10.

[8] Там же. Л. 1.

[9] Шацк был построен в XVI в. как укрепленный пункт на Рязанском направлении, находится в 160 км от Рязани.

ному суду как высшей инстанции. Судебные дела здесь в основном сводились к разным неурядицам между соседями – как между крестьянами, так и между помещиками, к поземельным спорам, к поимке беглых и к мелкой уголовщине. Обратимся к некоторым из них с точки зрения проведения процедуры доезда.

Вот перед нами дело помещика С.Я. Голенищева-Кутузова, который получил наследство в Рязанском уезде, в связи с чем подьячии начали переписывать крестьян его имения для сообщения этих данных в Вотчинную коллегию. Некая оказавшаяся среди них женка Василиса не смогла четко объяснить, как она здесь очутилась: она якобы вышла замуж за рязанца, но сама приехала из села Самодурово Шацкого уезда. В связи с невнятными показаниями женщины в Шацк из Рязани отправили запрос уточнить, насколько правдив ее рассказ. В ответ из шацкого суда послали солдата за приказчиком села Самодурово, чтобы он явился и подтвердил показания Василисы. Приказчик Юрьев, как отписал в отчете солдат, сказал ему, что женки такой у них в селе не было, и «учинился силен, в Шацк со мною не поехал». Последовал новый указ другому доездчику – приказчика Юрьева доставить в Шацк, «несмотря ни на какие отговорки», «а взяв, привезти под караулом на их подводах» немедленно. Если же схватить его все-таки не смогут, то привезти двух-трех человек «из лучших» таким же образом. Отчет вторых доездчиков сообщал следующее: «Приказной человек Иван Юрьев вышел к нам сам с крестьяны, в Шацк взять не дался. И велел показанной прикащик нас, посланных, из села проводить з дубьем, и говорил де крестьянам, а как де они, вас, посланных, станут брать, и вы им черевы выпустите. И он нас, посланных, прикащик, бил, и бив, проводил из села и з дубьем» (лл. 4-4 об.) На этом дело заканчивалось[10]. Казалось бы, пустяковый вопрос о подтверждении показаний какой-то крестьянки, по которому требовали приказчика явиться в суд, вызвал яростное сопротивление местных жителей.

Ту же картину мы наблюдаем и в деле об убийстве помещика поручика Галактиона Ланского крестьянами его соседа, помещика Тимофея Почеркова, которое, как подозревали судьи, произошло по подстрекательству последнего. В первый доезд посланные подьячие описали имущество убийцы и похватали первых попавшихся односельчан, из которых никто ничего существенного показать по делу не смог. Второму доезду велено было привезти свидетеля или 5 человек вместо него.

[10] РГАДА. Ф. 994. Д. 113. 1722 г.

Но смогли взять только сноху убийцы Татьяну, а более «в той деревне взять некого, для того, что все бегают» (лл. 7-7 об.)[11].

Конфликт, возникший в 1720 г. в связи со спорным несжатым хлебом, вылился в настоящую междоусобную войну двух деревень, стоявших на разных берегах реки Поим[12]. Одна из них, принадлежавшая князю А.М. Черкасскому, по проигранному им в воронежском суде делу перешла во владение братьев Нарышкиных – хозяев другой деревни. Нарышкины хотели взять себе и весь урожай хлеба у крестьян Черкасского, который они вырастили. Но было очевидно, что просто так крестьяне свой хлеб не отдадут. Поэтому шацкий судья Пыжов указал, «чтобы добрый дворянин посторонний с людьми поехал и сжал спорный хлеб, а людям Черкасского его не отдавал, чтобы драки и смертного убийства не было». Однако крестьяне не стали слушать указ, и дворянина Татаринова «при солдатах и при понятых били смертным боем, рогатины и копьи и дреколье, и проломав голову, взяли его к себе в сельцо Никольское и при нем двух понятых. Говорили «сего указа не слушаем и хлеба жать не дадим, дай де нам указ из Санк-Петербурха. И содержав, оных понятых отпустили свободна» (л. 23). А Татаринова, затащив в избу, стали избивать, но он с помощью солдат убежал.

Сжать хлеб выслали из суда новую команду, но тут крестьяне Черкасского подготовились уже основательно, выставили войско из 500 человек, и по пришедшим «… стреляли из пищали и из луков и разогнав, многих крестьян побили и покололи до смерти». Взяли также обоз с документами и крепостями и четыре пушки (л. 24). И далее перешли в контратаку: сожгли соседнее село Нарышкиных Знаменское в 200 дворов с часовней, иконами и книгами, взяли в ней хлеб, угнали табун лошадей.

Из суда доездчиков направили схватить строптивых крестьян князя Черкасского, но «тех оговорных (крестьян. – *О.К.*) прикащик Шигаев взять не дал, и собрався с ружьем и с копьями, посыльных били». В следующий доезд выехавшую команду (солдат и понятых) крестьяне захватили и «оных посланных солдат и понятых держали у себя в сельце Никольском взаперти в разных избах…» (л. 48). У них отобрали ружья и амуницию. Получив такие известия, шацкий судья обратился в Санкт-Петербург с просьбой для следующего доезда выделить из Военной коллегии «регулярного войска тысячу человек со штап

[11] РГАДА. Ф. 994. Д. 115. 1722 г.
[12] РГАДА. Ф. 994. Д. 129. 1722 г.

обер офицерами, да дватцать пушек» (л. 15). Данное решение судья принял согласно закону, поскольку в Соборном Уложении говорилось, что «против ослушников», не подчинившихся требованию судейских приставов, воевода обязан давать ему войска[13]. Но в маленьком Шацке войск практически не было, поэтому он обратился прямо в Военную коллегию, откуда ответили, что «…понеже оное дело партикулярное и судное, а не военное, и до Военной коллегии не касаетца», то и людей послано не будет. Однако коллегия рекомендовала «посылать из Воронежских гарнизонных штап офицеров с надлежащею командою по разсмотрению, и что по тому розыску явитца, в Военную коллегию писать» (л. 16-16 об.). В следующий доезд выехало 2 офицера и 20 солдат, т.е. все военные, которых удалось набрать в Шацке, и им таки повезло, поскольку они смогли захватить 6 человек. Однако большая часть крестьян князя А.М. Черкасского, попавших в шацкий суд к допросу, была поймана на дорогах не солдатами, а крестьянами Нарышкиных. Занять же село Никольское так и не удалось.

Еще одна история о «противностях» доезду происходила уже в купеческой среде. Из Камер-коллегии для сбора недоимок в Шацкий уезд был послан лейтенант Иван Селиванов. Он приехал к винокуренному заводчику и таможенного и кружечного двора откупщику, переяславцу Григорию Синельщикову и его брату Афанасию с указом срочно выслать в центр все документы по сбору налогов. Григорий не стал с Селивановым даже разговаривать, заявив, что недоимки числятся только за его братом, а не за ним, а брат отсутствует. Тогда в камерирской конторе отрядили команду из 30 драгун и солдат под командой офицера Челищева. Но и Синельщиков к их приходу подготовился. Челищев показал в суде, что купец «не допустя их до того заводу сажен за сто, бил в железную доску, и вышед на плотину, разметав мост, их на завод не пустил и их бил». Работники завода в солдат стреляли (убитых, правда, не было, стреляли чем-то типа пращи), и травили их собаками[14]. Синельщикова все же доставили в суд, и по приговору он был

[13] «…а к воеводе в тот город, где тот ослушник живет, послати государева грамота, чтобы воевода на того ослушника приставу дал стрельцов и пушкарей и затинщиков, сколько человек пригоже, чтобы приставу было с кем такова ослушника изымати» (Соборное Уложение 1649 г. Гл. X. Ст. 141).

[14] РГАДА. Ф. 994. Д. 131. 1722. Лл. 1–70.

«бит батогами» (согласно Соборному Уложению, гл. X, ст. 141). Дело на него передали в Главный магистрат.

Земля и крестьяне часто меняли своих хозяев: их покупали, продавали, закладывали за долги, делили между родней, передавали по наследству, отдавали в приданное, конфисковали и проч. Причем нередко земля отходила в одни руки, а населявшие ее крестьяне – в другие. Все процедуры подобного перехода земли и крестьян от одного хозяина к другому (что называлось «отказать землю такому-то») происходили в соответствии с указами Вотчинной коллегии (а ранее – Поместного приказа). По ним следовало провести на местах межевание и сверку с отказными книгами (земельными кадастрами), для чего из местного суда или канцелярии высылали доезд со специалистами по земельным отказам. Однако и в этих случаях происходили конфликты.

В спорном поземельном деле об отказе дворянину Измайлову земель его жены главными лицами, затянувшими данный процесс на многие годы, стали приказчики разных деревень. Измайлов жаловался, что «по трем посылкам оный Захар (приказчик. – *О.К.*) учинился непослушен и в Воронеж не поехал и старосту не отдал и с того времени о сем указа не учинено» (л. 365 об.)[15]. Шацкий ландрат И. Мякинин, занимавшийся этим делом, в воронежский суд отписал, что посланный им подьячий отчитался, что «он в те села ездил и села де Мокрого князь Алексея, княж Григорьева сына Урусова прикащик Федор Посняков во оном селе поместья со крестьяны и со всеми угодьи отказать не дал». Тогда Мякинин сразу же послал из Шацка дворянина Матвея Тюменева и подьячего Никиту Михеева, которые, вернувшись, ему отчитались, что в селе Коргошине они все по указу выполнили, но в другом селе этого сделать не удалось: «А означенной поместной земли села Мокрого княж Григорья княж Алексеева сына Урусова приказной человек Федор Постников им, дворянину Тюменеву да подьячему Михееву, отказывать не дал, а сказал де им при посторонних людях, что в том селе Мокром оной княжне Марье дачи нет, а тое де село Мокрое с людьми и со крестьяны и земля крепка помещику ево кн. Григорию Урусову одному» (лл. 348–348 об.)[16]. Очевидно, что приказчик Постников имел копии документов на землю и знал, о чем говорил.

[15] РГАДА. Ф. 994. Д. 259. 1723 г.
[16] Там же.

Если речь шла об убийстве или грабеже на дороге, то из суда посылался отряд, которому предписывалось привезти как можно больше людей, живших по соседству, для опроса. Так, по делу об убийстве двух работников, везших деньги и вино, было велено взять в ближайшей от места убийства округе 30 человек – как крестьян, так и помещиков. Но почти никого, кроме женщин, привезти не удалось – крестьяне заранее постарались разбежаться и спрятаться[17].

Впрочем, женщины также могли учинить «противности» приехавшим судейским. Например, помещица, вдова Авдотья Любовникова обвинялась истцом в том, что «насильством» держала семью его беглых крепостных. В первый доезд она ехать в суд отказалась, и вместо нее взяли ее дворового человека. Во второй раз доездчикам дали следующий наказ: «Если укроица или учиница сильна, то велено взять правых ее крестьян человек трех или четырех». Но Авдотья заперлась в сенях, взять себя не дала, крестьяне ее разбежались, и схватить удалось лишь одну дворовую женщину. Зато в третий раз, как написали в отчете доездчики, «оная вдова встретилась с нами на дороге, и мы ее, взяв, привели» (лл. 4 об.-5)[18]. Остается не ясно, специально ли Авдотью подкараулили на дороге или она поехала в суд сама, дабы не подвергаться унизительной процедуре конвоирования. (Следует отметить, что, встречаясь с сопротивлением, доездчики иногда избирали подобную тактику подкарауливания нужных им людей на дорогах.)

Такого рода примеры можно умножать до бесконечности. Приведем, однако, еще один, показывающий, что рассматриваемое явление происходило не только на уровне провинциальных судов, посылавших в «доезды» своих подчиненных, но и на столичном уровне, когда «доезд» посылался от Правительствующего Сената.

В 1712 г. устюжскими фискалами было подано в Сенат доношение на комиссара Семена Акишева, потворствовавшего бесчинствам подчиненных ему солдат и бравшего взятки[19]. Сенат постановил вызвать Акишева для допроса, и за ним выехал сенатский подьячий Евсевий Говорков, который о своем доезде написал следующее: «Он, комисар, сказал, что к Москве не едет и указу не послушает, для того что отпущен от губернатора, а не от Сената… И он, подьячий, велел ево, комисара, посланным

[17] РГАДА. Ф. 994. Д. 143. Л. 29–31.
[18] Там же. Д. 111. 1722 г.
[19] Там же. Ф. 248. Кн. 82. Л. 33–45.

драгунам взять. И он, комисар, учинился государеву указу силен, от драгун отбился…»[20]. И действительно, Архангелогородский вице-губернатор А. Курбатов, на которого ссылался Акишев, поддержал его и не дал выслать в Сенат[21].

При Екатерине Великой к «ослушникам», видимо, применялись гораздо более строгие меры в случаях неподчинения представителям местной власти, нежели в эпоху Петра I. Так, в 1780 г. в селе Истебное Короченского уезда какими-то судьбами оказались вместе три отставных военных: майор Фаустов (хозяин имения), капрал Шаталов и поручик Извеков. Возможно, «бойцы вспоминали минувшие дни», когда в село нагрянула команда, посланная короченским городничим для конфискации «корчемного вина»[22], имевшегося в доме священника, отца Александра. Военные оказали сопротивление и «вина» взять не дали. За это Фаустов и Извеков были арестованы вплоть до вынесения приговора Сенатом. Фаустов его не дождался, он умер в 1785 г. в тюрьме, а Извеков свой приговор – сослать в Сибирь и лишить дворянского звания – услышал лишь через 17 лет (в 1797 г.), уже в правление Павла I, который не любил затягивать с судебными решениями. Сын Извекова также был лишен дворянства и писался «однодворцем» [23].

Сопротивления доезду как обыденное поведение подданных всех сословий заставляет задуматься над вопросом, для чего «ослушники» «чинили противности» представителям суда. Ведь в конечном итоге, как правило, суд добивался своего и доставлял их под караул, но уже применяя самые строгие меры. Иногда судья хотел получить самые простые свидетельские показания (как это было в упомянутом выше случае с приказчиком села Самодурово, которого просто просили подтвердить наличие в их селе крестьянки Василисы), но получал грубый отпор.

---

[20] РГАДА. Ф. 248. Кн. 82. Л. 78, 100 об.–101.

[21] За указание на эти документы благодарю Д.О. Серова. Подробнее о деле С.М. Акишева см.: *Серов Д.О.* Фискалы и гвардейцы Петра 1 в борьбе с лихоимцами и казнокрадами // Исторический вестник. 2014. № 5. С. 67–68.

[22] Т.е. варивших самогон или пиво, нарушая тем самым государственную винную монополию.

[23] *Извеков И.Н., Извеков А.И., Баранов С.Ю.* 500 лет на службе России. СПб., 2002. С. 124–125. За указание на этот документ благодарю Б.Н. Морозова.

Если внимательно присмотреться к текстам доезжих памятей, проанализировать сложившуюся в том или ином случае ситуацию, причины «противностей» можно понять.

Первая из них – затянуть судебное дело, отсрочить его в надежде на изменение ситуации в свою пользу. В законодательной статье Соборного Уложения прямо говорится об ответчиках, которые прятались от доезда и в суд не хотели являться для того, чтобы *«исца своего изволочити*…» (гл. X, ст. 140). Иными словами, податель иска, ожидая суда, жил в городе, а не в имении, что было дорого (особенно в Москве и Петербурге) и неудобно, приходилось нанимать доверенных лиц, ходивших вместо истца в суд, а дело все не двигалось из-за отсутствия ответчика. Вот почему у этого последнего оставалась надежда, что истец совершенно разорится и дело бросит, ибо поймет, что настаивать окажется «себе дороже».

Сопротивлялись доездчикам также для того, чтобы отсрочить явку в суд с расчетом выиграть время и разрешить ситуацию самостоятельно; иначе говоря, осуществить досудебное разрешение конфликта и прийти к мировой с истцом. Хороший пример – дело о том, как крестьяне одного помещика потравили посевы у двух соседних, а те в свою очередь угнали у них весь табун лошадей и стадо свиней[24]. В отчете суду посланный с солдатами подьячий писал, что крестьяне (совершившие потраву) «учинились сильны и в суд не поехали», мирской староста Иван Тонин их «взять не дал» (л. 3). Когда же команду послали повторно, староста Тонин вновь, пишет подьячий, «учинился ослушен, со мною, посланным, в Шацк не поехал и других крестьян взять в Шацк не дал». Резолюция суда по данному отчету требовала ослушников поймать немедленно. Но сделать этого не успели. Далее в дело подшито письмо, присланное самим строптивым старостой Тониным, сообщавшим судье, что обе стороны уже договорились отсрочить суд на два месяца и что за условленное время они постараются решить дело «меж себя полюбовно в домех своих». Если же этого не произойдет, тогда они сами «встанут к суду». В заключении Тонин писал: «А я, ответчик, без допросу виноват», и потому «пошлины по делу платить повинен» (л. 6-6 об.). Действительно, конфликт произошел по вине крестьян, которыми руководил Тонин, и выиграть суд у них не было никаких шансов, поэтому старосте, видимо, пришлось немало постараться, чтобы его избежать. Дело и правда кончилось мировой, и очевидно,

[24] РГАДА. Ф. 994. Д. 111. 1722 г.

что Тонин поступил мудро, не дав своим односельчанам гнить в Шацком застенке, пока будет идти судебное разбирательство. Можно привести и другие примеры схожего поведения сельских старост, видимо, такая стратегия поведения была у них отработана.

При отказе земель другому владельцу старосты и приказчики старались затянуть данный процесс именно в августе месяце, чтобы успеть сжать и смолоть хлеб и не уступить результатов своего труда новому хозяину. Так, в течение нескольких лет упоминавшийся выше П. Измайлов не мог оформить за собой два села, а когда сделал это, то снова жаловался: «А что надлежало ему … по тому указу хлеба ржаного и ярового и всякого заводу, то - не разделено» (л. 349)[25].

Выигрывали у суда время не только для того, чтобы помириться, но и чтобы перевести дело в другую судебную инстанцию. Сочиняли челобитную, например, что подсудны не Шацкому суду, а какому-то другому органу власти: «Посланным солдатам земской дьячок, и староста, и крестьяне сказали: «Что де указ мы слышим, а крестьян Филата да Матвея Жупеева и других крестьян не дадим, для того, что мы в Шацку не судимы, а судимы на Москве в Преображенском приказе» (л. 3)[26].

Еще одной причиной сопротивления доезду, видимо, была та, что процесс препровождения в суд под конвоем считался унизительным. Немало встречается случаев, когда помещик, староста или приказчик изгоняли приехавших к ним судейских и говорили при этом, что в суд придут сами. Иногда они так и делали, иногда – нет. Например, три раза крестьянин, обвиненный в краже лошади на рынке, не давал себя взять доездчику и говорил ему при свидетелях, «что де с тобою я в Шацк к ответствию не буду, после буду». И действительно, через две недели он явился в суд сам и был отдан под караул. Правда, при этом он подал челобитную о своей невиновности и прошение о перенесении его дела в Москву, в Преображенский приказ, где служил его хозяин. Очевидно, что обвиняемый с выгодой использовал дни, проведенные на свободе, чтобы придумать какой-то выход из сложившегося положения, ведь само составление челобитной требовало и времени, и денег[27].

Еще один вариант сопротивления доезду демонстрирует дело дворян, братьев Мосоловых. Они проиграли свое дело, но

[25] РГАДА. Ф. 994. Д. 259. 1723 г.
[26] Там же. Д. 82. 1722 г.
[27] Там же. Д. 77. 1722 г.

пошлин не заплатили[28]. К ним послали из суда команду (л. 59), но оба брата оказались в отъезде в Москве, и в доме были только их мать и одна из жен. Мать взять под караул своих дворовых людей и невестку не дала, а явилась в Шацкий суд к ответу сама. Однако ее приезд суд не удовлетворил, и был отправлен третий доезд, который также кончился ничем, поскольку «никого не изъехали» (л. 61). И тут уже было велено брать крестьян Мосоловых всех подряд с применением силы при понятых.

Именно так, как в случае с братьями Мосоловыми, очень часто вместо виновных в суд доездчиками доставлялись люди, схваченные вместо них и к делу никакого отношения не имевшие. Они оказывались под караулом – в тюрьме, где никаких жилищных удобств не было, где их не кормили, так как в бюджете отсутствовала подобная статья расходов. Кому-то из арестованных еду приносили родственники, а кто-то питался одним лишь подаянием или жил «на поруках» (т.е. у человека, который ручался за тюремного сидельца, что он не убежит, и содержал его у себя дома, используя на черных работах). Иначе говоря, эти люди попадали в ситуацию крайне тяжелую, и многие ее не выдерживали. Между тем потеря крестьян для помещика и для его приказчика являлась большим убытком в хозяйстве, вот почему они защищали своих работников от доезда. Однако в том, что вместо виновных в суд привозили непричастных, «правых людей», был свой расчет – во-первых, крестьянская община отвечала за всех своих членов, во-вторых, захват невиновных понуждал их близких не покрывать преступных лиц, а стремиться их найти и выдать.

Встречаются случаи, когда старосты и приказчики сами, не дожидаясь доезда, приводили в суд подозреваемых. Например, служитель князей Лобановых-Ростовских привел в суд двух «девок-поджигалок», подозреваемых в поджоге барского дома. Одна из них сидела «за караулом» полгода, «помирая голодной смертью», но ее вина так и не была доказана и дело не завершено[29]. Беглых крестьян и неизвестных людей приказчики и старосты приводили в суд всегда сами, и потом сами же их забирали, если против них не возбуждалось никаких уголовных дел.

«Противности» доезду, таким образом, очень редко бывали спонтанным протестным поведением, возмущением против несправедливости, как это могло показаться вначале. К таковым, пожалуй, можно отнести лишь действия откупщика Гри-

[28] РГАДА. Ф. 994. Д. 229. 1724–1726 гг.
[29] Там же. Д. 112. 1722 г. Лл. 1–10.

гория Синельщикова, за которым не числилось никакой недоимки, но к нему явился целый отряд солдат. Действительное возмущение несправедливостью и нелюбовь к судейским людям часто сочетались и с другими причинами. Так, крестьяне села Никольского, с оружием в руках защищавшие свой урожай, о чем говорилось выше, по мирскому приговору посылали гонцов к своему хозяину, князю А.М. Черкасскому, в Москву, и получили оттуда вести, что Черкасский подал в суд аппеляцию, но сам находится в отъезде, и решение дела отложено (лл. 39-40). Таким образом, сопротивляясь властям, люди князя полагали, что их обманывают, поскольку дело еще не было решено окончательно и все еще могло разрешиться благополучно, но им уже зачитывали какой-то несправедливый указ[30].

Помимо сопротивления на доезд отвечали и бегством. Чаще это происходило в случае расследования уголовных преступлений, в частности, ограблений. Так, залезшие с недобрыми целями в дом к некоей солдатке крестьяне сбежали и где-то укрывались, а потому вместо них взяли непричастных к ограблению людей[31]. При убийстве помещика все крестьяне разбежались, опасаясь карательных мер, хотя к убийству были причастны только двое, в чем сами и сознались[32]. Доездчикам прямо врали, что людей, за которыми они приехали, нет в наличии: они умерли или уехали в дальние места: «Прикащик Иван Казанцов да староста сказали (доездчикам. – *О.К.*), что дьячек Семен Еремеев пошел в Москву, а крестьяне де, Иван да Дементей померли, а правых крестьян взять в Шацк не дали, и при том были сторонние люди» (л. 8)[33]. Тем не менее, на обратном пути доездчики встретили одного из этих «умерших» на дороге.

Казусы с доездом, зафиксированные доезжими памятями, показывают, что отношения властей с населением было весьма неоднозначным. Представляется, что в петровское время государство еще слабо контролировало сельскую местность. Свои, местные воеводы, судьи и их плохо укомплектованный канцелярский и военный штат, а также лица на вновь созданных должностях фискалов, ландратов, комиссаров, камериров, рейнтеймейстеров и др. не представлялись старостам и приказчикам такою уж грозною силою, с которой нельзя побороться. И эта борьба шла постоянно, причем самыми разными методами.

---

[30] РГАДА. Ф. 994. Д. 129. 1722 г.
[31] Там же. Д. 99. 1722 г.
[32] Там же. Д. 115. 1722 г.
[33] Там же. Д. 70. 1722 г.

Местные судебные власти до определенного момента не применяли насилия, зато его мгновенно применяла другая сторона. Доезд – лишь одна из граней судебных разбирательств, являвшихся частью стратегических действий в большой повседневной войне, которую вели дворяне-соседи между собой и в которой активное участие принимали их крестьяне. Убийства, поджоги, потравы, грабежи, совершаемые крестьянами и дворовыми людьми, часто являлись следствием подстрекательства со стороны их же помещиков[34]. Приказчики, старосты, крестьяне в случаях конфликтов с властью надеялись на поддержку своих господ и держали именно их сторону, были с ними «заодно». Это придавало им смелость в деле сопротивления городским судьям и воеводам. Повседневная, широкомасштабная «соседская война», хорошо отраженная в документации местных судов, до настоящего времени не привлекала внимания историков. Но, чтобы получить о ней ясное представление, достаточно прочитать Александра Сергеевича Пушкина – повесть «Дубровский».

[34] Это хорошо видно на примере судебного дела между помещицей А.Г. Левшиной и ее соседом помещиком Н.И. Ботвиньевым, длившегося в 1765–1785 гг. См.: *Акельев Е.В.* Динамика и структура дворянских судебных разбирательств в России 30–70-х гг. XVIII в. (по материалам Судного приказа) (в печати).

Ю.Л. Бессмертный

[Письма в Париж]

Публикация О.И. Тогоевой

Публикуемые ниже письма Юрий Львович Бессмертный писал мне в Париж в 1993-1994 гг. Почтовая связь в то время была настолько ненадежной, что до адресатов доходило в основном лишь то, что посылалось «с оказией». В нашем случае таких оказий было три, чем и объясняется количество полученных мною писем. Все они касаются по преимуществу моей учебы в аспирантуре университета Париж I-Пантеон-Сорбонна, книжных новинок, которые так всегда интересовали Ю.Л., моих впечатлений от французской исторической науки и французов вообще. Но главным, как мне кажется, в этих письмах остается личность самого Юрия Львовича, его голос, его интонации, его внимание к собеседнику, его способность с любым говорить на равных. Именно этим они мне и дороги…

Письмо первое[1]

29 октября 1993 г.

Дорогая Оля,

Пару дней, как получил Ваше интересное письмо. Очень ярко представляю, как Вы «ходите по тем же самым улицам» и удивляетесь «благополучным и счастливым лицам», так что «даже скучно»… Вы конечно же понимаете, что из 10 «благополучных» лиц на самом деле «счастливы», хорошо, если два; они же, черти, уж сколько времени умеют «казаться» совсем иными, чем на самом деле. (Может уже и Ваши «подопечные» из 14 в. это умели?). Я кажется рассказывал Вам, как меня на первых порах поражали *молчащие* соседи в дальних поездах. Мы-то, в славянском мире, привыкли к другому. Нам все еще нужно пообщаться, поговорить, да и себя показать, будь то в поезде, или на бережку, не говоря уже про свою или соседскую кухоньку. А они, такие-сякие, в этом нуждаются гораздо реже.

[1] Публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

«Собеседник» для многих из них только внутри, хотя и с этим «собеседником» они, кажется, менее откровенны, чем мы. Что же касается всех «вовне», то для таковых заранее заготовлено нечто совершенно непрозрачное и простенько-«счастливое». Но от этого на самом деле им бывает, наверное, далеко некомфортно.

Вот Вам некий «дискурс». «Кладу» его на стол и жду опровержения.

По-моему Вы удачно выбрали тему[2]. И права M-me Gauvard[3], что в ней есть le sens moral. Я бы осмелился заподозрить и нечто большее. Это мы, когда говорим «пытки», испытываем вполне определенные эмоции и вкладываем в это понятие вполне однозначный смысл. А они?… Я бы с интересом узнал ответ на этот вопрос.

(В скобках замечу, что сходным вопросом по отношению к терминам mariage и les liens extramatrimonials я задавался в докладике, который читал на этой неделе на конференции в Москве, причем меня интересовало не то, как изменилось конкретное наполнение брака, а то, насколько *однозначно* mariage противостоял в головах французов 14 в. aux liens extramatrimonials[4]). И здесь – и «когнитивная» история a la Копосов тоже может пригодиться[5]. И не только потому, что важно понять, как

---

[2] Речь шла о выбранной мною теме D.E.A. (diplôme d'études approfondies) – "Recherches sur la torture au XIVe siècle d'après les registres du Parlement de Paris".

[3] Клод Говар (Claude Gauvard) – французский медиевист, специалист по политической истории и истории права, ученица Бернара Гене (1927–2010). С 1992 по 2009 г. руководила кафедрой средневековой истории в университете Париж I-Пантеон-Сорбонна, которую возглавила после выхода Б. Гене на пенсию. В 1993–1994 гг. именно К. Говар являлась моим научным руководителем. В настоящее время – почетный профессор университета Париж I-Пантеон-Сорбонна.

[4] Эти рассуждения, вероятно, отчасти легли в основу статьи: *Бессмертный Ю.Л.* Демографическое поведение и демографические процессы во Франции IX–XV вв. // Женщина, брак, семья до начала Нового времени. Демографические и социокультурные аспекты / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1993. С. 7–13.

[5] О когнитивной истории «à la Копосов» см. прежде всего: *Копосов Н.Е.* Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4; *Он же.* Хватит убивать кошек! Кри-

меняется человеческое понимание вообще, но и потому, что хочется понять, что мы, историки, можем, а что не можем понять.

Я не знаю книги Violet Le Duc: действительно ли это то, что в названии[6]?

Надеюсь через Вас узнавать об исследовательских новинках в Париже, да и о теоретических и историографических работах и статьях. Особо пристального внимания заслуживают, как я уже кажется говорил, Boureau, Chartier, Lepetit, Parisse, Guerreau, Barthelemy, ну и конечно Контамин, Генэ, Ле Гофф, Дюби и пр. Очень мне интересны и новые имена. Жду Ваших «открытий».

Что касается нашей медиевистики (только что прошла грандиозная конференция по урбанизму), то в ней по-прежнему гоняются за «фактиками», что конечно очень важно, но совершенно недостаточно. (Как Вы конечно знаете, историк начинается с раздумий над собой, над своей способностью понять «фактики», над гранью между своим пониманием прошлого и им самим, над проблемой и ее местом в историческом контексте, наконец; но конечно думать, а тем более «задумываться» вредно…).

Это письмо Вам передаст Павел Габдрахманов, мой давний подопечный. Он с женой должен приехать на полгода-год по стипендии Дидро. Он – человек серьезный, рад буду, если Вы познакомитесь.

А как хороши, как свежи были… картофельные котлеты с грибным соусом…

Познакомились ли Вы с Николаем Копосовым и его женой[7]? Вышел ли 4-й номер «Annales»?

тика социальных наук. М., 2005; *Он же*. История понятий: когнитивный поворот // Сборник работ конференции по высшим психическим функциям и лингвистике. СПб., 2007.

[6] Речь шла о книге: *Viollet-le-Duc E.-E.* Encyclopédie médiévale. T. 1: Architecture. P., 1993, ставшей переизданием (в сокращенном виде) работы: *Viollet-le-Duc E.-E.* Dictionnaire raisonné de l'architecture française du XIe au XVIe siècle. P., 1854-1868. 10 vol.

[7] Знакомство с Н.Е. Копосовым и его женой Д.Р. Хапаевой состоялось на семинаре «Пространственное воображение и социальная история», который Н.Е. Копосов вел в 1993–1995 гг. в Высшей школе социаль-

Письмо второе[8]

8-13 декабря 1993 г.

Дорогая Оля,

Не отвечать на письма не в моих обычаях, но, к сожалению, у меня сейчас нет возможности добраться до письменного стола и написать Вам нормальный ответ. Ужасно много работы самого разного свойства. Поэтому воспользуюсь тем, что можно продиктовать Вам письмо на магнитоленту, которую может быть будет время расшифровать. А если нет, ну что ж, пошлю в виде магнитоленты – Вы будете слушать и чувствовать, что мы с Вами беседуем…

Хотел бы прежде всего сказать, что мне было очень интересно читать Ваше письмо. Большое спасибо. Вы пишите ярко и как-то образно, так что я даже вполне представил себе, как Вы там ходите по всяким парижским улочкам-переулочкам, заходите в музеи, на выставки книжной миниатюры и бываете, по-видимому, в Национальном Архиве и кое-где еще.

Но говорить-то надо, конечно, не только об этом. Очень рад, что Вам удается вот так по-настоящему работать и учиться. Здесь приходится признать, что у нас ситуация не очень простая. Не только потому, что есть всякие житейские трудности, но и просто потому, что психологическая напряженность, как выражаются всякие политики, настолько велика, что даже для тех, кто не очень политизирован, не очень просто отвлечься от обстоятельств, забыть про борьбу на выборах, забыть про выступления, которые позволяют себе завзятые политики, поливая друг друга. Вы, конечно, отвлеклись и не очень представляете себе нашу ситуацию – и это очень хорошо, поскольку прежде всего дает Вам возможность работать.

То, что Вы пишите по поводу Ваших впечатлений о степени открытости или закрытости французов, ну что ж, прекрасно…Я думаю, что Вы наверное правы. Действительно, дело в

ных исследований (EHESS) в Париже. Этот семинар я посещала по совету Ю.Л.

[8] Письмо пришло на аудиокассете, на которой рукой Ю.Л. была проставлена дата.

том, что французы, может быть, охотнее говорят открыто не с собственными соотечественниками. Тем более, что бывают какие-то ситуации, когда и самый закрытый человек раскрывается. Во всяком случае я не настаиваю на том, что все французы не рассказывают о своих сокровенных чувствах. Собственно, не хотел говорить этого в своем предыдущем письме. Но мне кажется, что если говорить о некоторой «ментальности», национальном характере, то здесь даже в тех случаях, когда француз начинает рассказывать о том, что происходит с его близкими, иной раз даже с ним самим – это несколько по-иному, когда то же самое делает русский человек. Русский человек стремится, как мне кажется во всяком случае, излить себя, не только свои переживания по поводу других, а именно собственную душу, если так можно выразиться. И я, никак не настаивая на том, что это абсолютно не свойственно французам, думаю, что это встречается среди наших с Вами соотечественников чаще, чем среди многих других. Это, впрочем, не так существенно, и я с интересом буду ждать Ваших наблюдений по этому поводу.

То, что Вы пишете по поводу Ваших занятий по медиевистике, по правде сказать, просто интересно. А то, что Вы рассказываете о новых книжках, вдвойне интересно. Больше всего меня заинтересовала упоминаемая Вами книга Favier. Favier – серьезный автор, и Dictionnaire, о котором Вы сообщаете, может быть действительно интересен[9]. Я был бы рад узнать, если это Вас не затруднит, каков объем этого Dictionnaire, какие именно понятия, явления, феномены в этом Dictionnaire отражены, насколько он велик по объему, есть ли при каждой статье библиография, сколько всего статей. Не исключено, что я обременю Вас или кого-то другого просьбой этот Dictionnaire приобрести…

Теперь по поводу спора между Говар, Геремеком и Молла о понятиях “pauvre”, “marginal” и “criminel”[10]. Я Вам признаюсь

[9] Речь шла о только что вышедшем на тот момент издании: *Favier J.* Dictionnaire de la France médiévale. P., 1993.

[10] Имелся в виду заочный спор между упомянутыми в письме историками, нашедший отражение в их работах: *Geremek B.* Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles. P., 1976; *Idem.* Inutiles au monde. Truands et misérables dans l’Europe moderne, 1350-1600. P., 1980; *Mollat M.* Les pauvres au Moyen Age. Bruxelles, 1984 (^{1}1978); *Gauvard C.* “De

откровенно, мне показался этот спор немножечко схоластическим. Возможно, я не знаю каких-то его деталей… В принципе, я думаю, что Говар права в том отношении, что конечно все в средневековом обществе входили так или иначе в общую структуру, и с этой точки зрения быть en marge действительно было невозможно. Однако кроме этого общего подхода (конечно, все как-то охватывались структурой средневекового общества) может быть понятие какого-то относительного плана. Один человек глубже, органичнее, прочнее, всестороннее включен в структуру общества, а другой – гораздо меньше. И с этой точки зрения можно себе представить существование неких маргиналов, которые до некоторой степени в рамках этого общества существуют, но в то же время до некоторой степени – в большей степени, чем некоторые другие – из этого общества выпадают. С этой точки зрения, в позиции Говар я не вижу полной убедительности. Что касается того, что каждый может стать преступником, это совершенно очевидно. И столь же, на мой взгляд, сложно ставить знак равенства между “pauvre” и “criminel”. Существуют люди, которые бедны и совершают преступления. Существуют люди, которые входят в этот разряд “pauvre”, которые конечно не просто бедны, но это такая социальная квалификация (я сознаю это и имею в виду), но тем не менее не являются преступниками. И наоборот, существуют люди, которые не являются теми, кого охватывает в том или ином смысле эта категория “pauvre” и которые тем не менее совершают преступления. Поэтому здесь я не очень понимаю, насколько *глубок* этот спор. Конечно надо не из вторых рук о нем слышать, но всерьез включиться в изучение аргументов каждой из сторон.

То же самое, до некоторой степени во всяком случае, касается разграничения на “vagabonds”=”criminels” и “vagabonds”, которые не являются “criminels”. Здесь тоже мне как-то не очень ясна аргументация, потому что, по-видимому, не все “vagabonds” будут профессиональными преступниками. Я думаю, что Говар в этом отношении совершенно права. Но здесь, возможно, важнее немножко другой аспект. Я имею в виду попытку несколько иного разграничения и “criminels”, и “vaga-

---

grace especial”. Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age. P., 1991.

bonds", и "pauvres". Меня опять-таки занимает не то только, как мы могли эти категории (или лучше говорить не «категории», потому что это естественно не правовые категории, а какие-то «социальные группы») различать, отправляясь от наших собственных критериев. Меня больше волнует, нельзя ли попытаться понять градации, с помощью которых можно было бы разграничить этих людей, исходя из их *собственных* импульсов, поведения и интенций. Я имею в виду конкретно вот что.

Можно себе представить, что какие-то люди, совершающие преступления, опасаются совершать их или, наоборот, побуждаются совершать их под влиянием импульсов разного толка. Мне не надо Вам говорить, что цивилизации различаются по цивилизациям страха, цивилизациям совести и цивилизациям стыда. Насколько в разных ситуациях каждое из этих трех, очень важных и ключевых, явлений воздействует, насколько влияет на то, чтобы удержать человека от проступка? Насколько они в состоянии противодействовать таким моментам, которые человека к тому или иному преступлению побуждают? Как складывается эта борьба в душе каждого из возможных преступников? Какие импульсы борются в душе преступника ? Что определяет, совершает человек преступление, идет на него или нет? Я отнюдь не претендую на то, чтобы открывать Вам здесь какие-то новые перспективы, но мне кажется, было бы важно искать то, что мы называем «восприятие снизу». С этой точки зрения, было бы важно заниматься сюжетами, о которых я только что упомянул.

В этой же связи, возвращаясь к моему замечанию, о котором Вы упоминаете, о необходимости различать разные восприятия одного и того же явления современниками эпохи и нами, я бы хотел сделать еще одно маленькое замечание. Различать "crime" и "peche" – это конечно существенно. Но меня опять-таки интересует не только то различие, которое мы с Вами, отправляясь от своего сегодняшнего «я», способны провести. Не только то различие, которое видно при ознакомлении с классификацией Церкви и юристов. Но то различение, которое свойственно самим участникам этих преступлений, греховных действий. Это лежит глубже, но это, пожалуй, очень интересно, хотя конечно и очень трудно. Тем не менее, то, что Вы пишете о примере, приводимом в Вашем дипломе, когда убийство любовника, застигнутого на месте преступления, не считалось

Церковью грехом, очень интересно, и Вы здесь конечно совершенно правы. Ваша идея различать человека, преступившего закон, и преступника представляется мне весьма интересной, так же как и Ваше желание понять «маленького человека, преступившего закон». Я думаю, это действительно очень любопытно – понять психологию, мотивы действия, внутренние импульсы этого «маленького человека».

Если будете на семинаре Бернара Гене[11], при случае, передайте ему от меня поклон и спросите, может быть, он хотел бы мне что-нибудь передать, о чем-нибудь спросить. Я был бы рад узнать что-нибудь новое о его работах, о его новых публикациях, статьях. Я со вниманием слежу за всем, что он публикует.

Читая про Ваши трудности с палеографией, не могу не спросить Вас, нет ли возможности побывать на каких-то специальных занятиях. Я понимаю конечно, что Вы в состоянии освоить очень многое с помощью всевозможных справочников, но кое-что в палеографии есть такое, что может быть передано только при личном общении со специалистом. С этой точки зрения, если есть какие-то возможности изучать палеографию в более систематическом порядке, я думаю, что это очень нужно делать, просто по той причине, что сама профессия палеографа – удивительная редкость в наше время. У нас еще есть немало французских рукописей, которые мы не успели прочесть, не успели естественно опубликовать, так что не побрезгуйте, если у Вас будет возможность приобрести эту специальность, она очень ценна.

Остается пожелать Вам всего самого хорошего, Олечка, я очень рад Вашим занятиям, Вашим успехам и еще раз желаю Вам всего самого доброго.

P.S. Я буду очень признателен Вам, если Вы и дальше будете сообщать мне о новых книгах, новых спорах, новых сенса-

---

[11] Семинар Бернара Гене, посвященный проблемам источниковедения истории средних веков (прежде всего, средневековой хронистики), шел в 1993–1994 гг. в Практической школе высших исследований (Ecole pratique des hautes études), с которой Б. Гене продолжал сотрудничать и после своего ухода из Сорбонны. На этот семинар, как и на семинар Яна Тома (EHESS), посвященный проблеме юридической фикции в римском праве и ее рецепции в Западной Европе, я записалась по совету К. Говар.

циях в мире медиевистики или же вообще в парижской жизни. Естественно, меня все это очень интересует.

(Бессмертный)

Письмо третье[12]

15 февраля 1994 г.

Дорогая Оля,

Не могу не поблагодарить Вас за очень любопытное и содержательное письмо от 7 января. Ваш рассказ о путешествии на Юг, об Авиньоне и Сансе не может оставить равнодушным. Столь же любопытно и красочное описание Рождества. Любопытно, что в США, где мы с Ириной Михайловной[13] проводили Рождество 1992 г. в той же академическо-университетской среде, обстановка была совсем иной: кроме праздничной обстановки царил дух истового благочестия и несколько экзальтированного единства всех перед высшим Судией. Да и в Париже – на Пасху 1989 г. – нам тоже довелось быть в окружении, исполненном известной серьезности. Видимо, все это бывает поразному. Во всяком случае, я склонен думать, что времена веры еще далеко не миновали ни на Западе, ни у нас.

Ваше архивное усердие, я уверен, воздастся Вам сторицею. Вы спрашиваете, как быть с «15 в.». Насколько я могу судить, Вы избираете оправданный путь. Одного только 14 в. хватит на 1-е время с лихвой. А к 15 в. Вы вернетесь, когда в следующий раз приедете в Париж. Разве Вы там в последний раз??.

То, что Вы рассказываете о семинаре Guenee, действительно весьма любопытно и важно. Хотя и не принципиально ново. Вспомните о 2х «слоях» – нормативном и казуальном – даже в кутюмах! Тем не менее, этот случай подтверждает: выбирать семинары и лекционные курсы надо исходя не только (не столько) из темы, но и … личности ведущего (что кажется Вы и делаете). Guenee и его супруге Simone – наши «обратные» поклоны.

[12] Публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.
[13] Ирина Михайловна Бессмертная – жена Ю.Л. Бессмертного.

Спасибо за информацию о новинках и, особенно, за исчерпывающую характеристику словаря Favier[14]. Видимо, он пока для меня не самая первая необходимость.

Отдельно – о «ритуализации». Вы приравниваете ее к «архаизации». Так ли это? Что такое ритуал? И что такое ритуализация? По-моему здесь есть над чем подумать. Как Вы конечно знаете, о «ритуале», как явлении, написаны горы. Ритуал – действительно любопытная «призма» чего-то, что было и почему-то «запало» в душу. «Ритуализация» вещь по-моему более многозначная.

Согласен с Вами, что древние («народные») традиции обязательно укоренены и в писанном праве. Почему это противоречит «жестокости масс»? Разве средневековое право не жестоко? Что касается «судей», то, хотя Вы и правы, что они тоже «из народа» – но они «вышли» из народа и могут его традициям до некоторой степени противостоять.

О *связи* пыток с ордалиями Вы конечно правы. Но: кто назначал ордалии и кто – пытки? Кто формулировал правила пыток? Насколько эти правила отличались от правил ордалий? Почему происходили изменения в этих правилах? От кого они шли? Как преобразовывалось осмысление всего этого? Вы наверное и сами давно думаете над этим. Здесь по-моему в литературе не все выяснено.

Особо о форме работы над архивным текстом. Вы вероятно делаете массу выписок (что естественно). Думаю, что, несмотря на это, было бы хорошо иметь копию проработанных текстов: не все поддается при первом чтении…

Всего Вам самого доброго.

Ваш Бессмертный.

[14] По просьбе Ю.Л., я выслала ему полное библиографическое описание «Словаря», приложив к нему для наглядности список всех статей, начинающихся на букву “D” (этот раздел был одним из самых коротких).

Ю.Л. Бессмертный

К идеям семинара «Западноевропейская аристократия раннего средневековья. Идеалы, культурная практика, людские судьбы»

Публикация Ю.П. Крыловой

В конце 1998 г. Юрий Львович Бессмертный предложил своим ученикам и некоторым другим молодым медиевистам организовать семинар, посвященный изучению проблем индивидуального и стереотипного в истории на примере средневековой аристократии. Им была составлена публикуемая ниже предварительная программа будущих исследований, которые и предполагалось обсуждать на заседаниях. «Молодежный» семинар должен был функционировать по принципу «большого» семинара по истории частной жизни и повседневности, созданного по инициативе Ю.Л. в Институте всеобщей истории РАН, и стать продолжением этих дискуссий, акцентируя внимание на конкретной проблематике, интересной руководителю и кругу его учеников. Для участия в семинаре были приглашены студенты и аспиранты РГГУ, ГАУГН, МПГУ: Светлана Акатьева, Варвара Большакова, Юлия Крылова, Евгений Савицкий, Александр Сидоров и некоторые другие. Однако задуманному не дано было осуществиться: прошло лишь несколько заседаний, после чего семинар уже не собирался. Тем не менее, намеченная Ю.Л. программа исследований остается, на наш взгляд, до сих пор весьма актуальной. Возможно, она еще станет руководством к действию для нового поколения молодых ученых.

Текст публикуется без изменений, на упоминаемые Ю.Л. Бессмертным работы иностранных ученых даны соответствующие ссылки.

Семинар мог бы продолжить обсуждение проблем нашего семинара по истории частной сферы и роли индивида в ней.

Одно из первых по вниманию мест должна была бы занимать проблема *индивидуальной интерпретации* массовых пове-

денческих стереотипов. Такая интерпретация реализуется в конкретных поступках и, соответственно, в разных человеческих судьбах. О них – о конкретных судьбах – мы можем для периода раннего средневековья больше всего узнать именно на примере аристократии. Мы могли бы рассматривать каждую из известных нам судеб того или иного аристократа – представителя знати или, позднее, рыцаря – как до некоторой степени результат *интерпретации* этим человеком некоего имеющегося в аристократической среде поведенческого канона. (При этом речь идет о каноне во взаимоотношениях, которые так или иначе разграничиваются на «прото-публичную» и «прото-частную сферы»). Ясное дело, не все от самого человека зависит. Вот и интересно посмотреть, что именно (и в какой именно сфере) от него самого зависело, насколько он мог быть творцом своей собственной судьбы, а в какой – лишь игрушкой обстоятельств (или же – воли верховного властителя).

С другой стороны, можно было бы рассматривать все действия такого аристократа как своеобразную *культурную практику*, в ходе которой реализовывались (или не реализовывались) не только некоторые стереотипы, но и культурные *идеалы*, значимые для данной среды. (Опять же я имею в виду и публичную и частную сферы в их специфическом воплощении в это время).

Отдельная задача, которая при этом возникает, попытаться разграничить расхожий поведенческий стереотип и *идеал*, как признанную форму идеального (рекомендуемого средой или же идеологией) «избыточно нормативного» поведения. А на базе такого разграничения можно было бы рассмотреть, какова направляющая роль идеала, как он меняется и как распространяется (или не распространяется).

Очевидно, что, взявшись за раннесредневековую аристократию, мы неизбежно должны будем включить в круг наших интересов политику, но не как описание событий (хотя и без них не обойдешься!), а как прежде всего *способ властвования* и его варианты.

С точки зрения периода, я бы остановился на деяниях (и героях) каролингского времени, на Франции и Англии Капетингов и Плантагенетов, на Германии и Италии вплоть до конца периода Штауфенов.

Конкретную проблематику пока что определять рано. Но хотелось бы подумать о самых разных сюжетах. Здесь и отношение к традиции (родовой, этнической, конфессиональной, брачной) и возможность ее нарушения и создания нового стереотипа. Здесь и отношение к социальным граням, и их незыблемости, к возможностям их нарушения. (Нельзя ли с этой точки зрения посмотреть на проблематику Бартелеми[1]?) Здесь и понимание и выражение «радости жизни» и, наоборот, горя и соответственно, возможность и допустимость, на взгляд современника, в данной среде смеха и веселья, и наоборот, слез и печали. (По-моему, очень интересно проследить, смеялись ли когда-нибудь наши герои и если да, то когда; не заменяли ли им в жанровом каноне смех – «слезы умиления»?) Здесь и отношение к «агрессивности» и «миролюбию», трактовка «чести» (см. интересные работы R. Cust[2]), понимание «конфронтации» и «вражды» и т.д.

Отдельный сюжет – хронист (и вообще, писатель) и «власть» (и общество вообще). Насколько власть и общество предопределяли поведение, представления, мысли, интенции хрониста и писателя? Мыслимо ли разграничить в литературном творчестве того времени (и в разных его жанрах) «социальный заказ» и собственные интенции писателя, когда речь идет о разных сферах жизни (в том числе, и частной)? Насколько сковывал разных авторов жанровый канон? Кто в первую очередь решается на его нарушение? Как соотносятся с самоидентификацией писателя поэтическая и прозаическая формы? (См. работы G. Spiegel[3]). И мыслимо ли узнать что-либо о внутреннем мире писателя этого времени?

---

[1] *Barthélémy D.* Qu'est-ce que la chevalerie, en France aux Xe et XIe siècles? // Revue historique. 1994. № 290. P. 15–74; *Idem.* La mutation de l'an mil a-t-elle eu lieu ? Servage et chevalerie dans la France des Xe et XIe siècles. P., 1997, и др.

[2] *Cust R.* Honour and Politics in Early Stuart England: The Case of Beaumont *v*. Hastings // Past and Present. 1995. Vol. 149 (1). P. 57–94; *Idem.* Honour, rhetoric and political culture: the earl of Huntingdon and his Enemies // Political culture and cultural politics in early modern England / Ed. S.D. Amussen and M. Kishlansky. N.Y., 1995. P. 84–111.

[3] *Spiegel G.* History, Historicism and the Social Logic of the Text in the Middle Ages // Speculum. 1990. Vol. 65. P. 59–86; *Eadem.* Romancing the Past: The Rise of Vernacular Historiography in Thirteenth-Century France.

Все эти «вопросики» легко задавать, найти на них в источниках ответ много труднее. Но хорошо бы его поискать, исходя из имеющихся наработок и с учетом оправданности наблюдений над *отдельными* людьми.

Прежде чем начинать регулярную работу семинара, я бы считал небесполезным обсудить намеченные общие соображения и, что еще важнее, хорошо бы попытаться предпринять первые поиски. Если бы хоть что-нибудь такие поиски по конкретным источникам дали, продуктивность первых же семинарских сборищ многократно выросла. Итак, попробуем?

Los Angeles, 1993; *Eadem*. The Past as Text: The Theory and Practice of Historiography. Baltimore-L., 1997.

Источники иллюстраций

Обложка:

http://paysans.moyenage.pagesperso-orange.fr/topic /index.html (свободный доступ).

Статья И. Данилевского:

Илл. 1-6 – http://www.nlr.ru/exib/Gospel/ostr/index.html (свободный доступ).

Статья П. Габдрахманова:

Илл. 1-7 – фото из архива автора.

Статья С. Лучицкой:

Илл. 1 – http://classes.bnf.fr/ema/grands/871.htm (свободный доступ).

Илл. 2 – http://www.thefullwiki.org/Baldwin_V (свободный доступ).

Статья О. Тогоевой:

Илл. 1-3 – *Rossiaud J.* Amours vénales. La prostitution en Occident, XIIe-XVIe siècle. P., 2010 (цветная вклейка).

Илл. 4 – http://www.kunst-fuer-alle.de/deutsch/kunst /kuenstler/kunstdruck/hans-baldung-grien/16698/1/157742 /kaeufliche-liebe/index.htm (свободный доступ).

Илл. 5 – http://www.malerei-meisterwerke.de/bilder_ gross/hans-holbein-d.-j.-lais-corinthiaca-04704.html (свободный доступ).

Илл. 6 – *Morel B.* Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtiment dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle. P., 2007. P. 65.

Илл. 7 – *Karras R.M.* Common Women. Prostitution and Sexuality in Medieval England. N.-Y., Oxford, 1996. P. 98.

Статья М. Бойцова:

Илл. 1 – http://www.kleio.org/de/geschichte/stammtafeln/ wettiner/2654.html (свободный доступ).

Илл. 2 – http://austria-forum.org/af/AEIOU/Eleonore_von_%C3%96sterreich (свободный доступ).

Илл. 3 – http://www.kleio.org/de/geschichte/stammtafeln/wettiner/2655b.html (свободный доступ).

Илл. 4 – http://www.settemuse.it/pittori_scultori_europei/albrecht_durer02.htm (свободный доступ).

Илл. 5 – http://www.raetselbuch-der-renaissance.de/galerie/tft-d/index.php?album=albums/Duerer+Albrecht+1471-1528+DEU/&pic=1494_COURTYARD_OF_THE_FORME2.JPG (свободный доступ).

Илл. 6 – http://www.art-drawing.ru/gallery/1131-duerer-albrecht/comment/24120-duerer-albrecht-653 (свободный доступ).

Илл. 7 – Фотография автора.

Научное издание

Многоликая повседневность
Микроисторические подходы
к изучению прошлого
Сборник статей

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Подписано в печать 11.06.2014
Формат 60x84/$_{16}$
Гарнитура Таймс Нью Роман
Объем – 19,2 Усл. печ. л. Тираж – 100 экз.
Зак. №_____

ИВИ РАН Ленинский пр. 32А